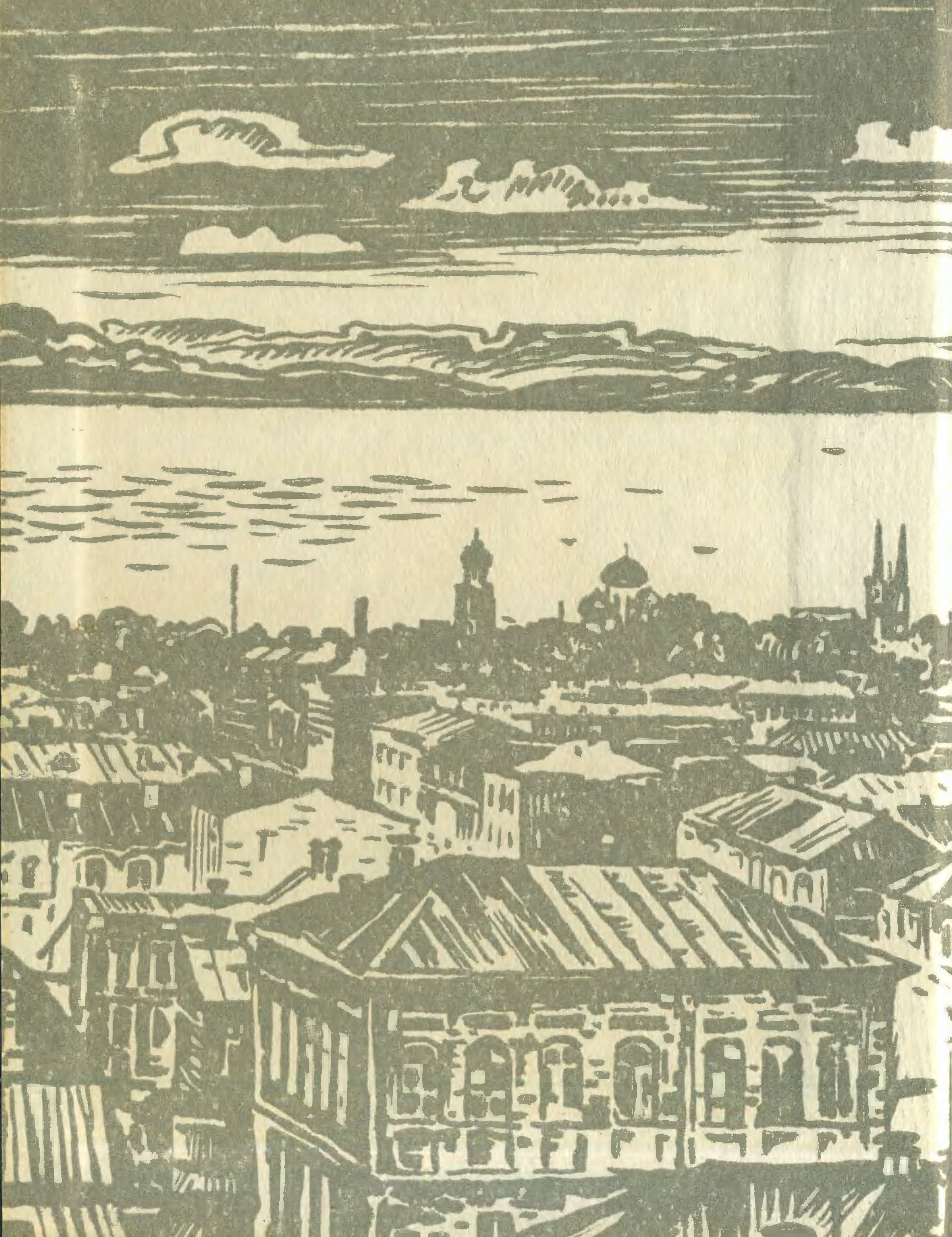

Э. КОНДРАТОВ, В. СОКОЛЬНИКОВ

**ИРЕВОЖНЫЕ
НОЧИ
САМАРЫ**

КУЙБЫШЕВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1980

Э. КОНДРАТОВ
В. СОКОЛЬНИКОВ

**ИРЕВОЖНЫЕ
НОЧИ
САМАРЫ**

Повесть-хроника

КУЙБЫШЕВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1980

P2
K64

K64

Э. Кондратов, В. Сокольников.

Тревожные ночи Самары: Повесть-хроника. — Куйбышевское книжное издательство, 1980. — 224 с.

Книга посвящается героическим чекистам, которые сразу же после создания ВЧК встали на защиту завоеваний социализма от посягательств внешней и внутренней контрреволюции. В основе повести — деятельность Самарской губернской ЧК в первые годы Советской власти.

Повесть рассчитана на широкий круг читателей.

P2

К 70302-036 12-80
M148(03)-80

© Куйбышевское книжное издательство, 1980

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга рассказывает о том, как работали в труднейшее для нашей страны время чекисты, рыцари революции, до последнего дыхания верные своему долгу.

«Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...»¹ — писал В. И. Ленин. Всероссийская чрезвычайная комиссия, созданная 20 декабря 1917 года, стала надежным и острым оружием подавления сопротивления свергнутых классов, террористической, подпольно-заговорщицкой деятельности внутренней и внешней контрреволюции, активизировавшейся во многих уголках молодой Советской Республики. Самара была одним из таких уголков.

Сразу же после создания в 1918 году в Самарской губернии ЧК ей пришлось начать борьбу против остатков белогвардейщины, вылавливать и обезвреживать укрывшихся карателей, эсеров, которые занимались подрывной работой на селе. Ими, в частности,

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, с. 122.

весной 1919 года был инспирирован кулацкий мятеж в ряде волостей Самарской и Симбирской губерний. Как было установлено, руководители его имели связь с колчаковцами.

Кулацкие мятежи вспыхивали и в 1920 году. При ликвидации одного из них в Кинель-Черкассах был пойман агент белогвардейской разведки Колосов. В это же время царские офицеры Буров, Шумановский и некоторые реакционные религиозные деятели возглавили в северных волостях губернии банды «зеленых». Боевые отряды ЧК решительно подавляли в самом зародыше всякие попытки вражеских выступлений против Советской власти.

В 1920—1922 годах серьезную опасность для молодой Советской Республики представляли вооруженные банды Сарафанкина, Серова и других главарей. Самарская губчека вела с ними успешную борьбу. Тут были не только вооруженные схватки. Чекисты с помощью партийных организаций и сознательной части населения проводили большую работу по разложению бандитских формирований изнутри. Деятельность чекистов осложнялась тем, что она осуществлялась в условиях надвигавшегося страшного голода, вспышек эпидемий холеры и тифа, острой нехватки топлива. И, несмотря на это, борьба с врагами революции увенчалась успехом. Они были разгромлены. Такова предыстория событий, описанных в повести Э. Кондратова и В. Сокольников «Тревожные ночи Самары».

Подлинные события начала двадцатых годов, описанные в повести, как бы уплотнены во времени и втиснуты в рамки хроники девяти дней одного года. Такая композиция книги подчеркивает как особо тревожную обстановку в Самаре, так и необходимость в этих экстремальных условиях оперативности, решительности и быстроты действий чекистов. Это состояние огромного напряжения воссоздано правдиво и достаточно убедительно.

Начинается повесть, казалось бы, с довольно банального убийства уголовника. Однако выбор необычного места для совершения преступления — вблизи здания ЧК, да еще на глазах у часового, заинтересовал чекистов. Профессиональное и политическое

чутье подсказало им, что случай этот не рядовой. Начинается расследование. Так читатель вводится в водоворот событий, знакомится с многосторонней деятельностью сотрудников ЧК. На протяжении всех девяти глав повести интерес к ней не снижается, напротив, от страницы к странице книга захватывает все больше. Заканчивается она ночной операцией чекистов по ликвидации остатков контрреволюционной организации, существовавшей в Самаре.

В ходе повествования, помимо основных оперативных мероприятий, проведенных чекистами, показаны разные стороны их деятельности: борьба с взяточничеством, спекуляцией, участие в мероприятиях по борьбе с голодом, эпидемиями, детской беспризорностью. Подлинные документы, приведенные текстуально, обогащают произведение и усиливают его правдивость.

Описываемые в книге события совпадают по времени с началом осуществления НЭПа. В ту пору многие, в том числе и чекисты, особенно молодые, не избежали колебаний и опасений за судьбу завоеваний революции. Но в своей деятельности они были принципиальны и решительны и предпринимали немедленные меры к пресечению поползновений врага, смело шли на встречу опасностям ради выполнения задания, ради защиты интересов народного государства. Так было в жизни, и эта сторона работы чекистов двадцатых годов достаточно достоверно отражена в повести.

Кем были в жизни люди, ставшие героями повести-хроники «Тревожные ночи Самары»? Образы чекистов в повести созданы собирательно, фамилии их, за исключением двух-трех, вымышленные. Однако по биографическим данным и образу действий в председателе Самгубчека Вирне легко узнать первого председателя Самарского губчека И. Г. Бирна, в начальнике секретного оперативного отдела Белове — самарского большевика Беляева, в рядовом чекисте Ягунине — бывшего красноармейца Ягунова. Все они люди, преданные Коммунистической партии, ее идеалам. На страницах повести мы встречаемся и с такими чекистами, как

Ратнер, Гончаренко и другие, которые выведены под своими фамилиями. И очень хорошо, что читатели восьмидесятых узнают о всех, кто с честью пронес высокое звание чекиста.

Фамилия одного из тех, кто противостоит чекистам, Гаюсов. Бывший контрразведчик белых, он показан как организатор контрреволюционного подполья, умеющий подчинять людей своей воле и способный на любые враждебные действия. Он специалист по изготовлению фальшивых документов, мастерски водит автомашину, когда нужно, умелый обольститель. В схватках со своими противниками Гаюсов находчив, бесстрашен и беспощаден.

Авторам не было необходимости выдумывать своего главного отрицательного героя. Прототип Гаюсова — Баюсов был достаточно яркой фигурой с действительно богатой биографией злобного антисоветчика. Для создания образов других контрреволюционеров в повести удачно использованы документальные данные о разоблаченных в те годы преступниках. Вкрапленные в разные главы подлинные факты и сообщения о разгромленных бандах и контрреволюционных выступлениях всякого рода антисоветского подполья повышают историческую достоверность повести.

В книге враги Советской власти показаны сильными, умными и деятельными. Это только усиливает наши симпатии к молодому органу пролетарской диктатуры — ЧК и ее сотрудникам. Мы по достоинству оцениваем их преданность ленинским идеям, зрелость, отвагу, чистоту помыслов.

Герои повести живут и работают не в каком-либо условном, чисто литературном городе, а в реальной Самаре, так хорошо знакомой старожилам и в некоторой степени — современникам. По мере развития событий герои как бы водят вместе с собой читателя по улицам старой Самары. Книга пронизана любовью к городу, а иллюстрации отлично дополняют текст.

Повесть «Тревожные ночи Самары» исторической правдой, полнотой описания политической обстановки в Самаре начала двадцатых годов, занимательностью и остротой сюжета несомненно привлечет внимание читателя. Ее значение не только в художест-

венном осмыслении событий прошлого. Знакомя сегодняшнего читателя с героическим прошлым, с опытом старшего поколения, повесть способствует формированию у советского человека, и прежде всего у молодежи, высоких моральных качеств — беззаветной любви к Родине, человеколюбия, высокой бдительности и непримиримости к врагам коммунизма. В этом ее ценность.

Генерал-майор в отставке
И. Кинаров,
почетный сотрудник госбезопасности

ВТОРНИК

1

Поджав коленки, чтоб не стонало брюхо, озлобленная надвинувшимся голодом и озадаченная полупонятым декретом о НЭПе, спала Самара одна тысяча девятьсот двадцать первого года в теплой летней пыли. Как ночь, так ежится город, затихает, и на улицах, естественно, ни души. Кой-чему научили годы гражданской войны, этому тоже: дело к темну — запирай ворота и ставни крепче, постучат — зажмурься и молчи, покамест не узнаешь, кто стучится. И хотя уже года полтора в мысленно обоз-

римых окрестностях большой войны нет — разве что где-то на Дальнем Востоке, так он дальний и есть, — чуть не каждую ночь, однако, слышит чуткий, всегда настороженный обыватель, как где-то на улице — рядом, ей-ей рядом! — хлопает выстрел. Жулье! Его в Самаре хватало и в дни благополучия, а в пору лишений... Эх, о чем говорить!..

В третьем часу ночи хлопнул выстрел шагов за двадцать от скрещения Николаевской и Предтеченской улиц. Не дошагал эти сосчитанные следствием шаги и никогда уже не дошагает человек среднего роста, лет тридцати. Шел он в опасной близости от губчека, которая размещалась в каменном доме бежавшего с чехами купца на углу упомянутых улиц. Часовой Серков заметил его приближение и даже цевье винтовки сжал пальцами от некоторого волнения. Так что убийство произошло у него на глазах: человек стал пересекать улицу, из-за афишной тумбы бабахнуло, и кто-то, не таясь, побежал по Николаевской в сторону собора. Часовой крикнул: «Стой!» — и успел пальнуть ему вслед, но попал не попал, знать не мог.

Упавшего человека — после того как убедились, что не человек он уже, а труп, — не трогали до рассвета. А как посветлело, разглядели, что одет он обыкновенно: полосатые брюки, выпущенные на голенища сапог, синяя сатиновая рубаша, замызганная шляпа. Лицо его не было знакомо ни часовому, ни дежурному. Скуластое, с жесткими, немного несимметричными усишками, а остальное — без особых примет.

Да, вот еще: убитый был сразу при двух серебряных карманных часах, нацепленных на кожаный ремешок. Примета верная: она объяснила, что человек с неодинаковыми усами — урка.

Дежурный по Самгубчека уполномоченный Кузьмин не стал будить начальство телефонными звонками, поскольку посчитал уничтожение единичного урки происшествием незначительным. Гнаться же за тем, кто стрелял из-за тумбы, было, в сущности, некому — почти половина самарских чекистов охотилась за более крупным зверьем — за бандами Серова и Сарафанкина, которые

орудовали на юго-востоке губернии. Короче, люди были наперечет. Так что Кузьмин ограничил свою временную начальственную роль записью в книге происшествий, оставив труп на мостовой до полного света.

Однако скоро на душе у него заскребло. Девятнадцатилетний уполномоченный ЧК был очень добросовестным и опытным работником. Слушая, как балабонит Серков: «А я только хотел, а он как шарахнет, а я как дам...», — Кузьмин то и дело возвращался к мысли об удравшем убийце.

«Надо было хоть мне побегать, что ли», — с неудовольствием думал он, понимая, что именно так, и никак иначе скажет своему начальству: надо, мол, было погнаться, да упустил момент... Кривить душой Кузьмин не хотел, так как знал по некоторому личному опыту, что тогда бывает еще хуже.

Только зряшными были его печали: тот, кто стрелял из-за тумбы, обнаружился неожиданно скоро.

Жизнь наша, как известно, не обходится без случайностей. Одна из них была в ту ночь: часовой Серков почти в полной темноте попал в убежавшего человека. Горячий свинец, выплунутый старой трехлинейкой, прошил ему бок и куда улетел дальше — неизвестно. А человек чуть не целый квартал пробежал в запале, сжимая в руке наган и не обращая внимания на рану. Потом ему вдруг стало очень тяжело. Кровь пропитывала штанину, хлюпала в сапоге. Раненый матерно ругался и рычал, зажимал обеими руками бок, пытался бежать, но слабость все настойчивее тянула к земле. Он то и дело распрямлялся, делал несколько шагов и все оглядывался по сторонам. С Николаевской он свернул на улицу Льва Толстого, потом на Соборную, но быстро двигаться был уже не в силах — чуть не падал, волочил правую ногу, и невидимая пыль, поднимаясь клубами, забивала ему глаза, гортань и нос, а каждый камешек на пути словно выпячивался из мостовой, чтобы зацепить за ноги.

Он упал, и пухлая пыль не смягчила удар подбородка о камень.

— М-мать... — с мукой выстонал раненый и медленно поднялся. Мелко перебирая ногами и наклоня голову, он вытянул, как слепой, руки и пошел к забору. Звонко стукнул по доскам наган. Теперь он двигался, держась за стены домов и заборы. Только выступавшие, как челюсти, крылечки деревянных зданий мешали, и он огибал их, пачкая кровью. Собаки не лаяли — голодающие беженцы почти всех уже прибрали к рукам, да и пирожники, по слухам, не брезговали пускать шавок на начинку. Только одна бреханула и трусливо смолкла.

Силы покидали раненого. У кирпичного особнячка с парадным крыльцом, полуподвальником и свежеекрашенными ставнями он снова упал. Полежал без движения, затем, царапаясь по стене, поднялся к окну и стволом нагана постучал в ставню.

Окно молчало. Он постучал снова и снова. В щели прорезался тусклый свет. Тогда он крикнул срывающимся голосом:

— Откройте... вы!..

И упал — вернее, опустился на подогнувшиеся тряпичные ноги и затем круто повалился на бок, не выпуская из вывернутой руки нагана.

В доме по-прежнему было тихо. Но вот звякнул замок, скрежетнул запор, и дверь с кудряво выписанной надписью на бронзовой табличке.

МАКСЪ ИВАНОВИЧЪ ГЮНТЕРЪ, ПИВОВАРЪ

отворилась, правда, всего лишь на ширину ладони — настолько пускала ее массивная, хоть кобеля сажай, цепочка.

— Эй, тута хто? — позвал сиплый до свиста голос из-за двери. Обладатель его держал в руках сильно прикрученную лампу-семилинейку и, судя по дерганью света, сильно трусил.

— Никого вроде нету, Макс Иваныч, — с некоторым облегчением сказал он, обернувшись в темноту дома.

— Этого мы не можем знать, — послышался в ответ твердый тенорок. — Ты обязан посмотреть, Николай.

— А коли они под крыльцом? — недовольно спросил Николай.

Однако же, помешкав, снял цепочку и высунулся по плечи.

Ночь уже начала сереть, но противоположная сторона Соборной улицы еще пряталась во мгле, проступали лишь силуэты столбов. Тихонько шлепая босыми, изуродованными ревматизмом ступнями по крашеным ступеням, дворник Николай спустился с крыльца и, присев, поднял лампу над головой. Другой рукой он держал у пупа сползающие серые кальсоны.

— Вроде никого, — прохрипел он и тут же потряхнул бороденкой, забормотал испуганно: — Господи, господи, мать моя, гля-а-а...

Он ссутулился и пригнулся, вглядываясь в темневшее на земле тело, и держал лампу на отлете, как гранату или шашку.

— Кто там есть? — с тревогой спросил тенорок.

Дверь раздвинулась шире, и с крыльца, осторожничая, спустился упитанный короткий человечек в пижаме с кантами и махровом халате. Седая бородка клинышком, пенсне над рачьими глазами и в особенности ночной колпак — это был явный немчик, и, если б не табличка, можно было б добавить: типичный немецкий врач, которых рисовали несколько лет назад в «Сатириконе».

— Никак помер, — прошептал Николай и ковырнул узловатым мизинцем щеку лежащего человека. Потом потрогал веко, перекрестился.

— Помер.

Плотный старичок тоже перекрестился и приблизился семейными шажками. Присел, взял у дворника лампу и с внимательностью оглядел лицо.

— Выбрал место, где ему ложиться умирать, — бормотал он. — Мой дом не такое место. Это будет осложнение, нехорошо... Николай!

Макс Иванович выпрямился.

— Чево?... — угрюмо отозвался после некоторой паузы дворник в предчувствии неприятного поручения.

— Отнеси этого... — Гюнтер прокашлялся, — подальше от моего дома. Положи его там, где хозяева рано проснутся. Потопись, покуда люди на улице отсутствуют.

— Волоком, што ль?.. — сердито захрипел Николай, но, махнув рукой в отчаянности, подхватил под мышки труп и, приподняв его на аршин от земли, поволок вдоль квартала в сторону площади. Наган выпал. Дворник матюкнулся, подобрал оружие, сунул мертвому за пазуху и, изменив маршрут, потащил его через улицу.

Макс Иванович подождал у крыльца возвращения Николая и распорядился спокойным голосом:

— Сегодня ты должен очень рано подметать, понятно?

— Чай, не дурной, — огрызнулся дворник и сокрушенно оглядел темный от крови рукав бязевой рубахи.

— Одежку, Макс Иваныч, сменить ба...

— Идем, Николай, идем! — Кисточка на колпачке благожелательно дернулась. — Я сейчас выдам тебе новую одежду.

...Через час, выйдя с метлой на крыльцо, дворник Николай заметил силуэт мужчины, воровато метнувшегося от дороги к дому Минаевых. Это им дворник подбросил мертвяка.

Николай удовлетворенно клектнул: догадался, что Минаевы оттащили труп подальше.

Никто из обитателей Соборной улицы не желал отвечать на назойливые, а главное, небезопасные вопросы «угро» или «чеки».

2

Расследование убийства на перекрестке возле губчека было поручено сотруднику особых поручений Михаилу Ягунину. Хотя Михаил был ровесником уполномоченному Кузьмину, чекистом он был против него менее опытным. Меньше месяца назад пришел он в ЧК из Красной Армии, вернее, из госпиталя, где провалялся больше полугода после польского похода. Панская пуля, пройдя через легкое, совсем было отправила красноармейца Ягунина на тот свет. Выздоровливал он трудно, рана не хотела заживать. Когда же здоровье пошло на лад, Михаил, как бы насмехаясь над судьбой, схватил двустороннее воспаление легких.

Удивив госпитальных врачей, Ягунин, однако, выжил, хотя исхудал, стал сутулиться и частенько с надрывом кашлял.

Этот невысокий, курносенький паренек с толстыми губами и светлым чубом был единственным в Самгубчека обладателем черной кожаной куртки. Ни уполномоченные, ни начальники отделов, ни сам председатель товарищ Вирн — о рядовых сотрудниках и говорить не стоило — не имели традиционных, ставших почти символическими, кожаных курток, поскольку в конце прошлого года приказом по Самарскому губчека всему наличному персоналу было предписано «сдать кожаное обмундирование для направления красноармейцам на фронт». У Ягунина же кожанка появилась нынешней весной — ее подарил Михаилу питерский чекист, которому отрезали в госпитале ногу. Теперь Ягунин был щеголем среди чекистов и не раз уже отклонял предложения сменять ее, хотя вещи предлагали взамен отменные: новенькие английские не дошедшие до Врангеля ботинки с толстой подметкой, маузер в полированной деревянной кобуре с неясной монограммой и к нему в придачу подбитая ватой шинель.

Несмотря на сухое и ясное утро, которое предвещало, что и день нынче будет точно такой же, как вчера, как позавчера и как уже подряд третий месяц — без капли дождя, знойный и пыльный, — на Михаиле была надета кожанка. Товарищам, которые подначивали на этот счет, Ягунин объяснял свое несезонное пристрастие к ней боязнью застудить легкие. Каждый сквознячок был для них опасен. Это была чистая правда, но не вся: у Ягунина просто-напросто не было приличной рубахи, а давно побелевшая гимнастерка расплзлась на спине и плечах Михаила и чинить ее было бесполезно. Все-таки он ее чинил ежевечерне, шепотом ругаясь и чуть не плача от ярости. Приходилось быть щеголем поневоле, потеть, но терпеть.

Стирая со лба первую за сегодня испарину, сотрудник ЧК Ягунин шагал по грязным, голым — ни деревца — улицам Самары.

В кармане кожаной куртки у него лежал влажный пакет из

газетной бумаги с фотографическими снимками, которые всего полчаса назад отпечатал с пластинок фотограф губотдела Ботоногов. Идти было недалеко, кварталов шесть: Самарский угрозыск был расположен рядом с синагогой на Садовой, занимая довольно необычный дом — с улицы приземистый, одноэтажный, а со двора двухэтажный, в нем прежде располагалось жандармское управление.

Показав удостоверение дежурному, Ягунин поднялся на второй этаж по лестнице, сохранившей от былой своей беломраморности сливочные полосы возле стены и вдоль перил, безо всякого интереса прошествовал мимо мелкой уголовной сошки, что сидела на скамьях и на полу в круглом проходном зальце, и, остановившись возле одной из дверей, сильно постучал костяшками пальцев.

— Занят! — отозвался резкий голос, но Михаил, и секунды не поколебавшись, вошел.

— Занят же! — недовольно крикнул худой человек в синей косоворотке, поднимая от протокола изможденное желтое лицо с острыми скулами, над которыми в черных окружьях, как у енота, прятались глаза.

Это был знаменитый Рыжих, человек, знавший в лицо не только воров и бандитов, но и всю самарскую шпану. Он и сам вышел из запанских горчишников, и, не произойди революция, наверняка была бы и у Рыжих несправедная судьба. Этот человек все делал со страстью, а революционному пролетариату был верен до такой степени, что даже любимую жену свою Виолетту переименовывал Варварой, дабы и духом буржуазным не пахло в их доме.

— А, Миша! — на миг раздвинул тонкие губы Рыжих и, повернувшись к невероятно грязному пацану, одетому в огромные штаны из мешковины и жилетку на голое тело, недобро проговорил:

— А ты погодь за дверью...

Пацана словно ветром сдуло.

— Посмотри, Макар, может, признаешь? Дай-ка газетку.

Ягунин солидно вынул из кармана пакет и принялся раскладывать на свежем номере «Коммуны» фотоснимки убитых нынешней ночью людей — того, что возле ЧК, и другого, подстреленного часовым.

Увидев первый же снимок, Рыжих присвистнул.

— Шлык! — воскликнул он.

— Чего? — недоуменно спросил Ягунин, решив, что Макар употребил блатное словечко: сам он «по фене» понимал мало.

— Венька Шлык, говорю, — досадливо повторил Макар. — Вор. С рецидивами. Сидел и при царе, и при Керенском, и при нас. Вышел... погоди... Вышел на рождество. Тьфу!..

Рыжих засопел и зло сжал челюсти, поймав себя на религиозной терминологии. Ягунин хмыкнул про себя, но виду не подал.

— Зимой ныне вышел, — продолжал Макар, неприязненно поглядывая на карточки. — Снюхался со Стригуном, с его шайкой-лейкой, в «Паласе» их видели вместе, в бывшем «Аквариуме». Так что этот гусь наш... А другого — нет, другого не знаю.

Он еще раз внимательнейше взгляделся в лицо человека, найденного мертвым посередине улицы Соборной.

— Видать, залетный гусь. Оставь фотку, поспрошаю.

3

Бывший слесарь екатеринбургского завода, а ныне начальник секретно-оперативного отдела и член коллегии Самарской губчека Иван Степанович Белов, тридцатилетний человек небольшого росточка, худой, но ширококостный, светло-русый и мелкозубый, часто мигающий при малейшем волнении, занимался с утра довольно редкостным для себя делом — отпаивал водой из графина молоденькую девицу Марию Адамович. А та заливала покаянными слезами свою белую, в синих горохах кофтенку и хорошего материала юбку и даже на бумаги брызнула горько-соленой влагой. Когда позвонил вернувшийся из угрозыска Ягунин, Иван

Степанович велел ему зайти и послушать допрос. Восемнадцатилетняя Мария Адамович, горничная архиерея Петра, была взята с поличным в момент дачи взятки в размере десяти миллионов рублей чекисту Гончаренко. Тремя днями ранее она принесла ему на квартиру задаток — восемьсот тысяч и четыре метра шелковой материи явно из церкви, а к ее следующему визиту Гончаренко приготовил понятых и товарищей по Самгубчека.

— Йой-йой-йо-о-о... — выпятив вишневые губы, дурным голосом завывала сочная барышня Манечка Адамович. — Я же не зна-а-ла... Йой-йой-йо-о-о...

Ягунин сидел в углу мрачноватого — окнами в кирпичную стенку — кабинета Белова и злился: на эту белугу следовало гаркнуть, чтобы она заговорила по-человечьи, а Белов посмеивается, водичку сует, в интеллигенцию играет. С такой-то дурой! Все одно не оценит. А может, Белов на него, на Ягунина работает? Картинничает? Или учит? Ха!

— Чего же он боялся, ты скажи? — допытывался Белов, держа наготове кружку с водой.

— Йой... Што заберут... боялся! — пуча синие, плавающие в соленых водах очи, повизгивала Манечка. — Ой-йой...

— Или грозил ему кто, или как? — добродушным дятлом долбил Белов.

— В Чеку небось всех богатых беру-у-ут... — тоненько плакала девушка.

Допрашивать Манечку стало бесполезно. Белов дал ей полчасика на нервное успокоение, велел посидеть в коридоре напротив двери.

— И чего же тебе прояснил Рыжих? — безо всяких вступлений спросил Белов и протянул руку к фотографиям, которые Михаил выложил веером на стол.

Ягунин ткнул пальцем.

— Вот этого не знает, поспрашает у своих. Наверяд самарский. А этот — Венька Шлык, урка. Короче, Иван Степанович, это не наши, пусть расхлебывает уголовка, ихние люди.

— Ишь ты, — быстро заморгав, засмеялся Белов. — Два убийства — это не сажень дров сперли.

Он бросил фотокарточки на стол и принялся сворачивать цигарку. Морщинки сбежались на лбу.

— Слушай... — сказал он и замолчал, кривясь от противного дыма: на кончике самокрутки у него горела бумага. Гася пламя клешнятыми пальцами, покрытыми не кожей — скорлупой, он продолжил: — А ты не соображал, Миша, такое не могло случиться, что парень-то шел к нам, в ЧК?

— Хы! — Ягунин дернул подбородком. — С чего бы? Знаете, кто этот Веня Шлык? Бандюга! Он от нас, как черт от ладана, а не то чтоб... Ему всякая власть не в жилу, вы Рыжих послушайте...

— Анархист, што ль? — иронически пыхнул цигаркой Белов. Ягунин обиженно отвесил толстую губу.

— Не анархист, а бандюга. До революции сидел, — Михаил загнул палец. — В революцию сидел, — загнул другой. — После революции — тоже, вот сейчас только вышел.

Иван Степанович мигал на него, будто и не слушал. Потом вздрогнул, спросил:

— Постой-ка, ты это к чему?

Ягунина злила невнимательность Белова.

— А все к тому. Ну, около нас его шлепнули, ну и что? Мало ли... Могли где хочешь.

Белов оживился.

— Вот-вот. Резон: могли где хочешь, а кончили возле нас. Са-а-мое, понимаешь, удобное место для убийств.

Он мелко засмеялся, почти не разжимая губы.

Упрямо бычась, Ягунин стоял на своем:

— Случайность. Шел мимо, напоролся на дружков. У них, бандюг, свои счеты. Урки есть урки. Сами знаете.

— Знаю, знаю... — Белов постучал пальцами по столу, в последний раз с наслаждением затянулся цигаркой.

— Что-то не верится, Миша. Все-таки сейчас не двадцатый год.

Нахальства у них сейчас помене, у твоих урок-то. Отбили им печенки.

Он вздохнул, словно бы жалея обиженных урок, и задал окурочку в бронзовой пепельнице. Она была частью сложного письменного прибора, вершину которого венчал некогда двуглавый, а ныне — стараниями чекистов — одноглавый орел.

— Не двадцатый, Ягунин, и не девятнадцатый, — проговорил он с добродушием и раздумчиво.

Ягунин дерзко усмехнулся.

— А какой? Я вот погляжу-погляжу: шестнадцатый — и все! Или тринадцатый — вот какой год! С голоду бедняки начинают помирать — знаете небось? А тут тебе лихачи скачут, пивные открываются, дым коромыслом... — Он закашлялся. — Вчера вон, Жудин говорит, в «Бристоле» ухарь-купец один... Бутылкой в зеркало — рраз! — и ручкой махает: «В счет клади, гуля-а-м!» Гада проклятая, недобитки самарские...

Говоря все это, Ягунин ходил поперек квадратной, скрипящей паркетом комнате, а Белов сидел за обширным столом, с которого давным-давно содрано было сукно, украсившее, должно быть, зад ушлого белоказака или не менее расторопного красногвардейца. Сукно теперь заменяла хорошо подогнанная фанера. Маленький Белов, тем не менее, смотрелся за столом солидно. Он медленно поворачивал голову, внимательно следя за Ягуниным, будто ожидал, что тот выкинет сейчас нечто интересное. Потом с мягкой досадой в голосе сказал:

— Опять ты за свое, Михаил. Ну что, политграмоте тебя учить, што ль? Ты ведь все резоны не хуже меня понимаешь, а?

— А вы поучите, — окрысился Ягунин и как-то нелепо взмахнул рукой. Его белесый, свисающий надо лбом чуб тоже мотнулся. — Я чегой-то поглупел в последнее время, вот вы меня и поучите. Когда били эту сволочь, я все понимал, а теперь смотри-ка, глупый!

— Жалко, что в апреле тебя не было в Самаре, Миша. Товарищ Куйбышев приезжал и насчет новой экономической политики

разъяснил — все чин-чином, как есть. Ты б тогда... Ну да ладно, давай, Ягунин, про работу.

Иван Степанович опять помигал, но уже не добродушно, не по-домашнему, как раньше, а деловито.

— Я вот думаю, есть резон заняться этим самым Шлыком, — сказал он будничным тоном. — И ты, чекистом будучи, должен понять, что тот, другой, шкурой своей рисковал, чтоб только к нам Шлыка не допустить. Меня это соображение очень тревожит, а как тебя — не знаю.

— Как хотите, товарищ Белов. — Ягунин сузил горячие серые глаза, губа подобралась. — Только скажу вам прямо: если мы с вами все ихние каши начнем расхлебывать, нам целой жизни не хватит. Всю контрреволюцию прохлопаем к такой-то матери.

— Не прохлопаем, не прохлопаем, — сухо возразил Белов. — Где, говоришь, он крутился? В «Паласе» што ль? — Белов потер подбородок.

Ягунин кивнул.

— В общем, так, — проговорил Белов убежденно. — Есть резон побывать нам в «Паласе». Есть. Нонче и пойдем...

4

Две большие лампочки, засунутые в разные — круглый и в виде сахарной головы — плафоны, кое-как освещали вывеску «Паласа» — не самого захудалого заведения среди немногих, открывшихся в Самаре к лету 1921 года. Вывеска вполне отражала свое время: она была выполнена броско, но в ярких, толстых буквах еще сквозила неуверенность и оглядка, словно рука художника, дописывала их, пугаясь собственной смелости. Короче, не было еще в вывеске «Паласа» нэповской размахистости, которая пришла двумя-тремя годами позже, и даже слова «ресторан» не было — на всякий случай хозяйка решила не употреблять даже скромное, но красивое слово «кафе», на что отваживались другие. Ну а писать «столовая» или «чайная» было просто глупо,

Звуки чарльстона и шимми рвались, рвякая и приглушаясь, из распаиваемой швейцаром двери. Их издавал жиденский оркестрик, состоящий из трех худощавых, хорошо известных в Самаре евреев, непонятно как не померших с голоду во время военного коммунизма и не расстрелянных при белочехах. Сейчас, с началом нэпа, у них появились и стол, и дом — как раньше, когда они играли в ресторане «Аквариум», располагавшемся, кстати, в этом же современном доме с округлыми окнами на Самарской. Несмотря на охватывающий Поволжье голод, у трех музыкантов была перспектива по крайней мере еще разочек выжить. Оттого-то древнее пианино самоотреченно дребезжало, а скрипка и контрабас нисколько не жалели дефицитных струн. И пусть в «Нице» заезжий «Бристоль» клиентов веселили то цыгане, то и дамский оркестр — в «Паласе» пустых столиков тоже было мало, ибо не каждому по карману люксовые заведения. А здесь... Что ж, здесь тоже музыка, тоже можно поесть, выпить вина, пива и даже... Гм-гм, оглянитесь — никого? Даже не производимой в республике водочки, правда, с явственным сивушным духом.

Только три свои широкие ступени да еще сажень тротуара освещали округлые окна и вывеска «Паласа». А глубже к улице была если не тьма, то полутьма, откуда время от времени выныривали мужские и — реже — женские фигуры. Но если сильный пол, топая сапожищами и шаркая штиблетами, уверенно пер на светлый прямоугольный двери, то туфельки — парусиновые и кожаные на каблуках — прохаживались мимо с расслабленной, интригующей, с такой манящей замедленностью. Голодуха уже выгнала из деревянных слободок и каменных центральных кварталов сотни самарских девиц, молодых и не очень молодых женщин. Работы не было, хлеба — тоже, а инстинкт самосохранения требовал: как хочешь, а живи. Вопрос о росте проституции в городе уже дважды рассматривался в губорганах власти, но поскольку накормить или хотя бы обеспечить сносным пайком всех женщин все равно было невозможно, то правильные, гуманные решения

оставались служить истории — как свидетельства бессильного участия и сострадания, проявленного к людям этого кризисного для Советской Республики года.

Ягунин подходил к «Паласу», когда шагах в десяти от широких ступеней подрались две проститутки.

Нет, впрочем, это ему показалось, что они подрались. На самом же деле мосластая женщина с отчаянно покрашенными скулами была дрянной своей сумочкой из фальшивого крокодила по белокурой голове и по рукам, закрывающим эту белокурую голову, молоденькую девицу, которая сидела на лавочке.

— Говорила я тебе, падаль, говорила, сучка, не ходи! — хрипло выкрикивала нападавшая. Видать, она вошла в азарт: подхватив рукой узкую байковую юбку грязно-зеленого цвета и отставив для упора ногу, все пыталась попасть девице сумкой в лицо, но та успевала отворачиваться и, даже не делая попытки встать, причитала:

— Мамочка ро-о-дная... Да что же это, мамочка, ой, да за что же это, что же это...

Мосластая никак не была похожа на родную мамочку, и поскольку голосок избиваемой звучал жалобно, а никого, кроме швейцара, вытянувшего гусаком шею, вокруг не было, Ягунин решил вмешаться.

— А ну, отзынь! — гаркнул он баском на вошедшую в раж проститутку. Та от неожиданности ахнула, отскочила, чуть не упав, и немедленно разразилась такой сочной матерщиной, что швейцар от удовольствия захохотал, а Ягунин опешил.

— Вали отсюда! — Он с угрозой шагнул, и дама самарского полусвета тотчас отпрянула в темноту.

— Урка паршивый! Недомерок! — раздалась оттуда ее хрипотца. — А ты, тварь, только еще появишься тут, я тебе... — И опять раздалась грязная, постепенно затихающая брань.

Михаил мельком взглянул в сторону лавочки и хотел было подняться на ступеньки, но вместо этого, воровато оглядевшись, нет ли поблизости своих, подошел к плачущей девушке. Плакала

она по-детски горько, вздохнув, острые плечи под розовым ситчиком кофты дергались.

— Больно, да? — негромко спросил Ягунин и дернул ее за рукав. — Ты не реви, слышишь?!

Девушка, всхлипывая, подняла голову, и Михаил увидел милое свежее деревенское лицо, на котором был нарисован — куда крупнее натурального — алый, теперь уже размазанный рот. Краска, а может быть, и сажа, с мокрых ресниц была тоже смазана, и этим белобрысая девица напомнила Ягунину сестренку Шурку — вечно перемазанную то в копоти, то в лесной клубнике.

— За что она тебя?

— Го-о-нит... — всхлипнула девушка, все-таки успокаиваясь. — Третьеводни побила... И сенни... Второй раз я пришла. А она дере-е-тся...

Она захлюпала, а Ягунин сердито прикрикнул:

— Не ходи сюда! Из деревни небось? Откуда?..

— Есть охота. — Девушка вытерла глаза ладонью, с удивлением посмотрела на черные от краски пальцы. — Новобуянские мы... Неделю у дядьки живу.

— Йех ты-ы, — изумился Ягунин. — Дак я же старобуянский! Зовут-то как?

— Нинкой, — слабо улыбнулась девушка.

— А меня Михаил.

Он подумал немного.

— Вот что, Нинка, как найти тебя завтра? Сюда больше не ходи, слышь?! Где дядька твой живет?

— На этой... Уральской, сто восемьдесят, наверху.

— А кого спросить?

— Ковалева... Что ль, придешь?

Ягунин досадливо крикнул:

— Сказал — приду!

Он еще подумал и сунул руку в карман.

— Держи, Нинка. Дядьке, слышь, скажи, что заработала с клиентом. Запомнила?!

Синие вытаращенные глаза на черном фоне размазанной акварели, открытый от изумления пухлогубый рот...

— День...ги?..

— Иди домой, говорю! — страшно зашипел Ягунин, боковым зрением заметив поднимающегося на ступеньки «Паласа» Белова.

«Как же без денег-то я?» — запоздало думал Ягунин, пережидая, когда Иван Степанович пройдет внутрь заведения. Вместе им появляться, как говорит Белов, не резон.

Швейцар — при галстуке, в фуражке — откуда все только взялось! — с приветливостью в позе потянул на себя тяжелую дверь, пропуская невысокого чернявого мужчину в мелко полосатой «тройке», с цепочкой на жилете и в шляпе с круглыми полями.

— Пжалста, гражданин, пжалста! — В голосе швейцара пролилась патока, и «гражданин» в усастьях устах прозвучало «господином». Какие уж тут товарищи!

Белов скрылся в глубине вестибюля, а Михаилу все еще было не срок. Снова и снова распахивались двери «Паласа», обдавая Михаила волнами визгливой музыки. Вот и еще. Швейцар и дюжий... этот... как их теперь зовут? Лакей не лакей, официант не официант... м-м... служащий выволокли наружу пьяного. Тычок — и тот повалился со ступенек в пыль, глухо бормоча про свое. «Пора», — сказал себе Ягунин.

Как и Белов, он взял себе на складе губчека оперативный маскарадный костюм. Белов нынче оделся под купчика, Михаил — под разбитного самарского мастерового. На нем была суконная фуражка, сапоги гармошкой, темная рубаша с воротничком-стойкой, застегнутая на дюжину пуговиц.

Швейцар с немалым подозрением поглядывал на Ягунина, когда он бродил под дверью. Однако, когда тот приблизился, увидел, что сердитая физиономия белобрысого паренька не сулит приятной беседы: такого попробуй не пусти.

— Проходи, товарищ-гражданин, — небрежно обронил швейцар, несколько компенсируя иронией свою трусость.

И Михаил Ягунин вразвалку вошел в «Палас».

5

В «Паласе» дымно и весело. Но до пика разгула еще далеко. Оживление начинается где-то около одиннадцати и продолжается до половины второго, до двух. Вот эти часы и вспоминаются впоследствии. Чаще — с изумлением и горечью, реже — со смачным причмокиванием: «Да-а... гульнули!..» Сейчас еще только шло к девяти, и хотя в «Паласе» было, кажется, все — и кошачья музыка трех евреев, и шарканье танцующих, и звон посуды, и пьяные выкрики, и хлопанье пробок, и громохание отодвигаемых стульев — в общем, все компоненты разухабистой ресторанной какофонии, — однако не витал здесь пока что дух пьяной истеричной взвинченности, под влиянием которой теряют люди свой человеческий облик и способны бывают на ничем не окупающиеся поступки. Мирно, очень мирно было в «Паласе» без четверти девять.

Белов солидно двигался между столиками, рассекая собой слоистую пелену табачного дыма и приглядывая место для наблюдения за всем залом. Узкоплечий служащий в задрипанном фраке и с «бабочкой» на грязной манишке скользнул ему навстречу.

— Вот сюда-с! — изогнувшись в талии и закинув на плечо салфетку, он поманил Ивана Степановича к столику, над которым скалой нависла тяжелая фигура «нэпщика» или «нэпача», — такими новомодными словечками успел окрестить народ вновь вынырнувших купцов. Впрочем, в газетах проскальзывало и другое, более культурное слово — «нэпман». Этот был типичный, будто сполз с карикатуры Моора на «акулу капитализма»: добротный костюм в елочку, массивные кольца на толстых коротких пальцах, тройная розовая складка, ниспадающая с затылка на воротник.

— Разрешите присесть? — спросил Белов и одновременно с тем отодвинул стул: спрашиваю, мол, из приличия, а сяду и без разрешения.

— Ну конечно же, конечно... — расплылась в добродушной улыбке физиономия «акулы капитализма», отчего в движение пришли не только губы, но и бугристый нос, и мясистые щеки, и даже лоб задвигался от удовольствия. Судя по опустевшей бутылке и незначительным остаткам закусок, «нэпач» сидел здесь давно и наверняка соскучился по разговору. Болтать попусту Ивану Степановичу не хотелось, но столик был расположен удачно, почти у стены, и Белов сел. Тотчас в руке оказалась карточка. Согнувшись в полупоклоне, официант ждал.

— Та-а-ак...

Белов, отставив руку с карточкой, деловито изучал меню и подсчитывал мысленно, на что же хватит ему тех двухсот тысяч, которые со скрипом удалось выдать у начхозфина Левкина на посещение ресторана. Ягунину зажимистый Левкин выдал вдвое меньше — аргументировал тем, что у мастерового в карманах бывает не густо, так что пей пиво!

— Принеси-ка мне, любезный... — тянул волюнку Белов, зная, что суета и спешка были бы не к лицу, — вот эту штуковину... по-казацки. И это... И вот это... — тыкал Иван Степанович пальцем в меню.

— Напитки-с? — Официант превратился в вопросительный знак.

Насчет напитков дело было скверно — для чекистской казны они дороговаты. Хотя, конечно, и надо бы хоть малость для пущего правдоподобия.

Белов, мигая, еще раз прикинул в уме примерную сумму: нет, не по карману.

— Пивка. Парочку... похолоднее.

— А покрепче-с? — интимно подался телом официант.

Белов шутиливо-сокрушенно вздохнул и постукал пальцем по лацкану напротив сердца:

— Здоровьице, братец, не позволяет.

Посерьезнев, официант озабоченно потряс головой:

— Понимаю-с. Сию минутку.

Сосед Белова по столику вытер салфеткой распаренное лицо и затылок. Сказал добродушным баском, напирая на «о»:

— Все на него велят, то есть, на вино. Напраслину возводят, а хвори-то не от вина вовсе, да!

— А от чего же? — машинально спросил Белов, будто бы рассеянным взглядом скользя по дымному залу. Его интересовало, где Ягунин. Неужели до сих пор не зашел? И что это еще за разговорчики с девицами во время дела?

— От волнениев, — убежденно, по-дьяконски торжественно проговорил толстяк и даже палец поднял. — Раньше, когда люди в спокойствии жили...

Вот он, Михаил! Ягунин, прислонившись к стойке, потягивал ливо и о чем-то лениво болтал с буфетчицей, полненькой смазливой бабенкой лет двадцати пяти.

Естественно, не мог Иван Степанович в ресторанном гаме слышать разговор Михаила с буфетчицей Нюсей. Говорил же он ей вот что:

— Ох и хитрая ты-ы... — Ягунин значительно и с некоторым восхищением растягивал слова, копируя разбитного николаевского взломщика-гастролера Бусю Гудочка, которого ему пришлось допрашивать. — А ка-а-к ты догада-а-лась, скажи-и?

Буфетчица, не отрываясь от дела — она разливала «бурдового» цвета вино по бокалам, — стрельнула на Ягунина серыми шустрыми глазками и коротко хохотнула:

— Ха! Велико дело! Я вашего брата за версту вижу насквозь. Одного поля ягодки.

— Да ну! — удивился Ягунин и чуточку прихлебнул из кружки. Он помнил, что с пивом торопиться нельзя: неизвестно, хватит ли ему остатков собственного жалования на вторую кружку. Ах как неосмотрительно сунул он все казенные дензнаки этой голодной Нинке. Хоть бы оставил маленько...

Ягунин посерьезнел лицом и слегка наклонился к буфетчице.

— Ладно, догадалась так догадалась... Точно, кореша мы с ним. Он говорил, что бывает у вас. Ну, вот я и того... пришел,

— Прише-о-л, — кокетливо передразнила Нюся. — А зачем тебе Венька-то?

Михаил глядел в кружку и потому не заметил пристального взгляда, каким молниеносно кольнула его Нюся, рассматривая на свет фужер.

— Должок за ним, — спокойно ответил Ягунин и сделал глоток. Он был готов к такому вопросу.

— В карты, что ль? — небрежно уронила Нюся.

— Да нет... Заказик ему сработал, по слесарной части. А он деньгу не принес. Посулил...

И тут Михаил надрывно закашлялся, не договорив: видно, для простреленных легких ресторанный чад был тяжел. Зажимая рот рукавом, Ягунин душил взрывающийся в нем кашель — ему не хотелось привлекать к себе внимание, но ничего не мог сделать с собой, грудь разъедало.

Он не видел, как замедленно обернулся сидевший за несколькими столиками от буфетной стойки худощавый шатен с широко расставленными глазами, отчетливой ложбинкой под крупным носом и набриолиненным пробором. Одет он был неприметно, как и большинство: что-то полувоенное, что-то пиджачное. Острым взглядом пробежавшись по лицу и одежде Ягунина, он опустил голову, словно опечалился, и отвернулся.

Как ни волюнил Ягунин, а пиво пришлось допить. Он поставил кружку, небрежно выбросил на стойку мятую пачечку денег.

— Так где же мне его, подлюку, искать? — спросил он, утирая ладошкой губы.

— Откуда я знаю? — Буфетчица пожала пышными плечами неопределенно. — Сам спроси... У тех вон, видишь? Его бражка...

Она кивком показала в угол зала, противоположный от входа, и добавила недобро:

— Хватит торчать у буфета. Прилип, не оторвешь.

Ягунин будто не слышал. Он пытался разглядеть компанию, занимавшую сдвинутые столики в углу, но трудно было это сделать: мешал табачный чад, застила мельтешня танцующих парочек. Минутку назад, когда скрипка, контрабас и рояль страстно вдарили популярный тустеп, в «Паласе» началось невообразимое.

Ягунин и без того еле сдерживал раздражение, а тут еще эта свистопляска. Какие хари, рожи, рыла — откуда вынырнули они все? Ведь четвертый год уже выводит Советская власть этих паразитов, а они, как тараканы из щелей, лезут и лезут...

Де-е-вочка На-а-а-а-а,
Чиво тибе на-а-а-а-а..

подвывал зал музыке.

Тупая квадратная физиономия, слюна в уголках рта запеклась густой пеной, радостны белые глаза хапуги, дорвавшегося до дешевого молодого мяса. Как тошнит, верно, эту косенькую девчонку от его смрадного дыхания, от его бормотания, похотливых лап, елозящих по спине и ниже... Где был ты, Ягунин, как проморгал, не поставил в свое время к стенке этого пакостника-спекулянта, воспрянувшего духом после введения НЭПа?..

— Веселый народ... — усмехнулся Ягунин и покрутил головой.— Значить, пойду поспрошаю, спасибочко!

Скверный Михаил актер, никудышный: кривая, ненавидящая получилась у него усмешка, и Нюся даже брови вздернула: ну и ну! Не выдержал Ягунин, пробираясь сквозь пьяное, пляшущее скопище, — поравнявшись с белоглазым, с острым наслаждением даванул каблуком носок модной штиблеты.

— Уй, сволочы! — взвыл белоглазый, бросая косенькую и хватаясь обеими руками за ногу.

— М-молчи, падло! — зыкнул на него Михаил, чувствуя, как зачесались глаза от дикой ярости.

Наверное, сказано это было внушительно — дернув за руку девицу, хапуга с квадратной рожей, перекошенной злостью и испугом, утонул в скачущей толпе.

Найти местечко неподалеку от интересующей Михаила компании было легко — прочие посетители «Паласа» старались держаться подальше от сдвинутых столиков в углу. Это было вполне объяснимо: одного взгляда хватило Ягунину, чтобы опознать не просто шпану, не «подозрительных лиц», а отъявленных, махровых, отпетых воров, а возможно, и бандитов. Их было восьмеро, почти все молодые парни, и лишь один был в возрасте, весьма, впрочем, неопределенном: гляделся он и на тридцать пять и на все шестьдесят. Его круглая, коротко стриженная полуседеющая голова, побитая лишаем, будто выросла в бугристые плечи, длинный шрам вертикально рассекал шершавую кожу от челюсти до брови. Глаза Михаил не разглядел — пожилой сидел к нему в профиль.

Как подбираться к блатным, как он будет разузнавать о Шлыке, Ягунин понятия не имел. Он решил положиться на время. Заказал подскочившему к нему официанту кружку пива — денег на нее хватило в обрез, поставил локти на стол, уткнул в ладони белобрысую голову и начал наблюдать и слушать.

И было что. Разномастная компания представляла собой живописное зрелище. Вырядились, словно нарочно: у одного из-под явно заграничного пиджака выглядывала драная тельняшка, другой был при галстуке, в манишке и в кавалерийских, подбитых кожей галифе, третий в своей красной, расхристанной чуть не до пояса рубашке и жилетке был похож на загулявшего приказчика. Тощий кадыкастый блондин держал в руках гитару с грязным бантом и, ныряя подбородком то вправо, то влево, то вперед, чистым тенорком тянул нескончаемую и трогательную песню о злополучной судьбе жигана, которого угораздило полюбить дочь прокурора. Ему никто не подпевал, и даже трем размалеванным, совсем юным девчонкам воровская баллада была ни капельки не интересна. Девочки, впрочем, были пьяны, в отличие от парней — из них никто еще как будто не захмелел. Гулять они начали не так давно — из пяти бутылок опустели две, а одна — наполовину.

Пожилой официант подошел к буфетной стойке и что-то спро-

сил у Нюси, но она не расслышала, отмахнулась и принялась подкачивать пиво. Официант стер полотенцем пот со лба, придвинулся ближе и, вытянув шею, спросил чуть не в ухо. Нюся пожала плечами...

— Эх, гоп-топ, Зоя! — взревели сильные и слабые, густые и тонкие голоса, подхватив популярную вульгарную мелодийку.

Официант удовлетворенно кивнул Нюсе, взял со стойки чистый фужер и направился, виляя меж танцующих, к столику, где в одиночестве застыл человек с блестящим пробором. Поставив перед ним фужер, пожилой официант перегнулся пополам:

— Справлялся о Веньке Шлыке.

— О Веньке? — вздрогнув, быстро переспросил человек с пробором.

— Так точно. Говорит, что тот ему должен. Какой-то слесарный заказ, что ли.

— Так, понятно... Значит, слесарь. Что еще?

— Больше ничего такого. Она его направила к шпане. Вон к тем.

Человек с пробором даже привстал, чтоб разглядеть.

— Кто такие?

— А, заваль, домушники. — Лицо официанта стало на миг презрительным. — Вон тот, головастый, старый, — пахан. Кличка — Стригун. Этот — серьезный, остальные — дерьмо...

— Послушай, Николай Фомич... — Клиент пальцем притянул официанта за лацкан — и на ухо: — Подойдешь сейчас к ним...

— В чулочках, што тебеийя подары-ы-л... — визжало и бесновалось в пляске потное стадо.

Только кадыкастого с гитарой не сбивала разухабистая свистопляска — он упрямо вел свою песню к трагическому финалу, как водит караваны старый верблюд, привычный к лаю лисиц и шакалов. Девочки из-за стола уже исчезли, как и трое молодых людей, — то ли тоже ушли плясать, то ли уединились где-нибудь, кто их знает? Пожилой официант, убиравший грязную посуду, оказался рядом с сонным паханом: жара и вино с пивом размо-

рили старого, голубенькие глаза подернулись пленкой. Нехотя ковырял в тарелке вилкой. Не оживился он, даже когда официант, потянувшись за пустой бутылкой, обронил:

— За вами, между прочим, смотрят. Фраер в косоворотке, справа от вас. С пивом...

Пахан немного подумал и скосил глаза.

— Мент?

— Угу-у... — благодушно пропел Николай Фомич, ловко подхватил поднос на вытянутую руку и, виляя задом, направился к окошку мойки.

Пахан будто опять задремал — подбородком коснулся груди, перестал ковыряться в тарелке. Но дорожка шрама потемнела — Стригуну ли спать, когда рядом — мент?..

6

— Нет, уважаемый, нет, нет и нет! — со смаком и радостью произносил толстяк каждое свое «нет», и Белову показалось, что хвалить и утверждать что-либо нэпач стал бы куда с меньшим удовольствием. — Не советую, нравитесь вы мне, вот и не советую, не советую, хоть тыщу раз спросите — не советую!

Он перевел дыхание, плеснул вина в большую рюмку, но пить не стал. Конца и краю не было хмельным его разглагольствованиям. Плел что-то о болезнях, потом переметнулся на инфляцию, погоревал, что забыл святое слово «рубль» русский народ — все «дензнаки» да «расчетные знаки», а теперь вот и «лимоны» появились... Наконец пристал к Белову, кто он да что он, и вот нес теперь ахинею. Белов, втянутый в пустой разговор, сдерживал зевоту.

— В Самаре дела не сделаешь, это вам коммерсант говорит. Не сделаешь! Свечной завод — ишь! Ха-ха! Чего захотел, ишь! Розовые щеки ходили студнем.

— Поезжайте вы назад, в свой Тамбов, открывайте там хоть двести заводов. А у нас — нет! Нельзя, уважаемый, нет!

— Отчего же нельзя, теперь вроде везде можно, — чтобы хоть что-нибудь сказать, пробормотал рассеянно Иван Степанович.

— Везде можно, а у нас нельзя! — упорствовал болтливый толстяк, размахивая вилкой.

— Отчего же?

— Самара! — толстяк положил вилку, поднял к носу указательный палец, дико скосил на него глаза и повторил: — Са-ма-ра!

— Самара оно Самара, — протянул Белов, но толстяк перебил:

— У нас слопают! Не потерпят наши конкурента, не-ет. Сроду не терпели. А ежели и станете на ноги — власти прищучат. Как милого голубочка, прищучат.

— Власть, чай, везде одна, — миролюбиво заметил Белов.

Благообразное лицо «нэпача» вдруг ожесточилось — теперь это был сердитый кабан, только что без клыков.

— Одна-одна, да не одна, — со злостью, брызнув на стол слюной, прошипел он. — Не нюхали вы, сударик, Самары, вот и...

Он в сердцах плюнул на пол. Выпил рюмку, поморщился и немножко успокоился. Оглянувшись опасливо (хотя можно было орать во всю глотку, и не услышали бы), он навалился грудью на стол и, продолжал озираясь, заговорщически зашептал:

— У нас ЧК по ночам озорует. То и дело слышишь — у одного обыск, у другого обыск. Моего крестного вчера... Золотые кольца и сережки с жены посымали и на сто тридцать миллионов конфискация! Вот она, Самара!

— Это... как же? — Разговор начал интересоваться Белова. Вспомнилась плачущая дура Манечка, заслонявшая взяткой архиерея Петра. — За что же его? — Белов с сомнением смотрел на нэпмана, а того ох как раздражала недоверчивость мелкой тамбовской сошки.

— За что, за что... — сердился толстяк. — Козел знает, за что. Крестного-то совсем не за что. Солидный человек, с жульем не вяжется, патент, налоги — все вперед платит. Вот и соображай. —

Он сделал таинственное лицо и зашипел: — Похоже, опять подряд чистить начали. Всех, кто при деньгах. Верь им! На словах одно: НЭП, политика, а на деле — под корень.

Пьяная болтовня, конечно. Однако Белова настораживали нотки неподдельного испуга в голосе нэпмана.

— Что-то не верится, — сказал он, чтобы раззадорить толстяка на подробности. — Ни с того ни с сего — и вдруг конфискация. Какой тут резон?

— «Резон!» — плаксиво передразнил толстяк. — А я знаю? У нее и спрашивайте, у Чеки!

Он саркастически усмехнулся, а Белов тотчас спросил:

— Чего же они молчат, коли не виноватые?

Нэпман хмыкнул. Посмотрел с сожалением:

— А кому охота ввязываться? Крестному приказали: жди вызова! Он и ждет. А вы пошли бы жалиться на Чеку? Куда?!

— Интере-е-есные у вас дела, — задумчиво мигая, протянул Иван Степанович. Для вида поковырял вилкой в тарелке. — Прямо-таки чудные у вас тут дела...

— То-то и оно! Самара! — удовлетворенно заключил нэпман, берясь за бутылку.

Внимание Белова привлек мальчишка лет двенадцати в мужском пиджаке и выцветшей казачьей фуражке. Он что-то горячо говорил Ягунину. Когда тот встал из-за стола и направился вслед за пацаном к выходу, Иван Степанович ощутил смутную тревогу.

— А ты не брешешь? — говорил на ходу Михаил, крепко держа мальчишку за плечо.

— Да нет, дяденька, ей богу, — мальчишка дважды перекрестился. — Военный вас спрашивает, на вас показал, ей-богу! Позови, говорит, вон того, сивого, а я, говорит, у входа буду.

Хмурясь и недоумевая, шел Ягунин за мальчишкой между загвазданными, уже залитыми вином и пивом столиками. На людей старался не смотреть — чувствовал, что нервы на пределе и что сорваться он может на пустяке. Михаил не оглядывался,

иначе непременно заметил бы, что пахан и субчик в тельняшке повторяют его извилистый маршрут.

В вестибюле горела одна-единственная оранжевая лампочка, здесь пахло сыростью, плесенью и мочой. Швейцара у дверей не было — на его месте стоял коренастый детина в солдатских обмотках. Лицо его было плохо видно.

— Вот... вот он, — пробормотал мальчишка, обращаясь не то к Михаилу, не то к обладателю обмоток.

Ягунин выпустил его плечо, сделал еще несколько шагов и остановился: эта белесая, как у альбиноса, физиономия была ему незнакома.

— Чем интересуешься, кореш? — с участием спросил парень, неторопливо вынимая откуда-то из-за спины нож.

Ягунин мельком оглядел вестибюль: худенький пьяный кавказец, бормоча несусветное, тискал у стены девицу, замер мальчишка, готовый сей миг юркнуть на улицу, — и никогошеньки больше. Если не считать, конечно, сжавшего челюсти пахана и долговязого урку, что вынырнули из дверей за его спиной.

Хоть и никудышный был в вестибюле свет, Ягунин сумел разглядеть в руке у долговязого финку. Пахан держал руки в карманах.

— Чего надо!? — звонко крикнул Ягунин. — А ну! — Он сунул руку в карман, но вскинуть наган не успел: долговязый прыгнул на него с вытянутой вперед рукой. Уклониться от ножа Ягунин успел, но револьвер от рывка выпал, громко звякнув о кафельный пол. Длинный носом вперед рухнул через подставленную ногу. Пластаясь раздавленной жабой, он пытался дотянуться до нагана, но Михаил отбросил «пушку» ударом ноги и тут же сцепился с парнем в обмотках.

— Чекист! Сука! — хрипел тот, выдирая руку с ножом из-под бока Ягунина.

Пронзительно завизжала девица, словно провалился под кафель ее ухажер-кавказец, в дверях появлялись и тотчас исчезали перепуганные лица.

Корчась от боли в локте и приседая, тощий бандит в тельняшке попытался достать финкой Михаила, катавшегося по полу в обнимку с альбиносом, но неудачно. Пахан не лез в драку, сонно смотрел и, видно, ждал, когда «мент» встанет на ноги: в огромной ладони Стригуна чернел с виду игрушечный браунинг.

Распахнув дверь, Белов оценил обстановку мгновенно.

— Назад! Руки вверх, сволочи! — гаркнул он во всю мочь. Небольшой, прилично одетый господинчик, а ведь почуяли урки, с кем имеют дело: уронил нож долговязый и застыл в полуприседе, оцепенел, не сводя глаз с дула револьвера, Стригун.

— Руки! — грозно прикрикнул Белов.

Оба бандита угрюмо подчинились. Третий, что подмял-таки Ягунина, встал и нехотя, до уровня плеч поднял грязные ладони.

Пахан скосил глаза вправо — вверх: там, над головами, рыжела электролампочка.

У Ягунина было в кровь разбито лицо. Задыхаясь от злости, Михаил, искал в полутьме отброшенный наган, а Белов тем временем командовал, не сводя дула с пахана:

— Бросай оружие! Отойди к стене!

В дверях белели испуганные физиономии. Любопытство было сильнее страха: щель стала пошире, всем хотелось...

— Вот он! — обрадованно крикнул из угла Ягунин.

И в тот же миг раздался слабый хлопок выстрела и еще один хлопок, чуть погромче. Это вдребезги разлетелась лампочка: Стригун показал, что стрелять он умеет.

Разбери теперь, где свои, где чужие?

— Стой! — крикнул Белов.

Брызнуло стекло входной двери. Ягунин выстрелил раз и два — не попал.

Три фигуры метнулись от «Паласа» в плотную уличную темноту. Ищи-свищи их, ЧК!

СРЕДА

1

В кабинете председателя Самарской губчека Альберта Генриховича Вирна заканчивалось оперативное совещание.

Докладывали сегодня двое — начальник следственного отдела Алексеенко и заместитель начальника пятого отдела Яковлев-Семенов, подтянутый красавец с темными усиками. Он только что вернулся из оренбургских степей, где чекисты и кавалеристы Красной Армии гоняли, да все никак не могли прихлопнуть банду Сарафанкина.

Сообщение Яковлева-Семенова обсудили быстро. Хотя чекисты принимали самое энергичное участие в борьбе с бандитами За-волжья, все же часть забот лежала на плечах комокра Краевского и начальника особого отдела округа Ратнера.

Совсем другой коленкор то, о чем рассказывал Федор Петрович Алексеенко. Такими делами должна была заниматься ЧК и только ЧК.

Начальник следственного отдела, желтолицый высокий человек с покатою спиной, тусклым голосом докладывал членам коллегии о результатах весьма неприятного расследования на Трубочном заводе. Несколько недель докапывались следователи губчека до истинных пружин забастовки, которую организовали трубочники под лозунгами «Больше платите!» и «Больше хлеба!» Правда, нынешний Трубочный мало похож на прежний, главный завод Самары, оплот ее революционных сил. В годы мировой войны здесь работало 30 тысяч человек, а сейчас не работали, а скорей перебивались — не хватало сырья и топлива — всего с полтысячи рабочих. Мастерили зажигалки и «буржуйки», совки для угля и щипцы для модниц — какую только ерундовину не делали на заводе! Настроение у людей было подавленное, и если не уходили они с Трубочного, то не из-за заработка — при нынешних дензнаках он стал понятием почти условным. Страшно было оторваться от завода, где ты протрубил десяток, а то и побольше лет. Но хоть привычка и держала, рабочий без работы волей-неволей становится деклассированным элементом с низким уровнем пролетарской сознательности. На это и напирал Федор Петрович Алексеенко, и оттого, что речь его была монотонной и тягучей, забастовка на Трубочном заводе стала представляться Белову беззвучной и унылой — вроде бедных похорон.

— Положение осложнилось тем, что их поддержали работники желдороги... — на одной ноте бубнил Алексеенко.

— Это мы знаем. Преамбулу вы затянули, Федор Петрович, — перебил его Вирн, выходя из-за стола, и оцепеневшие члены коллегии зашевелились.

— Дайте нам анализ. И выводы!

«Какие еще выводы? — невесело думал Белов, заставляя себя вслушиваться в слова Алексеенко. — Кризис взял за глотку. Что же будет осенью, зимой, весной, коли уже сейчас люди мучаются с недоеду? А ведь трубочники живут получше, чем крестьяне в деревнях. Урожай-то, чего таить, погибнет полностью, а запасов нет...»

Начальник следственного отдела рассказывал, как речники, которых тоже призывали бастовать, не поддались на провокации и как красноармейцы, не применяя силы, дали на митингах отпор главным крикунам, после чего сразу же началась запись желающих вернуться на работу. Записывались, судя по всему, очень активно, потому что отказчиков стали бить свои же трубочники. У зачинщиков, сообщил Алексеенко, были обнаружены немалые для того времени запасы продовольствия.

«Немалые... Это сколько же? — соображал Белов. — По мешку зерна? По два? А как тогда назвать два миллиона пудов хлеба, которые бандиты Серова спустили весной под лед? Как могли прошляпить такое? Сапожков, Федор Попов, Серов... Теперь еще Сарафанкин...

Он вспомнил, как под Сорочинском угрюмые крестьяне хоронили обугленные кости комбедовцев. Их заживо сожгли палачи серовской «Группы восставших войск воли народа» — банды дезертиров и уголовников. В нее влились ошметки «Первой армии правды» изменника Александра Сапожкова, комдива 22-й, который предал дело революции и получил за то единственно достойную награду — красноармейскую пулю в бою возле озера Бак-Баул.

Громко скрежетнув стулом, встал сосед Белова, чернобородый крепыш Ян Булис, начальник отдела контрразведки губчека, враз, но вполголоса заговорили несколько человек... Оперативное совещание закончилось, а Иван Степанович понял это не сразу, продолжал сидеть. Впрочем, он и не намеревался уходить: надо было рассказать Вирну о вчерашних событиях в «Паласе».

Председатель Самгубчека, темноволосый и широколицый латыш, заложив пальцы за тонкий наборный поясок, стягивающий под пиджаком щеголеватую бирюзовую рубашку навыпуск, быстро ходил по кабинету — длиннющему, будто специально приспособленному для «ходячего» начальства. За день Вирн наверняка вышагивал по темному, тихо попискивающему паркету несколько верст, и чекистам надоело шутить на этот счет. Но слушал он чрезвычайно внимательно, щурил на Белова выпуклые светлые глаза и изредка ронял быстрый, всегда конкретный вопрос.

Иван Степанович, который так и не поднялся из-за стола, рассказывал и, не поворачивая головы, следил за курсирующим по кабинету начальником. Но вот Вирн остановился возле него.

— Опять пришлось понюхать порошу. — Голос у Вирна резок и начисто лишен интонаций — слова и слова, без эмоциональных оттенков, будто забор.

— Запах-то, в общем, знакомый, — буркнул Белов.

— Да-да, конечно. Но лучше обходиться без стрельбы. Теперь в «Палас» ни вам, ни Ягунину ходу нет.

Белов усмехнулся, показав реденькие зубы, неловко сострил:

— Переживем, а то еще втянешься.

Вирн на шутку не отозвался. Он продолжал — так же бесстрастно и деловито, как вел совещание, как, впрочем, и говорил всегда и со всеми:

— Скорее всего «Палас» нам не понадобится. С бандой Стригуна разберемся с помощью угрозыска. Но то, что рассказал коммерсант, надо проверить тщательно и немедленно. Вы милицию запрашивали? Может, они?

Белов качнул головой:

— Нет, Альберт Генрихович, милиция к этим конфискации и вовсе непричастная. Я уже проверял, как пришел утречком, сразу же.

— Так... — Вирн снова озабоченно зашагал по кабинету от двери к окну, от окна к двери. — Так. Все на вас, Иван Степанович, абсолютно все на вас...

Он наморщил плосковатое свое лицо, и уже не был сейчас похож на негшибаемого Вирна, каким его знали в губчека: на Белова вдруг глянули огорченные глаза митавского пастуха, распустившего стадо и сознающего, что беды теперь не миновать. Но только секунду они были такими.

— Если это правда, то карать мы будем... безжалостно, — сказал тихо Вирн, и впервые за утро голос его чуть заволновался. — Даже если эти обыски — обыкновенная уголовщина, политический резонанс их может быть огромен. Вы понимаете меня, Иван Степанович?

Белов вздохнул. Да уж чего непонятного... В Самаре НЭПу только-только начали доверять. Хотя, может, и брехня... Он поднялся из-за стола.

— Разрешите, пойду заниматься?..

— К концу дня доложите, — сухо сказал Вирн.

2

Каменный дом на углу Николаевской и Предтеченской улиц при свете дня не казался угрюмой громадиной, как ночью. Узкие его окна смотрели приветливо и чисто, будто не замечали выцветшего, но еще темнеющего пятна на мостовой — там, где вчера лежал убитый Венька Шлык. Двухстворчатая, нарядная в литых своих завитушках дверь хлопала нечасто: не такое уж и популярное это место — Самгубчека. И в коридорах здесь бывало немногочисленно, не как в угрозыске. Только на втором этаже деревянные диванчики, как правило, не пустовали. Здесь располагались граждане, либо вызванные, либо силой приведенные в следственный отдел. Сегодня ими были два парня мрачного вида, стриженные «под нулевку», с одинаково неподвижными взглядами, устремленными в пол. На диване у другой стены, наискосок от них, рыхлая женщина спекулянтского вида вполголоса переругивалась с востроносенькой вертлявенькой девицей. Ссорились они монотонно:

- Ты меня не впутывай, я таких видела...
- Стерва ты, стерва — нагрела его, а теперь крутишь...
- Ты не учи ученого...
- Харю бы тебе начистить, бесстыжая...

Когда открылась одна из дверей, они замолкли и любопытными взглядами прилипли к мрачному мужику с лохматой, словно нарочно взъерошенной бородой. Его вывели двое чекистов, у одного из них из расстегнутой кобуры выглядывало колечко рукоятки «бульдога». Мужик шел руки за спину, взгляд его был серьезен и сосредоточен. Не приглушая шагов и не посмотрев на публику, он протопал бодро через коридор, будто вели его на веселое дельце, а не в домзак или куда похуже, где выдают билет в один конец. Оторвался от свеженького, воняющего краской номера «Коммуны» интеллигентный старичок с палкой; брезгливо посторонился, пропуская процессию, персук в крагах, но под мохнатыми ресничками заметался ужас.

Снова простучали шаги по коридору. Теперь глаза сидящих на лавках проводили с потаенной неприязнью коротко стриженную женщину в гимнастерке, заправленной в юбку. Лицо у нее было усталое, скулы обтянула прозрачная, без намека на румянец кожа. Стриженная подошла к одной из дверей в конце коридора, постучала, потом еще раз, погромче.

Все-все, даже стриженные парни, смотрели на нее — воробышная головка старичка ныряла из-за газеты, а нос молодой спекулянтши еще сильнее заострился и даже как будто выпрямился.

Женщина толкнула дверь и вошла в кабинет Белова. Приблизившись к столу, она положила на его краешек сверток и сразу же вышла. Проходя сквозь строй жадно внимательных к ней глаз, она бросила мимолетный взгляд на появившуюся в дверях второго этажа молодую особу в плюшевой жакетке, ботинках и платочке, затянута под подбородком.

«Вырядилась, дуреха, — насмешливо подумала Елена Белова, — В такую жару — и жакетка!»

И через секунду забыла о существовании смазливой бабенки, одетой не по сезону. У губчековской пишбарышни на «Ундервуде» лежали срочные бумаги, а печатала она еще плоховато.

И Нюся, буфетчица из «Паласа», не обратила никакого внимания на «политодскую барышню», как называли работниц канцелярий партийных и политических органов (в отличие от «совбарышень», служивших в губисполкоме, губнаробразе, губпродотделе и других советских учреждениях). Сейчас ее интересовали только чекисты-мужчины. Держалась Нюся робко: и по коридору прошла тихонечко, и села-то на краешке скамьи возле старичка с газетой. Боязливо поглядывала она на публику в коридоре, и очень внимательно — на каждого чекиста, шедшего мимо.

Так она сидела довольно долго. Были вызваны и затем ушли, слава богу, без сопровождения ее интеллигентный сосед и обе женщины, враз примирившиеся у следователя. Потом из ближнего к ней кабинета высунулся раскосенький паренек и позвал к себе обоих верзил. Там они и канули. Торопясь куда-то, прошаркал по коридору сутулый начальник следственного отдела Алексеенко. На ходу он с озабоченностью заглядывал в кожаную папку с золоченой, не до конца содранной монограммой. Пришли — видать, уже не впервой, потому что держались привычно, — пожилой железнодорожник и его лет женщина, очевидно, жена. Сели на ту же лавку, что и Нюся, и зашептались горячо, как будто не было у них другого времени и места, чтобы секретничать.

Нюся не шевелилась. Со стороны посмотреть — ушла молодая в себя, видно, есть о чем подумать перед разговором, какие ведутся за этими заделанными войлоком казенными дверями. Впрочем, Нюся ничем не отличалась от других. У всех, кто сюда попадал, было о чем поразмыслить.

Невысокий чекист в блестящей кожанке шел по коридору, откровенно глядя перед собой. Когда он поравнялся, Нюся вздрогнула, но с лавки встала секундой позже, окликнула в спину: — Товарищ начальник! Можно вас спросить?..

Чекист шел себе дальше.

— Товарищ! — Нюся сделала несколько шагов следом.

— Меня, што ль?

Ягунин обернулся и поднял белесые брови: Нюсю в платочке он не узнал.

Зато Нюся, ахнув, схватилась ладонями за щеки. Даже рот раскрыла от удивления.

— Это вы?.. — растерянно выдохнула она.

Наконец-то и Ягунин ее узнал.

— Нюся? Чегой-то вы тут забыли?

— Я... Мне бы... А вы здесь служите, да?

Такая наивная доверчивость была в ее вопросе, что Михаил не выдержал, фыркнул.

— Я ж говорил, какая вы догадливая...

Нюся смутилась еще больше, тонкие пальчики затеребили кромку платка, глаза — долу.

— Так что же вам тут надо, Нюся? — пришел на помощь Ягунин.

Она подняла голову:

— Я не знаю, к кому обратиться. Мне рассказать надо... Очень важное...

— А вы ко мне обратитесь, — сказал Ягунин и с неудовольствием отметил, что вышло хвастливо. Но Нюсе так не показалось. Она обрадованно сжала кулачки:

— Правда? Ой как хорошо! Знаете, я насчет вот чего. У нас в «Паласе»...

— Погодите! — Ягунин жестом остановил ее. — Не здесь... — Он кивнул на лавки, откуда на них пялились во все глаза. — Пойдемте-ка.

Они прошли в конец коридора и поднялись на третий этаж. Там снова был коридор, но уже без лавочек и посетителей. Михаил толкнул одну из дверей и вошел в комнату первым.

— Шабанов, — сказал он широкоплечему, наголо остриженному парню в гимнастерке, выцветшей до белизны. — Дай-ка поговорить с гражданкой.

— Ага, — с готовностью отозвался Шабанов. Быстро собрал бумажки и скрылся за дверью.

— Располагайтесь.

Ягунин кивнул Нюсе: садись, мол, а сам подошел к столу ушедшего чекиста. Буфетчица с опаской присела на краешек тягелого стула с высокой резной спинкой.

Они помолчали с минуту.

— Так что же у вас в «Паласе»? — серьезничая бровями, спросил Михаил. Он так и не сел. Его пухлая нижняя губа отвисла, крылья носа напряглись: сотрудник ЧК Ягунин к допросам относился серьезно. Правда, сейчас допросом пока не пахло, но буфетчица-то была из «Паласа»...

Нюся заговорила сбивчиво:

— Я про бандитов. Про тех, кто за столиком в углу... Вы их видели вчера. Про них я хочу... Житья, понимаете, нет, как у себя дома в «Паласе». Скоро порядочные клиенты ходить перестанут. Не кафе, а гнездо для урок. Хозяйка боится и мы все. Управы на них нет...

Она замолчала, прикусила губку. Пальцы ее быстро-быстро трепали бахрому темного платка.

— Ничего, ниче... — Ягунин закашлялся, схватился рукой за горло. — Фу ты... Ничего, найдется управа, потерпите. — Он опять закашлялся и даже покраснел — впрочем, скорей от злости на себя, чем от кашля. — Руки пока не доходят, — закончил он сурово и шмыгнул носом. Белые брови сошлись на переносице.

— Я понимаю. — Нюся вздохнула. — Дела у вас, конечно, много. А нам каково? Одни убытки. Того и гляди, кафе прикроют. Вчера опять пальбу устроили, сволочи!

Она сжала кулачки, серые глаза расширились.

— Ненавижу я их! Пристают, охальничают. Вроде им все позволено. Знаете, до чего они додумались? Губсоюз хотят ограбить. Склады ихние, где продукты...

— Что-что? — Ягунин вытянул шею.

— Ну да, склады с продовольствием. Обчистить хотят. Мука-то на базаре триста тысяч пуд, вот и...

— Откуда знаете? — хмурясь, но внутренне торжествуя, перебил Ягунин.

Серые глаза распахнулись еще шире.

— Сама слыхала. Болтали по пьяной лавочке. Третьего дня даже скандал у них вышел насчет этого. Венька Шлык схватился с ихним главным, паханом. Тот на него: «Ты что ж это, гад, продаешь?» А Венька ему: не продаю, говорит, а только вышка мне ни к чему. Да и охрана, говорят, там. Катитесь, говорит, вы с этими складами от меня подальше. И ушел.

Ежась под напряженным от великого внимания взглядом Ягунина, Нюся смущенно добавила:

— Вы извините меня, ради бога, что я вам вчера не сказала. Я же не знала, что вы из ЧК. А всякому встречному-поперечному... Знаете, они не любят, когда про них говорят.

— Так вы считаете, они Веньку шлепнули? — в упор спросил Ягунин, сделав ударение на слове «они».

— Кто ж еще?.. — тихо ответила буфетчица. — Больше никому...

— А откудава вам знать, что его убили?

Нюсю вопрос не смутил.

— Так вы же сказали — «шлепнули». Разве это не значит «убили»?

Дверь резко открылась.

— Ягунин! К Вирну! — крикнул кто-то за спиной у вздрогнувшей Нюси. Она обернулась, но дверь уже захлопнулась.

Ягунин оперся ладонями о стол. Нюся встала.

— Вот что, — сказал Ягунин наставительно. — Идите к себе и спокойно работайте. Мы к этому разговору еще вернемся. Но смотрите, что были в ЧК, — никому. Даже полсловечка.

Белые ручки испуганно прижались к груди.

— Ой, а хозяйка знает! Я у нее отпрашивалась. Сказала, что в ЧК вызвали... Что же делать теперь?

— Напрасно... — Ягунин досадливо поморщился. — Ну ладно, что сделано, то сделано, не воротишь. Придется вам ее предупредить, как вернетесь. Счастливо, Нюся. Если что услышите про Шлыка, звоните мне. Номер три-тридцать. Спасибо вам!

— Ага. И вам спасибо, до свиданьица, — машинально повторила молодая женщина, но не тронулась с места. Видно было, что она хочет что-то сказать, да никак не решится.

— Что-нибудь еще? — спросил Ягунин.

Она в смущении потупилась и заставила себя улыбнуться.

— Я вас хотела попросить... Вы не дадите справочку? Что меня в ЧК вызывали. Я не хочу, чтобы знали, что я сама. Пусть думают, что из-за вчерашнего...

— Ага...

Ягунин кивнул и, не садясь за стол, написал на клочке серой оберточной бумажки: «Вызов. Тов. буфетчице из «Паласа» явиться в ЧК сегодня до обеда. Спросить Ягунина».

И любовно, с канцелярским хитроумием расписался.

— Вот. — Он протянул листок Нюсе. — Внизу у дежурного спросите, он скажет, где штамп шлепнуть. Да, а пропуск? Давайте отмечу. Вот так...

— Спасибо вам большое. Заходите к нам почаще, может, хоть покой будет. До свидания...

Михаилу льстила улыбка симпатичной буфетчицы, и благодарный ее взгляд, и уважительность в голосе. Но виду он не подал. Даже себе.

— Пока, — бросил он только-только входившее в моду словечко.

Нюся вышла из комнаты, а Ягунин еще несколько секунд в задумчивости смотрел на дверь. Потом усмехнулся, одобрительно тряхнул белобрысенским чубом.

— Такие-то дела-делишки, — пропел он и, оглянувшись, хрустнул суставами. — Молодец!

Неясно, кому он адресовал эту похвалу, — то ли Нюсе, то ли

себе самому. Но настроение у Михаила значительно улучшилось.

Иное дело — Нюся. Робко протянув дежурному пропуск и с неловкостью бочком прошмыгнув в дверь, она завернула за угол и походкой загнанного заботами человека пошла по Предтеченской. Выражение ее лица было под стать походке: брови сдвинулись к переносице, губы побелели — так сжались, в глазах ни радости, ни облегчения. Непохоже было, что человек вышел из ЧК и свободно себе идет, куда хочет.

Так она прошла всего шагов тридцать, не больше. У белого кафельного дома с завитушками на фронтоне Нюся остановилась, увидев, что из здания губсоюза вышли двое — седой военный с усами и бородкой и однорукий человек сугубо азиатской внешности, с бритой головой дынькой, в пиджачке, галифе и солдатских обмотках. Пожилой военный что-то горячо говорил этому узбеку, а может, татарину, беря его на ходу за плечо, а тот беспрерывно кивал, но не поворачивал головы. Они шли ей навстречу, по той же стороне улицы.

По-видимому, встреча с ними или с одним из них была для буфетчицы нежелательна. Нюся беспомощно огляделась и хотела было повернуть назад, но только дернулась, не пошла. Было, впрочем, уже поздно: бородатый заметил ее, и она это увидела. Тогда Нюся шагнула к стене и уткнулась в лист грубой, грязно-голубой бумаги, на которой крупно было напечатано:

ПОБЕДИМ И ХОЛЕРУ

«Граждане! — взывал плакат. — Страшный, невидимый враг осаждает наши дома, учреждения и общественные места. ХОЛЕРА каждый день уносит все новые жертвы...»

«Граждане! Страшный, невидимый враг осаждает... — снова и снова читала она, не понимая смысла и мучительно ожидая, когда же, наконец, те двое пройдут мимо. — Граждане! Страшный, невидимый враг осаждает... осаждает... осаждает...»

А они уже поравнялись с ней. Пожилой военный замедлил шаги. Замешательство и гнев отразились на его лице, когда он с трех, потом с двух, с одного метра всматривался в закаменевшую возле афиши Нюсю. Его спутник не заметил задержки, проскочил Нюсю, оказавшись на несколько шагов впереди, и теперь с удивлением оглядывался. Военный остановился, но лишь на какие-то доли секунды, и узбеку показалось, что сейчас он что-то скажет женщине в спину. Но он ничего не сказал, только нахмурился и, глядя себе под ноги, убыстрил шаг. Однорукий еще раз оглянулся на Нюсю, о чем-то спросил, но пожилой мотнул головой и не ответил.

Буфетчица долго еще не решалась посмотреть им вслед. Потом она пошла дальше, мимо нарядного, во всякие времена процветающего губсоюза, который кичливо выпятил на перекрестке округлый живот и раскинул синеющие плиткой плечи. С наступлением голода — уже всякому было ясно, что голода не миновать, — союз потребительских обществ становился одной из главных, жизненно важных организаций губернии. Недаром в его высокий подъезд то и дело ныряли люди — и крестьяне в лапотках, и совслужащие в косоворотках и фуражках, и прилично одетые торговые люди, тараканами выползшие из щелей в последние месяцы. Этот квартал — от Соборной до Воскресенской — Нюся помнила с детства и любила. Он был застроен красивыми каменными домами, жила здесь раньше почтенная купеческая публика, а сейчас трудно было понять, где кто живет. В последние три года, как выбили из Самары чехов, чего только с жильем не происходило — и заселение по советским ордерам, и подселение, и выселение, и уплотнение, только ремонтов не было никаких. Самое красивое, современное здание, известное в Самаре как дом Егорова-Андреева, было битком набито польскими и еврейскими семьями беженцев из Галиции и Волыни. Их в Самаре перебивало десятки тысяч, но сейчас уже вывезли почти всех, только кое-где они еще жили: через улицу Нюсе было видно, как носятся в замусоренном, а теперь еще и заляпанном карболкой

дворе босоногие ребятишки, одетые в жуткое рванье. Обычно ей было мучительно больно и в то же время интересно смотреть на этих «беженят», вечно голодных, шустрых, как и все дети, но со старческим пониманием во взгляде, безропотно сносивших отказ в куске хлеба и в месте на чердаке.

Но сейчас Нюсе даже они были безразличны. Она шла медленно, немного горбясь, ступая неслышно, будто механическая кукла. Машинально ответила на вопрос крестьянки с котомкой, как пройти к зубной лечебнице, машинально остановилась на тротуаре, пропуская полупустой вагон трамвая, хотя он шел быстро и можно было не останавливаться, машинально повернула на Самарскую. И только когда в поле зрения попали полукруглые окна «Паласа», Нюся словно внутренне вздрогнула и очнулась. Лицо ее снова стало озабоченным, как и тогда, когда она вышла из ЧК. Она пошла быстрее, пересекла улицу и поднялась на ступеньки.

— Прогулялась? — с улыбкой, спрятанной в усы, спросил швейцар, но Нюся не ответила, миновала вестибюль и зашла за ширму, где на стене висел телефонный аппарат.

Она взялась за трубку, но прежде чем покрутить ручку вызова, выглянула из-за ширмы. Швейцар подремывал у открытой двери, никого в вестибюле не было.

Нюся достала из кармана жакетки записку Ягунина и внимательно вгляделась в нее. Лицо ее стало сосредоточенным. Нервным движением она дважды крутнула ручку и сняла трубку.

— Алло! Барышня, будьте любезны, мне два-шестнадцать.

И затем негромко, быстро заговорила:

— Алло, это ты? Да... Да... Все в порядке. Я же говорю — все, значит все...

И словно обессилела. Прислонилась спиной к стене и, полузакрыв глаза, с минуту еще держала трубку в руке. Покачала головой, повесила трубку.

Сейчас лицо ее выражало усталость и безразличие. Стянув платок, она отправилась в свою комнатку переодеваться. До открытия «Паласа» оставалось чуть больше двадцати минут.

В длинном кабинете Вирна продолжался длинный, не слишком приятный разговор. Не только для Ягунина неприятный, но и для начальства его: Альберт Генрихович Вирн не любил ревностных, но не думающих исполнителей, чекист, по его убеждению, должен понимать суть приказа не хуже того, кто его отдает. Однако и своеволия он не терпел.

Иван Степанович Белов тоже принимал участие в «обламывании» молодого сотрудника. Выступал он в роли рессоры: Ягунин ему нравился и слишком нажимать на парня не хотелось.

Ягунин сидел за столом как раз напротив Белова, однако смотрел не на него, а на большую стеклянную пепельницу. На Вирна он смотреть не мог, поскольку тот выхаживал за его спиной.

— И все же я не понимаю, товарищ председатель, — старательно сдвигая брови, канючил Михаил. — Ну почему мне нельзя заняться? Дело серьезное, можно сказать, политическое. Если, конечно, не брешет девка. Возьмут склады, так ведь на всю республику опозорят. О голоде говорим, а сами...

— Ясно. И только Ягунин может спасти нас от позора, — колко заметил Вирн.

Михаил сердито тряхнул белокрысым чубом и... промолчал.

— Ты пойми, Михаил, — не то что мягко, а ласково сказал Белов. — Сигнал мы проверим, ты не трепыхайся. А лично тебе за это браться нету никакого резону. Знают они тебя — вот она в чем, беда-то! Зачем же нам делом своим рисковать? Да и тобой тоже.

— В чем беда-то? — еле-еле сдерживая раздражение, вскинулся Ягунин. — Знают? Ну и пускай знают! Зато я их тоже знаю. И поручать это дело кому-то другому неправильно!

— Достаточно, Ягунин! — Голос Вирна прозвучал вроде бы как всегда — ровно, без интонаций, да что-то в нем было сейчас нехорошее. Председатель Самгубчека обошел стол и сел на свое место, на

торце возле окна.—Я не намерен вступать с вами в дискуссию, сотрудник Ягунин. Оперативная расстановка кадров в вашу компетенцию не входит, выполняйте, что вам приказано. Вам ясно задание?

Уставившись на пепельницу, Ягунин молчал.

— Почему вы не отвечаете? Я спрашиваю, вам ясно задание?— хладнокровно повторил Вирн.

— Нет, не ясно, товарищ председатель губчека, — сказал Михаил и так скрипнул зубами, что Белов замигал и поморщился, как от боли. — Мне не ясно, почему вместо настоящего дела я должен заниматься зряшной ерундой?!

Вирн самолюбиво вздернул подбородок.

— То есть?

Ягунин, судя по всему, завелся. Его не смущал ни подчеркнuto официальный тон председателя губчека, ни осуждающее цоканье начальника секретно-оперативного отдела.

— Конечно, ерундой! — упрямо повторил Михаил. — Чекисту сплетни проверять — йех ты, тоже мне — дело! Зачем сплетням-то придавать значение, зачем? Мало ли про нас слухов распускают всякие гады? Пьяный торгаш Белову что-то наплел, а мы сразу... А-а! — У Ягунина обидчиво дернулась верхняя губа. — Да он со зла это сделал, чтоб лишнюю грязь на нас кинуть. Ведь других сигналов нет? Нет. И пострадавших тоже нет? Нет. На кой же мы будем время на них гробить?

Он закашлялся.

— Не горячись, Михаил, — быстро, чтоб опередить Вирна, заговорил Белов. — Ну да, ну да — может, все так и есть, брехня. А ежели кто под маркой ЧК орудует? Тогда что? Смекай.

— И пес с ними! — запальчиво воскликнул Ягунин. — Знаете, как это называется в народе: вор у вора дубинку спер. Я, между прочим, к этим самым нэпманам в сторожа еще не нанимался...

— Прекратить!

Вот это да! У Вирна сдали нервы: он даже ладонью по столу хлопнул, аж пыль пыхнула.

— Да вы, оказывается, политически незрелый человек, товарищ

Ягунин, — беря себя в руки, сказал он. — Я удивляюсь, кто вас, с вашими взглядами, мог направить в Чрезвычайную комиссию? Вы что, в самом деле не понимаете, как эта история может запачкать нашу губчека? Нет, не только губчека, Ягунин, — всю нашу новую экономическую политику, а это в сто раз хуже. Какое недомыслие! Можете идти.

Ягунин, не поднимая глаз, встал, расправил гимнастерку под кожанкой и пошел к двери. На пороге обернулся.

— Приказ я выполню, товарищ председатель губчека, — сказал он едко. — Только напрасно вы преданными кадрами разбрасываетесь. Они еще пригодятся. А то ведь можно и прокидаться.

И не стал дожидаться ответа, вышел.

4

— Левкин, а Левкин, — сказал Ягунин. — Надо одному человеку с работой помочь.

— Ты с головой или ты с чем? — Левкина перекосило от негодования, правда, деланного. — Ты придумываешь о какой-то работе, когда в газетах пишут, что на самарских заводах люди голодают. Ведь речь идет за рабочий паек, разве нет?

Чуть наклонив к плечу маленькую голову, Левкин сверху вниз смотрел на Михаила сквозь пенсне на шнурочке и всем видом своим выражал сожаление, что Михаил такой политбезграмотный чекист. Но глаза Исяя Левкина смотрели сочувственно.

— О пайке, — неохотно признался Ягунин. — Человек пропасть может.

Ему было страшно неловко говорить про Нинку, но он решил превозмочь себя.

— Я таки предполагаю, это слабый пол? — спросил Левкин.

— Чего? — удивился Михаил и торопливо возразил: — Почему слабый? С виду она здоровая...

— Невеста?

— Какая невеста?! — возмутился Ягунин, краснея. — Землячка. И... не имеет значения — трудящийся человек, и все.

— Трудящийся, но без работы, — иронически заметил Левкин. — Я не могу ее взять конюхом, потому что конюх у нас есть, и не могу ее нанять истопником, потому что летом мы не отопливаем, но если землячка будет помогать тете Клане мыть полы во всем здании, то паек мы ей все равно не можем устроить.

— Тогда... какого ты... — Ягунин еле сдержался, чтоб не пустить интеллигентного начфинхоза куда подальше.

А тот тонко улыбнулся.

— Все равно, все равно, — повторил он. — Но мы ей зато дадим обед в нашей столовке, и не такой уже скверный обед по этим временам. Так ведь, Миша? А где твое «спасибо»?

— Спасибо, Исай! — обрадовался Ягунин. — А когда ей приходить?

— Под вечер пускай, только батисты напяливать не надо: если на работу — так на работу.

Исай Левкин и сам был до смерти доволен, что появилась у него нынче возможность кому-то помочь. Он был всего на год-полтора старше Михаила, но это был уже человек зрелый, терпеливый и терпимый к людям.

...Расстегнув кожанку, Михаил вышел из здания ЧК и у порога остановился в нерешительности. Куда идти — налево или направо? Начальство поручило отыскать купчишку из «Паласа» и разузнать подробности о таинственных обысках, если они в самом деле были. Хоть и невнимательно слушал его Белов, однако запомнил фамилию — Башкатин. Кроме того, известно ему было со слов соседа по столику, что до революции он с покойным ныне отцом торговал писчебумажными товарами.

Этих сведений оказалось вполне достаточно, чтобы узнать, где живет болтливый купчик. Оказалось, рядом с гортеем, в одном квартале с Белым домом. Нина же Ковалева жила значительно дальше — на Уральской, где-то за Воскресенским базаром, в районе Ярмарочной. К кому идти сначала? Вроде бы следовало

отдать предпочтение службе. Но идти к купцу Ягунину до того не хотелось, что всякий аргумент в пользу Нинки казался веским. Например, такой: с купцом абсолютно ничего не делается, а девка может пропасть ни за грош, каждый час дорог. Или другой аргумент: уйдет Нинка куда-нибудь и до вечера прошляется, а Исай возьмет другую — безработных-то тьма...

Кашлянув и поправив обеими руками крутую фуражечку, Ягунин размашисто зашагал к Соборной площади. Всего полмесяца назад он, ясное дело, проехался бы на электрическом трамвае, но бесплатный проезд недавно отменили, а платить 500 рублей за билет Михаилу было не по карману. Да и глупо тратить пусть даже и обесцененные дензнаки на трамвай, куда ходят ноги.

Хотя утренний разговор с Вирном и подпортил настроение Ягунину, состояние его духа понемножку становилось, говоря языком докторов, все более удовлетворительным. Что ни говори, стукнуло ему только девятнадцать и шел он на свое первое свидание с девушкой, если, конечно, не брать во внимание старобуянские вечорки, куда он кавалером-недоростком начал было ходить в последние предреволюционные годы. Оно конечно, свидание было не совсем полноценным: его никто не назначал, девушка Михаила не ждала, и сам он считал, что идет по делу — сообщить Нине о работе. Однако же в груди у Ягунина поселилось какое-то приятное беспокойство, ноги шагали пошире, чем всегда, и всякие плохие мысли о болтливых купцах недодумывались и сами испарялись. Да и вообще-то думалось ему нынче плохо и в голове его царил некоторый сумбур. И хоть был Ягунин чекистом, по существу он сейчас мало чем отличался от какого-нибудь своего ровесника — деревенского зеваки, который никак не может привыкнуть к городским домам, людям, трамваю, автомобилям.

Ягунину не нравилась Самара. Не потому, конечно, что, воюя, он успел повидать города красивее и чище. Начало работы в ЧК почти совпало с его переездом в этот город — город купцов и зажиточных ремесленников, бывших чиновников и «горчишни-

ков» — оголтелого мещанского хулиганья. Была, разумеется, еще и рабочая, революционная Самара, но по роду своей службы Михаил имел с нею куда меньше точек соприкосновения, чем с той ее частью, коей не по нраву пришлись советские порядки. Вот и получилось, что отношение к городу окрасилось в сознании Ягунина личной его враждебностью к обывателю, отсюда нелюбовь.

В особенности не по душе были Михаилу богатые, застроенные купцами кварталы и всякого рода строения, связанные с религиозными культами. Отец его полжизни проходил в черных рабочих у священника, и ненависть к хозяину-скряге сделала всех Ягуниных стихийными атеистами. Михаил, будь его власть, по кирпичу разнес бы самарские церкви и все эти семинарские, поповские и монастырские дома. Несмотря на революцию и гражданскую войну, они были ухоженней и представительней других самарских зданий, что возмущало и бесило Михаила. Но поскольку разрушить их Ягунин пока не мог, он ограничивался тем, что по возможности обходил их стороной.

Вот и сейчас он не пошел через площадь с ее огромным самодовольным собором, затоптанными, совсем помирающими соборными садами и островерхим архиерейским домом, который Ягунин ненавидел люто, хотя в нем и размещалась ныне единая трудовая школа. Молодой чекист свернул на улицу, которая хотя и была сплошь застроена каменными и деревянно-каменными коробками, посаженными по фасаду финтифлюшками, но должна была скорей и без поповщины вывести его на заштатную Уральскую улочку, где жил в основном ремесленный и некогда мелко торговавший люд. Становилось все жарче, гимнастерка намокла и прилипала к спине. Снять куртку Ягунин все же не решился, хотя народу на улице почти не было — разве что возле колонки горбилась баба с ведром да простучала, пыля, телега с ничтожной поклажей, с полусонным возницей. Только возле Пушкинского народного дома стояли двое красноармейцев и, шевеля губами, усваивали объявления. Проходя мимо, Михаил мель-

ком прочитал, что клуб профсоюза железнодорожников приглашает на выпуск устгазеты «К труду». На другой афишке сообщалось о предстоящем обсуждении пьесы драматурга К. Гандурина «Очарованная кузница» (представление-шарж). А рядом холерные плакаты и приметы совсем новых времен: «Вновь открыта художественная парикмахерская...», «Свободный маэстро Л. Э. Тирлиц дает уроки постановки голоса... Согласен в отъезд на службу в качестве певца-пианиста».

Михаил плюнул под ноги, отвернулся от заклеенного афишками забора и убыстрил шаги.

— Слюший, купи! — раздалось за спиной. Он невольно оглянулся: перс гнилозубо улыбался и показывал ему светящийся розовый помидор. «Выползли, сволочи, — подумал Михаил без особой, впрочем, злости. — Тут от голодухи воют, а они уроки голосом... певцы...»

Он с наслаждением съел бы сейчас теплую помидорку, и денег, наверное, хватило бы, но настроение было не таким, чтобы отзываться на зов торговца. «На обратном пути куплю», — сказал себе Ягунин и тотчас почувствовал в желудке голодное жжение. Позавтракал он в семь, как обычно, запив морковным чаем столовскую воблу с осьмушкой хлеба, а сейчас дело шло к полудню. Раздразнил, паршивый персюк!

Михаил в недоумении остановился: он не заметил, как улица вдруг кончилась тупиком, а 180-го дома так и не было. Неужели девчонка сбрехнула?

В квартале от него, на Ильинской, прогромыхал трамвай. Лохматый беспризорник с ленцой разглядывал Ягунина, развалиясь в тенечке на крыльце. Из двора тянуло карболовым смрадом.

— Эй, Чека, заблудился, что ли? — нахально крикнул беспризорник.

«Куртка выдает, — подумал Ягунин, — проклятая».

— Скажи, пацан, может, еще где есть Уральская?

— Де-ре-е-вня, — протянул тот с насмешкой.

— Но-но, ты потише, — нахмурился Ягунин.

Мальчишка моментально сел и на всякий случай приготовился дать деру.

— А вон, за углом обойди, возле путей. Она сызнова будет, — быстро проговорил он.

— Ага...

Ягунин отошел шагов на десять, когда за спиной раздалось:

— Берегись, шпана, Чека идет! Из деревни топала... — Дальше следовала похабная концовка.

Но Михаил не оглянулся. Связываться с бесцеремонной мелкотней было нелепо, да и без пользы: догнать не догонишь, а привяжется — не отцепишь. Лучше оставить без внимания.

Нужный номер обнаружился сразу — дом был вторым от угла. Обнаружив, что парадное не заперто, Ягунин поднялся по разошедшейся лестнице на второй этаж и постучал в ближнюю из трех дверей, что выходили в коридорчик. По нему одному можно было судить, как бедствовали жильцы с топливом прошлой зимой: ни шкафчиков, ни столов, ни старых сундуков, даже обоев, даже коридорной двери не было — все дерево и бумагу сожрали «буржуйки».

— Заходи! — послышался густой голос.

Михаил нагнулся и шагнул за порог. В простенке между кроватью и столом сидела Нинка. Спиной к двери, зацепив штиблетами за ножки табурета, восседал плотный парнище в жилетке поверх белой маркизетовой рубахи и в модных, узких книзу брюках. С хмурым любопытством смотрел он через плечо на Ягунина, и его красивая, хотя и несколько толстоватая физиономия вопрошала недвусмысленно: что надо? Пиджак был небрежно брошен на другую кровать, стоявшую в углу, возле самой печи. В комнате было еще два табурета, большой сундук и красивый резной буфет, в котором, однако, посуды не было видно. Возможно, вся она стояла на столе — две тарелки с грибами и кислой капустой, блюдо с ломтем хлеба, рюмка и стакан. Бутылка вина была откупорена, но не начата.

При виде Ягунина Нинка вскочила и прижала кулаки к под-

бородку. Лицо ее было, пожалуй, испуганным: особой радости, по крайней мере, Михаил не различил.

— Пришел? — сказала она растерянно.

«Вот те номер, — сердито подумал Ягунин, — что это за фрукт к ней приспособился?» А вслух произнес:

— Здравствуйте вам. Обещал — вот и пришел.

Парень в жилетке сощурил глаз.

— Ты пришел, и я пришел. Только я вперед, понял?

— Не понял, — зло сказал Ягунин.

— Я к тому, что погуляй, корешок, до вечера. Занятые мы с Нинкой, понял?

— Разговор у меня к тебе, Нина, — подчеркнуто не обращая внимания на его слова, сказал Ягунин. — Выдь-ка со мной.

— Сичас, сичас. — Девушка сжалась, но все-таки заставила себя сделать шаг.

— Куда, стерва! — гаркнул парень в жилетке, хватая ее за локоть.

— Ой-ой! — пискнула Нинка.

— Брось руку! — крикнул Михаил, делая шаг к столу.

Ладонь Ягунина лапнула наган, но оружия он не вынул. Сейчас Михаил видел, что перед ним — типичный самарский «горчишник», наглый и трусливый, никогда не рискующий схлестнуться один на один, но страшный в жестокости своей, когда за спиной сопят дружки.

— Ты че? Ты че бухтишь? — тихо, с блатными интонациями протянул парень, но руку отпустил. — Фраер нашелся.

Его красивые темные глаза ощупали лицо Михаила, задержались на куртке. Возможно, он заметил тот жест — рука на кобуру.

Нина села на кровать. Глаза опустила, пальцы нервно терзали оборку кофточки.

— Уматывай, — приказал Михаил «горчишнику». — И бутылку прихвати. Кто он такой? — обернулся он к девушке, но ответа не последовало.

— Чудеса-а... — пропел парень, беря с кровати пиджак. — А я-то желал по-хорошему: двадцать тыщ—девице, десять—хозяйину... По сегодняшней таксе...

— А ну! — заорал Ягунин так, что «горчишник» даже голову втянул в плечи. Бросив злобный взгляд на Нину и невнятно выругавшись, он нарочито медленно вышел.

Топанье на лестнице смолкло, грохнула дверь парадного. Нина подняла голову. Лицо у нее было в слезах.

— Я не верила, что придете, — заговорила она, задышав и плача, — а ему дядька про меня сказал, что я кавалеров ищу... А мне сказал, что пусть лучше домой приходят, за квартиру будем с них брать... Я говорила ему, что не хочу, а он меня побил, жрать, говорит, не дам...

— Кто этот, знаешь хоть? — мрачно спросил Ягунин.

— По соседству здесь... Торгует вроде... Патент, говорят, купил...

— Торгаш... По рылу видно. Садись-ка за стол.

Нина опять заняла место в простенке, а Михаил присел на табурет, на котором только что сидел «гость». От запаха капусты его мутило: голод взъярился с новой силой.

Нина это поняла инстинктивно.

— Кушайте, Миша... — тихо сказала она и поторопилась добавить: — Это дядькино, ихнее только вино было.

Но Ягунин превозмог искушение.

— Спасибо, не хочу. Я ведь в столовке снабжаюсь. И ты будешь, я с Левкиным договорился. Это наш начфинхоз, хороший мужик, хоть и интеллигенция. Убираться у нас будешь, вместе с женщиной одной.

— Ох, миленький ты мой! — Радость так и брызнула из серых Нинкиных глаз. — Расцеловала бы тебя...

Она смутилась.

«Баба и есть баба, — подумал Михаил. — Одно у них на уме».

— Приходи нынче к семи. Спроси тетю Кланю, ей пособлять будешь.

— А куда?

— Как куда? Губчека знаешь? Угол Предтеченской и Николаевской, там еще губсоюз недалеко.

— Че...ка? — в ужасе прошептала Нинка и съежилась на табуретке. Прямо черт-те что, как она испугалась.

— А что, в ЧК не люди? В грязи им сидеть, что ли? — пробурчал Ягунин. — Дядьке про то не говори, скажи, что в учреждение какое-то. Так придешь?

Нинка кивнула. Прийти она придет, да вот в себя она никак не могла прийти.

5

Магазин был закрыт. Ягунин еще разок прочитал вывеску: «Писчебумажные товары. А. Ф. Башкатин». Она была выполнена затейливо, славянской вязью — чувствовалась рука хорошего художника, а не халтурщика. От вывески пахло свежей краской. Жалюзи были подняты, но как ни старался Ягунин, разглядеть, что там внутри, он не мог. И вообще ему не было понятно, торговал когда-либо магазин или еще только готовится к открытию. Раздражение закипало в Михаиле. Купчик, выдворенный от Нинки, отнюдь не улучшил отношения Ягунина к этому сословию, а теперь еще это... Он подошел к двери и изо всех сил стал трясти ручку звонка. «Оторву сейчас к чертям собачьим», — думал он со злорадством. Но шнур был прочен. Михаил прислушался: никакого ответа. Он снова дернул звонок, и тут, видно, не выдержала, высунулась из соседнего окна растрепанная тетка.

— Чего трезвонишь? Ошалел? Не видишь — закрыто, — сердито крикнула она, натягивая на полуголые плечи платок.

Ягунин строго взглянул на нее.

— Ну-ка, скажи, куда он мог деться?

— Ех ты-и-и... «Деться»! — саркастически повторила тетка. — Да на что ему деваться-то теперь? — Она хохотнула. — Небось в садике жирок растрясает, вона где.

Она махнула рукой в сторону скверика за спиной гортеатра и не удержалась, чтоб не спросить:

— А чего надо-то? Магазин еще не торгует. Может, швеймашины учитываешь? Так мы уже...

Ягунин и не подумал ей отвечать. Вот уж дура! Он пересек улицу, на ходу скользнул взглядом по афише с «Царевичем Алексеем» и через сломанную железную калитку вошел в Пушкинский скверик. Здесь в старое время перед спектаклями любили прохаживаться самарские театралы. Сейчас его использовали как место отдохновения ходатаи и командированные волсоветчики, приехавшие в губисполком, а также беженцы, беспризорники и прочих бездомный и приезжий люд. Скверу этот натиск терпеть было тяжело. Затоптанная травка не успевала разгибаться, кусты стали ломаными прутьями — им-то доставалось больше всего, и даже островерхие тополя, и даже кряжистые вязы, казалось, больше не хотели жить — в их зелени не было сочности, пыль забила поры, неподвижная жара иссушала деревья, как чахотка.

Сейчас в сквере было малоллюдно. Кое-где под деревьями, правда, светлело тряпье, но вряд ли Михаилу нужно было присматриваться, потому что толстяка, описанного Беловым, искать там не приходилось. Он должен был где-то гулять: сидеть на запыленной, серой траве «чистой» публике не полагалось, а последние лавочки еще зимой были пущены на топливо.

Михаил вышел на спортплощадку — вернее, на пыльный пустырь, поскольку столбы, бумы и турники были давно утилизированы, — и огляделся. В дальнем конце сквера, закруглявшемся над крутым спуском к Жигулевскому пивоваренному заводу, маячила крупная фигура: некто в желтой рубашке навывпуск, заложив руки за спину, любовался видом на Проран. «Он, — с уверенностью сказал себе Ягунин, — брюхатый на прогулке. Я ему порастрысу жирок...» Он быстро пошел напрямик, и чем ближе подходил, тем крепче становилось убеждение, что перед ним тот самый Башкатин.

Толстяк задолго до приближения Ягунина ощутил беспокойст-

во: обострились, видно, у этой породы инстинкты за четыре революционных года. Складчатая шея пришла в движение, и буд-то затылком узрел полный гражданин Ягунина: за двадцать шагов обернулся и настороженно уставился на невзрачного паренька в кожанке.

— Гуляете, гражданин Башкатин? — с нажимом спросил Ягунин, подходя вплотную и глядя «напщину» в переносицу.

— Э, что вам угодно... Эхэ... товарищ? — Башкатин старался соблюсти достоинство, но презрительный взгляд ему не давался: он трусил, и глаза его выдавали.

— Мне угодно, — с издевкой повторил чуждое слово Ягунин, — поспросить вас, гражданин, кое про что.

Будто и с возмущением фыркнул Башкатин, но щеки его заметно побледнели.

Молча, очень медленно достал Ягунин из кармана удостоверение и поднес к его носу. Башкатин скосил глаза, и сразу отвисла челюсть, а подбородочки поползли на грудь.

— П-п-ожалуйс-ста, — с трудом выговорил он.

— Что за слухи вы распускаете про Чрезвычайком?

Лицо нэпмана стало совсем белым.

— Не... понимаю... — прошептал он.

— Ну, про ЧК слухи. Клевету сочиняете. Что, нет?

— Я?... Слухи?... Про ЧК?... Помилуйте... — растерянно бормотал Башкатин, тарача на Ягунина расширенные, молящие о пощаде глаза.

— Не валяйте дурака, Башкатин, — звонко прикрикнул Ягунин, которого раздражала эта комедия. — Про что вы трепали вчера в «Паласе»?

— Ничего... Клянусь вам... Ей-богу... Ничего...

— Брешете! А что за истории с обысками? Какие еще конфискации придумали?

— Но... уверяю вас... — Голос Башкатина звучал совсем слабо. — Это недоразумение... Я ничего такого...

— Хватит! — свирело оборвал Ягунин. — Говорите вполне кон-

кретно: какого такого тестя чекисты ограбили? Адрес? Что языком прикусил? Ну!!

Башкатин молчал, в оцепенении уставившись на чекиста.

— Та-ак! — Голос Ягунина прозвучал зловеще. — Напраслину брехать — мастак, а как ответ держать...

Нэпман схватился рукой за жирную грудь, трудно сглотнул слюну, но, к своему ужасу, сказать ничего не смог. Не получалось.

— Ладно, Башкатин. Я и так угрохал на вас сколько минут зоря, а они у меня дороги. Играть в молчанку мне некогда. Поговорим в губчека. Явитесь завтра, в полдевятого утра, комната четырнадцатъ. Чай, сами придете? Или провожатых прислать?

Башкатин затряс головой.

— Н-не н-надо, — еле слышно прошелестел он.

Ягунин был и доволен и недоволен разговором. Неплохо, конечно, что он дал Башкату почувствовать: хоть нынче и НЭП, да не торгаши хозяева положения и революционная рука у них по-прежнему на горле. С другой стороны, выходило, что приказание начальства он, Ягунин, не выполнил: с перепугу Башкатин ничего не рассказал, и беседовать с ним сейчас, как сказал бы Белов, нет резону.

— Бывайте, Башкатин. До завтрашнего разговора!

Но, не пройдя и пяти шагов, Михаил вернулся, приблизил к потному лицу нэпмана палец и размашисто погрозил:

— Только смотрите, Башкатин. Шуток ЧК не любит. Под землей найдем!

И быстро пошел из сквера.

Потрясенный Башкатин смотрел ему вслед. Взгляд его остановился, лицо стало апатичным. Он сделал шаг и, царапая ногтями грудь, без звука повалился на сухую землю.

6

Получив в раздаточной обед, Ягунин подсел к столику, за которым обедали Шабанов и Женя Сурикова, маленькая девушка с короткими, не отросшими после тифа волосами. Она была бы

совсем похожа на смазливую парнишку, да уж слишком топорщилась на груди гимнастерка. Как и Шабанов с Ягуниным, Женя работала у Белова в секретно-оперативном отделе.

— Ставь свою «пшу», — сказал Шабанов. — Как ты считаешь, Михаил, хвост селедки — это закуска или второе?

— Смотря с чего начнешь лопать, — отозвался Ягунин.

— А вот «пша» — это и первое и второе, — засмеялась Женя. — Просто кашу развели в супе.

И она поболтала ложкой в жиденькой баланде.

Ягунин поставил на стол свои миски, с нежностью посмотрел на квадратик хлеба. Шабанов перехватил взгляд и хмыкнул:

— Тети Пашиному любимчику опять горбушка.

— Угу, — сказал Михаил, вгрызаясь в селедкий бок.

— Пойдешь в театр, Миша? — не поднимая глаз от миски, безразлично спросила Женя. — В имени Карла Маркса, на «Хованщину». Нам на отдел четыре бесплатных распределили.

— Что еще за «Хованщина»? — спросил Михаил, жуя.

— Опера из старорежимной жизни, — встрял Шабанов. — Кузьмин был. Слова, говорит, не поймешь — поют, поют, одна муть.

— Ты, Шабанов, брось! — Женя даже ложку бросила. — Все постановки у Южина хорошие.

— Кузьмин ходил на спектакль для красноармейцев. А зал-то знаешь кем набит?

— Крашеными барышнями, которые ходят со спецами на эти оперы. А красноармейского состава раз-два и обчелся.

— Про что это «Царевич Алексей»? — поинтересовался Ягунин, вспомнив афишку, увиденную час назад.

— Про что? Про царевича, про что же еще, — популярно пояснил Шабанов. — Вон в газете прямо слюнями ктой-то брызгает, нахваливает Шебуева. Больно уж расчудесно царевича изобразил.

— Опять, выходит, царевичи в моде, — не удержался Ягунин.

— Шебуев, товарищи, замечательный артист. Только жаль, что он кого угодно согласен играть, — подхватила Женя. — Погодите, я вам кой-чего покажу.

Не сразу расстегнулась пуговичка на кармашке гимнастерки. Наконец Женя достала вчетверо сложенную бумагу.

— Вот мне подруга из Москвы переслала. — Она с брезгливостью протянула ее Ягунину. — Прочти-ка вслух.

Михаил развернул листок, исписанный девичьем почерком.

— «Милая Тусенька!» — прочитал он и покрутил головой с неодобрением: на кой читать всякую муру? Однако продолжал: «Спешу тебе рассказать, какой мы вчера устроили вечер у нас в губздраве. Во-первых, был вчера советский праздник — свержение какой-то коммуны, или нет — кажется, царизма, — и мы по этому случаю не работали»...

— Ах ты... — Шабанов чуть было не сказал, еле сдержался. Ягунин засопел, скосил глаза на Женю и продолжал:

— «А вечером нам разрешили устроить бал-концерт. Публики было полно, и все больше свои. Пели «Тишину», «Молитву», «Серенаду Дон-Жуана», потом другую «Тишину». Была скрипка — такой смешной толстый немец. Тенор был очень интересный, брютет. Потом декламировали, снова пели. Наконец, хоть и поздно, приехал душка Шебуев. Ах, Тусенька, как он поет... Мы прямо умерли все от восторга и заставили спеть почти десять номеров. Мы все в Шебуева прямо по уши. Маруся пробралась в артистическую и осыпала его конфетти. Счастливица!».

— Вот дуры-то! — с искренним огорчением воскликнула Женя, не сводя взгляда с помрачневшего лица Михаила.

— «Потом был бесплатный буфет, наконец, танцы, настоящие танцы... Была масса интереснейших кавалеров, игры, почта. Мы разошлись в три часа. Я так веселилась, как никогда. Ну, понимаешь, все было, как раньше. И никаких «Интернационалов» и речей не было. Правда, в начале кто-то говорил, но его, конечно, никто не слушал. Ах, если бы поскорее еще какой-нибудь советский праздник! Пищи, милочка, как у вас в Москве. Мы в Самаре начинаем возрождаться для прежней веселой жизни.

Бессчетно целую. Твоя Катя.

П. С. Жалко только бедную Лелю. У нее уперли гетры».

Последние несколько фраз Ягунин читал монотонно, приглушив голос, а когда закончил, никто не проронил ни слова.

— Дай я отнесу, — тихо сказала Женя и стала собирать со стола миски. Михаил протянул письмо, она кивнула и спрятала его в кармашек.

Когда девушка отошла с посудой, Шабанов с тихой яростью выругался.

— Что, Ваня, — сквозь зубы спросил Ягунин, — значит, все сызнова надо начинать?

Шабанов молчал.

— Вы тут про театры умные разговоры ведете, — зло продолжал Михаил, и вернувшаяся Женя с тревогой взглянула на его изменившееся лицо. — Кто и как царевичей играет... Хотя сами знаете, что зритель в нашем театре — это в лучшем случае обыватель, а в худшем — спекулянт, нэпщик. А чего им показывают со сцены? Скажи, Сурикова, что ты в гортеатре смотрела?

— Сейчас... — заторопилась Женя, обрадованная, что Ягунин наконец-то обратил на нее внимание. — «Рай и блудница», «Дон-Жуан Австрийский», «Госпожа Икс»...

— Это, выходит, для нас, да? Для большевиков, для комсомольцев такое? Мы революцию совершили, белых раздраконили, и на вот теперь! Оказывается, не мы, рабочий класс и беднейшее крестьянство, главные нынче люди, а эти... которых мы к стенке не успели поставить.

— Ладно про стенку-то, — заметил Шабанов. — Кровожадный какой... Что у нас в театрах неладные дела — это точно. Но широкий вывод из театров делать неправильно. Ленин сказал, что мы временно отступаем, так что не скули, Ягунин, а то без тебя тошно.

— Раз так, ежели смирились, так и ходите в свои театры сами, — сказал Ягунин насмешливо. — А я лучше пойду на выставку... Слыхали? Садово-огородного инвентаря. В аккурат возле вашего театра, в Доме крестьянина открылась. Это куда полезней, чем царевичам в ладошки хлопать до посинения. Пока!

— Ты что, обиделся, Миша? — дрогнувшим голосом спросила Женя, но Михаил, тряхнув чубом, не ответил и зашагал к выходу. Возле двери он задержался у доски «Бросили курить», прочитал написанные мелом фамилии — их было меньше десятка, усмехнулся и вышел из столовой.

— Зря он с плеча рубит, — сказал Шабанов Жене, когда они поднимались из полуподвала по лестнице. — Горячится, кислов с пресным путает...

— Он переживает... — серьезно сказала Женя. — А мы разве нет?

7

Нина должна была прийти через час-полтора, и потому Ягунин решил до семи вечера успеть сделать то, что он откладывал третий день: разобраться с бумагами, донесениями и сведениями, касающимися Жигулевского пивоваренного завода и его хозяев. Белов велел составить подробную справку, но зачем она ему, не сказал.

Бумажек было много. Оказывается, на главу фирмы «Товарищество Жигулевского пивоваренного завода А. Вакано и К^о» Самарское жандармское управление завело дело еще в 1915 году. Альфреда фон Вакано-Рихтера и его сына Владимира фон Вакано сильно подозревали в шпионаже в пользу Австро-Венгрии. Оснований для этого было достаточно. В донесениях приводились факты о попытках Вакано негласно связаться с неким влиятельным венцем. Приложен был текст телеграммы, которую Вакано-отец дал в Вену за месяц до начала мировой войны, о начале мобилизации в Самаре людей и лошадей. Агенты жандармерии доносили как о встрече Вакано в Самаре с двумя офицерами австрийской разведки, коих он зачем-то возил к Трубочному заводу, так и о стремлении пивовара к приобретению знакомств среди самарских военных. Отмечалось засилье немцев среди служащих завода. Но наиболее всего компрометировал его сбор сведений, который

Вакано организовал через своих сотрудников не только в Самаре, но и в Царицыне, о пушечном заводе, о дальнобойности пушек. Сведения он передавал в Москву, в Австро-Венгерское генеральное консульство.

Результатом, как выяснил для себя Ягунин, стала высылка отца и сына Вакано в Бузулук сроком на два года.

Были в папке и другие материалы. Например, заключение судебно-следственной комиссии Самарского губернского комитета народной власти, датированное сентябрем 1917 года. В этой бумаге, составленной чиновниками Временного правительства, отец и сын фон Вакано не только полностью реабилитировались, но даже изображались чуть ли не жертвами царских сатрапов. А в других бумагах — опять...

Провозившись часа три, Михаил начал писать информационную сводку.

«Бывший владелец Жигулевского завода Альфред Вакано во время революции выехал в Вену»... — Перо у Ягунина было новое, острое, оно цеплялось за бумагу, из которой торчали чуть ли не щепки, но Михаил писал быстро — все равно ведь придется перепечатывать. — «Уезжая за границу, он свое имущество и часть ценностей оставил для сохранения своим сыновьям Лотарю и Льву Вакано, которые остались в Самаре. Потом они все поделили и не вернули отцу, а тот просил.

Лотарь Вакано — это австрийский подданный, живет в Жигулевском заводе. По сведениям если судить, то человек он хитрый и гибкий. Женат на бывшей проститутке Ольге Константиновне Шаминой, баба она ловкая, взяла его в руки. Завод сейчас арендуют четыре человека — Боярский, Лотарь Вакано, Лев Вакано и Фабер. У Лотаря есть капитал за границей. В квартире у него живет брат жены его, с женой, с которой Лотарь живет....»

— Черт!

Ягунин наморщил лоб и еще раз прочитал последнее предложение: ну и нагородил — где чья жена, кто с кем живет? Махнул рукой: сойдет, не роман пишет.

«Бывает у них часто друг семьи доктор Тимофеев... Лев Вака-но имеет высшее образование, женат на бывшей графине...»

Зазвонил телефон. Михаил положил ручку, подошел к стене и снял трубку.

— Алло, Ягунин у аппарата...

— Это опять я, Нюся, — раздалось в трубке.

Нахмуясь, он слушал, что говорит ему буфетчица из «Пала-са», но постепенно лицо его прояснялось.

— Спасибо, Нюся, — сказал он. — Еще раз повторите-ка, где?

Повесил трубку, дал отбой. Сел за стол и принялся быстро дописывать сводку, решив заключить ее изложением конфликта, который произошел недавно между Вакано и завкомом арендую-мого ими завода. Завком знать не знал, что желающих работать сверхурочно запирали в цехе розлива на всю ночь, что было пря-мым беззаконием...

В комнату заходили сотрудники, здоровались, что-то спрашивали, звонили по телефону, но Ягунину было не до них. Закончив на-конец сводку, он отдал ее Беловой печатать, а затем заскочил к Левкину.

— Исай, сызнова нужна рубаша, — выпалил он с порога.

— Это чтобы нравиться той девице? — тотчас среагировал начфинхоз. — Она таки придет?

— Мне по делу нужна рубаша, Левкин. — Ягунин сердито по-тряс головой. — К семи я ей сказал. Ты в семь-то будешь, Лев-кин? Я уйду...

— Иди, — со вздохом сказал Исай и подошел к одному из шкафов, что стояли вдоль стен. — Бери!

Михаил поймал рубашу из темно-синего сатина, прикинул на глазок — годится.

— Так ты ее не гони, Исай, — буркнул он. — Ниной Ковалевой зовут...

— Ниной так Ниной, — равнодушно ответил Левкин, запирая шкаф на блестящий замок.

У себя Ягунин переоделся и совсем было собрался уйти, когда вошли двое — Гриша Чурсинов, секретарь комсомольской ячейки Самгубчека, и с ним тощий, наголо стриженный парень с очень серьезным лицом.

— Знакомся, Федор Гаврилович, — сказал бодро Гриша, — это Ягунин, парень-гвоздь.

— Попов, — сказал худой парень. — А вы комсомолец?

— Ага, — сказал Ягунин. — Был. А Федор Попов — это не тот Федор Попов?

Чурсинову не понравились эти шуточки.

— Товарищу Федору Попову поручено организовать Первый райком РКСМ в Самаре, — хмурясь, разъяснил Гриша. — А то у нас каждая ячейка болтается сама по себе. И наша, между прочим, тоже, — добавил он самокритично. — Мы должны помочь.

— Знаете что, — сказал Ягунин настолько вежливо, насколько смог, — мне позарез бечь надо...

— Всегда тебе некогда, — неодобрительно сказал Чурсинов. — Ты хоть в партбилете последний субботник отметил?

— Отметил, отметил, — пробормотал Ягунин, двигаясь к выходу, — меня, понимаешь, люди ждут...

— До встречи, — кивнул ему Попов. — А с бандитом Поповым мы даже не родственники.

Торопился Михаил не зря: часы в вестибюле показывали, что на ходьбу осталось от силы десять минут.

...Свернув за угол на Самарскую, он чуть было не попал в объятия веселой компании, занявшей тротуар.

— Тыфу, черти! — От неожиданности Ягунин попятился.

— Дядя, не трусь, мы не черти, — крикнула ему разбитная девушка в косынке, цепляясь за локоть. — Мы вон кто!

Она подбородком указала на транспарант, где от руки, коряво, но зато очень размашисто было выведено: «Даешь ключи в социализм!» Ниже, буквами поменьше, была другая надпись: «Все на вечер — смычку с героями деревенского ликбеза!»

Ягунин, улыбаясь и хмурясь, попытался обойти компанию, но

девчата и парни дурачились, загораживали дорогу. Бормоча: «По делу, братва, тороплюсь...» — он наконец прорвался сквозь веселый заслон. За спиной у него внезапно рывкнула гармошка и привычный голосина завел было частушку:

— **За Самарой за рекой ходит парень холостой...**

Закончить куплет ему, видимо, не дали.

Ягунин надал, чуть не бегом перемахнул через улицу и сразу же отыскал взглядом облупленную кирпичную арку. Через нее был виден загаженный и захламленный двор — соседний с огромным двором «Паласа». С меньшей уверенностью он пробрался в конец двора. Пришлось лавировать между старыми бочками, штабелями ящиков, ларями для мусора. Ягунин догадался, что сюда выбрасывают всякую дрянь и отходы из «Паласа»: в глубине между дворами не было забора. Выбираясь из вонючего лабиринта, Михаил лицом к лицу столкнулся с Нюсей.

— Боже, наконец-то! — всплеснула она руками. — Идемте.

Она вывела Ягунина во двор «Паласа» и, приблизившись к зданию с тыла, толкнула малоприметную, наглухо забитую дверь. Доски с гвоздями оказались маскировкой, и вслед за буфетницей Михаил шагнул в чернеющий проем.

— Давайте руку, — громко прошептала Нюся, и мягкие пальчики ухватили его ладонь.

Они прошли немного по коридорчику, темному и очень узкому, — Ягунин то и дело касался плечом стены.

— Здесь и ждите, — сказала Нюся, открывая дверь в кладовку. — Садитесь на этот ящик. Когда надо будет, приду за вами, хорошо?

Ягунин не ответил. Сел на пустой ящик. Ждать так ждать. Хоть окошко есть. Тусклое, грязное, но все же окошко.

...Не знал, не ведал Михаил Ягунин, что всего в двадцати метрах от него, а может и ближе, в непроницаемой чернильной тьме светились красные огоньки двух папирос. Курили и разговаривали вполголоса двое. Один из невидимых собеседников явно нервничал. Другой, напротив, говорил благодушно, елейничал.

Первый. А что я могу? Я в дурацком положении. Каждый шаг теперь с оглядкой. По рукам и ногам меня связал этот... краснозадый начальник.

Второй. А ты развяжись, голубок. Возьми и развяжись. Тихонечко, без треска.

Первый. Убрать его, да? Переполошить всю Чеку? Это что, в наших интересах?

Второй. Наш интерес, голубок, чтоб дело шло. А так или эдак — уж вы сами сообразите.

Первый. Ничего, сообразим. Попробуем нынче ночью убить двух зайцев.

Второй (тихонько смеется). Ой, смотри, знаем, как за двумя зайцами гоняться... Не рано ль ты гоп сказал, голубок?

Первый. Не рано. Пронюхали. Я попробовал, ложный след им подкинул, как зайцы делают. Да вроде бы не вышло. Видно, не поверили.

Раздался негромкий, сложный стук: два удара, три быстрых, через паузу еще два. В освещенном прямоугольнике двери появилась Нюся.

— Наш воробушек в клетке, — сказала она шепотом и закрыла дверь.

— Пора, — сказал Первый.

Огоньки папирос одновременно погасли. Теперь хоть глаз выколи — темно...

8

В половине двенадцатого ночи возле дома, по счету третьего от угла Садовой и Симбирской улиц, возле этой ничем не примечательной двухэтажной кирпичной коробки с нелепой шпилястой башенкой на темени остановилась пролетка. Из нее выскочили двое, оба в кожаных фуражках и куртках, блестящих своими жесткими складочками в молочном свете луны. Легко перемахнув через ворота, они скрылись в глубине двора. Через некоторое

время щелкнул запор калитки и двое в куртках вывели на улицу старушонку и долговязого лохмача в кальсонах и нижней рубаше. Тотчас из пролетки вылезли еще трое в коже. Один из них, плечистый и высокий, настоящий богатырь, поднялся на каменную приступку парадного и кулаком постучал. Гулкие удары раздробили тишину давно спящего квартала. Он постучал еще и еще. И вот внутри скрипнула половица и появилась полоса света.

Пожилой человек в халате, в шлепанцах, со свечой в дрожащей руке испуганно смотрел на дверь, сотрясающуюся от настоячивых ударов. В другой руке он держал охотничье ружье.

— Кто? Кто там? — срывающимся голосом спросил он.

— Открой! ЧК! — донесся с улицы властный приказ.

— Господи, — прошептал старик. Пальцы его разжались, и ружье жестко стукнуло об пол. Шаркая, он просеменил к двери, открыл смотровой глазок и приник к нему. Дыру заслоняла грудь человека в кожаной тужурке.

— О господи... — снова прошептал старик. — Сейчас, минуточку... — бормотал он сдавленно, не делая попытки открыть дверь. — Сейчас... Только документик ваш...

Чиркнула спичка. Рука с темными курчавыми волосиками поднесла к глазку раскрытое удостоверение сотрудника ЧК.

— Понятые, подтвердите, — приказал кто-то из темноты.

Послышалась сипловатая скороговорка:

— Это я, Михал Лукич, я, Васька Свиридов, сосед ваш. Нас с тетей Маней назначили... В свидетели, что ли...

— Здесь я, Михаил Лукич, — пропел старушечий голосок.

Хозяин за дверью закрыл глаза, быстро-быстро закрестился. Непослушными руками он отодвинул засов, снял цепочку.

Дверь распахнулась, отбросив дрожащего старика к стене. Вслед за людьми в кожаных куртках в сени зашли понятые.

У крыльца остался лишь один — тот самый, богатырского сложения человек, что стучал в парадное. Он сел в пролетку, попыта зацокали, но сразу смолкли: пролетка доехала до угла.

На Садовой восстановилась тишина.

ЧЕТВЕРГ

1

— П рошу вас, товарищ Ягунин!

Вирн откинулся на спинку стула и приветливо кивнул Белову, вошедшему в кабинет вслед за Михаилом.

— Присаживайтесь. Закуривайте. Ах, да... Вам же нельзя... Да, да...

Лицо его выразило сочувствие, но оно казалось фальшивым из-за полного несоответствия того, что говорил Вирн и как говорил.

Белов тотчас полез за кисетом.

— Докладывайте, Ягунин, — сказал председатель Самгубчека, удобно устраиваясь в кресле, как бы для долгой беседы.

Ягунин устало потер ладонью глаза и с едва заметной усмешкой сказал:

— Собственно, нечего докладывать. Сбежал Башкатин. Я его вызывал сюда на полдевятого. А он деру дал. Словом... — Он безнадежно махнул рукой.

— Откуда знаете? — спросил Вирн.

— Проверил. Домой он больше не возвращался. Чай, перетрусил, что придется отвечать перед революционным законом. За клевету. Вот и наострился в бега.

— А вы не допускаете... — начал было Вирн, но Михаил, не дослушав, возразил:

— Нет, я в морге узнавал. И милиция не знает. Удрал он, и точка.

— Так...

Альберт Генрихович Вирн внимательно рассматривал ногти. Затем повернулся к молчаливо дымящему сигаркой Белову.

— А ваша точка зрения, Иван Степанович?

Белов поморгал, пожал плечами.

— Бес его знает. Вполне и сбежать мог. Ежли мне он в «Паласе» натрепался, тогда мог. Вот только... — Он на мгновение запнулся, подбирая слово.

— Что «только»? — живее, чем обычно, заинтересовался Вирн.

— Обстоятельство одно непонятное. Почему он домой-то с прогулки не вернулся?

— А он не вернулся? — поднял крутую бровь председатель.

— В том и дело. Михаил побывал у него дома нынче утром. Как-то не резонно. Ведь надо было что-то взять — барахлишко, скажем, ценности, наличность какую. Купцы народ обстоятельный.

Ягунин в миг отозвался:

— Вы этих сволочей плохо знаете. Не беспокойтесь, Башкатин своего не упустит. Мы-то с вами духом не чужем, где он был вчера

вечером. А он небось все обстригал, набил саквояжик золотишком и тю-тю. Вот помянете мои слова: недели через две объявится какая-нибудь купчая... — Он закашлялся, потянулся к графину, плеснул в стакан воды. Глотнул и закончил: — И потом, он же мне признался, что наклепал на ЧК. О чем, извиняюсь, разговор?

— Признался? — негромко переспросил Вирн.

— Мм... почти.

Ягунин снова потер набрякшие красные веки.

Альберт Генрихович остро взглянул.

— Плохо спите, товарищ Ягунин. Что так?

Михаил вздохнул.

— Да нет, ничего. — Он встал. — Я могу идти?

Поднялся и Белов.

— Идите, Ягунин, — кивнул председатель. — А вас, Иван Степанович, я попрошу задержаться на минутку.

Ягунин вышел. Белов присел на краешек стула, не касаясь стола. На минутку так на минутку, расслабляться недосуг.

— А вам не кажется, Иван Степанович, что в истории с этими таинственными обысками замешан кто-нибудь из наших сотрудников?

Белов опешил, даже заморгал вдвое быстрее, чем обычно. Заволновался.

— Как это? Альберт Генрихович, ничего ведь не подтвердилось с этими обысками-то. Да и как можно об эдаком подумать?...

Однако председатель губчека, видно, подумал, прежде чем сказать.

— Иван Степанович! Я понимаю, что в такое поверить не просто. Когда на фронте мы воевали, там все было ясно: этот — друг, тот — враг. Так ведь?

— Не всегда, — ехидно сощурился Белов. — А помните, как было с Махно? Тоже союзником считался.

— Было такое, — бесстрастно согласился Вирн. — Хотя мы всегда понимали, кто есть Махно. А сейчас ситуация куда сложнее.

С началом НЭПа у нас должен быть особый взгляд — как рентгеновский луч. Слыхали про такой?

Белов кивнул, а может, качнул головой: была в его молчаливом ответе неопределенность.

— Очень хорошо. Знаете, как бывает? На взгляд — здоровяк, кровь с молоком, а на просвет, глядишь, чахотка в последней стадии. Чтобы в наше время работать в ЧК, так и надо смотреть, как аппарат доктора Рентгена, внутрь.

Вирн сделал паузу, усмехнулся.

— Только трудно это, конечно, внутрь смотреть и не ошибаться.

Белов опустил глаза.

— Кому-то надо и верить, — просто сказал он. — Без заглядыванье. На кого-то ведь опираться приходится.

— Верить? — Вирн иронически поморщился. — Давайте будем слепо верить.

Он выдвинул ящик стола и достал какую-то бумагу. Подержал на ладони, словно взвешивая, положил на стол.

— Это донесение милиции, — сказал он негромко, но кулак его побелел. — Сегодня ночью группой каких-то сотрудников ЧК ограблен бывший скотопромышленник Прошерстнев.

— Опять?! — вырвалось у Белова.

— Как видите. Сам Прошерстнев увезен неизвестно куда. Как раз в этот день он справлялся насчет выборки патента на торговлю кожами. Откликнулся на новую политику Советской власти. А вечером, вернее, ночью, арестован. Теперь по Самаре пойдет...

Вирн из-за стола прошел к двери и обратно.

— Дело поручаю вам, Белов. Рекомендую даром времени не терять.

Он взял милицейскую бумагу и положил перед Беловым.

— Пусть будет у вас.

Белов неспешно поднялся со стула, вынул из кармана цветастую тряпицу, высморкался, потом спрятал тряпочку — и все медленно,

будто выигрывал время. Лист бумаги взял осторожно, с какой-то странной подозрительностью.

— Разрешите мне идти?

Вирн обронил только:

— Да.

Но когда Иван Степанович взялся за дверную ручку, сказал ему в спину — эффект получился прямо-таки театральный:

— Кстати, забыл вам сообщить. Гражданин Башкатин никуда не бежал. Вчера днем он был доставлен в больницу в бессознательном состоянии.

Белов замер, втянув голову в плечи.

Насладившись картиной, Вирн заключил:

— Подумайте над этим, Иван Степанович.

2

В большой полутемной комнате, тесно уставленной резной тяжелой мебелью, словно для богатырей купленной, царили запустение и беспорядок. Животастый комод с вытасненными ящиками, откуда торчало пестрое барахло, был отодвинут от стены. На полу валялся фикус, из разбитого горшка смотрели светло-коричневые корни, и это неприятно напоминало о насилии и смерти. Дверцы высоченного шкафа, изрезанные с особой затейливостью, были распахнуты настежь. Порядок был только на кряжистом столе из дуба — не сдвинешь такой и втроем. В него будто врос бронзовый письменный прибор с подсвечниками в виде полуприкрытых простынками дев. Рядом лежали толстая стеклянная ручка, чистые листы бумаги и массивное пресс-папье из бронзы — тоже часть прибора.

Белов провел пальцем по пыльному стеклу буфета, заполненного дешевой посудой, и посмотрел на палец.

— Значит, мамаша, ты нынче здесь не прибирала, — не спросил, а констатировал факт Белов, обращаясь к закутанной в шаль худой старушонке. Она стояла у порога и без смущения и любопытства следила за чекистами, осматривавшими комнаты.

— Какое!.. — Старушка вздохнула. — Чай, не до того... Утречком как забежала, гляжу: вона как тут! И скорей от греха подале. А то еще, глядишь, скажут: рылась да уворовала себе чего. А мне чужого, дорогой товарищ, не надо. Жила весь век у людей, и никто не попрекнул, не зарилась я на чужое. Вот и Михаил Лукич — вы спросите-ка его, он скажет: не такая, мол, тетка Маня... Не надо мне чужого добра, ну его. Одета, с голоду не помираю еще, и слава богу. А чтоб по сундукам...

— Ладно, ладно, — остановил Иван Степанович разговорчивую соседку, которая у Прошерстнева была за прислугу и дворника. Конечно, расспросить ее надобно как следует, но что-то неясное, что-то неосознанное беспокоило сейчас Белова. Какая-то щемящая неудовлетворенность — то ли ходом осмотра, то ли еще чем...

Он наклонился к столу, осторожно взял пресс-папье и увидел на промокашке четкий отпечаток чернил. Попробовал было разобрать, что там, сощурился, но потом качнул головой и бережно опустил бронзовую штуковину в большой конверт, а тот — в раскрытый докторский баул, стоящий на стуле.

— Так как же ты это, тетя Маня, никого вчера не рассмотрела? Столько народу было, и ни одногошеньки вспомнить не можешь? Ну хоть единственного, а?

— О господи! — Старуха снова вздохнула и перекрестилась. Зачастила: — Так рази увидишь ночью-то? Я же говорю: Ваську спросите, он в комнатах был, а я что? Кабы при свете, а то ведь цыкнули: «Жди, бабка, в прихожей!» А мне что? Коли уж приказали, так я с места не сойду, хошь ты меня режь. Ужасно я, дорогой товарищ, напугалась этой вашей Чеки, прямо трясло всю. А тот мужчина, что со мной в сенях остался, он мне говорит: «Ты, бабка, не бойся, тебе-то, мол, чего? Пушай хозяин твой, буржуй, трясется».

Разговаривая с дворничихой, Белов рассказывал по гостинной, пытаясь определить на глаз, был ли сегодня ночью обыкновенный квартирный грабеж или же эти ряженные чекисты искали что-то

определенное, заходя им известное. Последние слова старухи его насторожили.

— Как ты сказала, тетя Маня? Который с тобой остался? А его-то хоть углядела?

Старуха пригорюнилась.

— Лицо-то в темноте рази разглядишь? По фигуре вроде видный, представительный такой мужчина. А со здоровьем у него, видать, неладно: кашляет, страсть!

— Кашляет?

— Кашляет, — удрученно повторила дворничиха. — Аж рукав грызет, болезный, чтоб тише, значит. Хотела я ему присоветовать, как от этой хрипотки избавиться, да чегой-то побоялась. А у меня, дорогой товарищ, еще от свекрови моей травка осталась. Как на-стоишь на кипяточке...

На лице Белова отразилось нетерпение.

— Потом, потом про травку, — мягко остановил он старуху. — Что еще про него можешь припомнить?

— Про этого, кашлюна-то? Да чего сказать? Он и был со мной в сенках всего ничего. Позвал его кто-то, он и ушел в дом.

— Кто позвал? Как это было? Все говори, тетя Маня, до мелочей подробней. Мне все важно.

— А кто позвал, я и не знаю, дорогой товарищ. Высунулся какой-то из горницы и позвал: иди, говорит, в дом, протокол составлять надоть... И по фамилии, значит, окликнул...

Белов быстро заморгал:

— Неужто по фамилии?

— По фамилии, по фамилии, — обрадованно повторила тетя Маня, — только уж теперь я и не помню фамилии-то. Услыхать— это да, услышала, да вот запаматовала. Со страху небось и мать родную забудешь как звали.

Белов крикнул: вот ведь, всегда так — главное она и забыла. «А почему главное? — подумал он. — Будто бы липовая фамилия что сказала...»

— Товарищ Белов!

Это Миша Айзенштат, высокий кудрявый парень, один из самых молодых сотрудников Самгубчека, закончил обыск в спальне.

— Вот, — сказал он с потаенной гордостью, — нашел окурки и два кусочка сухой грязи с отпечатками подошвы. А больше ничего интересного нет.

Он протянул Белову два серых конверта, но тот не взял их, кивнул на баул: положи, дескать, сам.

— Осмотри-ка, Миша, еще разик сенцы и крыльцо, — Белов почесал переносицу, подумал. — И скажи Жигалову, чтоб не торопился, некуда нам торопиться.

— Есть, товарищ Белов! — Сугубо штатский с виду, Миша преклонялся перед всем армейским — формой, командами, терминологией. Когда постановлением Совета Труда и Обороны чекистов приравнивали по обеспечению к Красной Армии, он радовался громче всех — и отнюдь не потому, что пайки стали больше.

Иван Степанович подошел к баулу, взглянул, ладно ли уложены конверты. Подумав, вынул конверт с тяжелым пресс-папье: при переноске оно может помять другие вещдоки, надо его на дно.

Однако вместо этого Белов, осторожничая, вынул пресс-папье и опять поднес к глазам. Да, так и есть: на свежей промокашке ярко отпечатались несколько строк. Если поднести к зеркалу...

Белов щурился, щурился, да, видно, углядел что-то, потому что лицо его стало напряженным. Он снова уложил конверт с пресс-папье — на этот раз на дно баула, щелкнул замком.

— Вот что, — не слишком приветливо сказал он тете Мане, сусликом торчавшей в дверях. — Покажи-ка мне, где живет этот сосед.

— Сосед?

— Да, да. Тот, что вчера был при обыске. Как его? Васька?

— Свиридов! — всплеснула руками дворничиха. — Так он на задах живет, где колодец. Только нет его дома сейчас, работает, чай, а то шляется где...

— А работает где?

— Баржи грузит, а где — не скажу. Волга большая. Да и не каждый раз она есть, работа то есть. Время, сами знаете, такое, что...

— А возвращается когда?

— Когда как. Больше к темну. А как «монаха» раздавит, так и ночью на карачках приползет.

— Миша! — позвал Белов. И появившемуся в дверях чекисту: — Как все закончишь, баул доставь ко мне, только ты осторожней с ним.

— Есть поосторожней!

Белов повернулся к дворничихе:

— Все-таки мы к Ваське ходим.

— Почему же не пойти, пойдем. Да нет его, ей-богу, нет — не время ему дома-то засиживаться, жевать-то и Ваське надо.

Через заднюю дверь, чтоб не помешать в сенях Айзенштату, они вышли во двор.

— Вон там живет Васька. — Старуха показала на флигель в соседнем дворе, хорошо различимый сквозь пролом в заборе. — Можно через дыру эту пролезть, а можно и через улицу. Мне-то через заборы не лазить, а вот Васька шастает, ему что...

— Давай обойдем, — предложил Белов.

Они прошли через чистый, выложенный битым кирпичом двор и с улицы приблизились к соседским воротам. Белов шагал быстро, но старуха семеняла шустро и ничуть не отставала.

— Вот сюда, дорогой товарищ!

Белов толкнул ветхую калитку, к которой одним гвоздиком был прикреплен ржавый, стершийся от времени номер, рассмотреть цифры на нем было невозможно. Калитка со скрежетом отошла и зависла на нижней петле. Белов взглянул и неодобрительно покачал головой: до какого же запустения довел ты, Васька, свой домишко! Ни одного целого стекла, трухлявое крылечко провалилось, черная от гнили доска сорвалась с крыши и висит над порогом — некому убраться...

— Смотри-ко! — удивленно воскликнула дворничиха. — Не заперто, не висит замок-то!.. Стало быть, дома Васька, ей-ей, дома...

Белов постучал в дверь, однако в домике не отозвались.

— Может, спит или пьяный. Вы пошибче, дорогой товарищ.

Белов трижды грохнул кулаком, руку отшиб, но по-прежнему молчание было за дверью. Тогда он дернул за веревку щеколды, и дверь с тоненьким пением отошла. Белов вошел в темные сенцы, заставленные ведрами с остатками угля и водой, заваленные дровами и железками.

— Есть тут кто?

— Ай-ай, неужто ушел и не запер? — шепотом сетовала за спиной тетя Маня.

В потемках Белов нащупал ручку двери и дернул. Дверь легко отворилась. Смердная комнатуха тонула в полутьме — на одном окошке висело одеяло, на другом — рваная полосатая рубаха. Солнце пробивалось сквозь щели, и в круглых солнечных столбиках мошкаррой плясала пыль.

Белов вздрогнул.

На полу, лицом к двери, в черной луже лежал человек в нижнем белье. Горло его было наискось перерезано бритвой, глаза открыты.

— Ос-споди!.. — всхлипнула старуха.

3

Мохнатое закатное солнце устраивалось за Волгой на ночлег. Залив резким розовым светом верхушки мутно-синего леса правобережья, оно подкрасило походя дымы очередного пожара в Рождествено и пустило длинные прерывистые блики на серую ширь реки. Из лодки, приткнувшейся к столбику в шаге от берега, ощутимо тянуло смолой и свежей рыбой, и запахи эти были дороги Белову, потому что напоминали детство. Вокруг было без-

людно, только вдали, на бревнах у Полевого спуска, белели рубахи плотогонов.

Трудным и неприятным был для Белова уходящий день. Велев Чурсинову и Жигалову заняться трупом Васьки Свиридова, Иван Степанович с баулом в руке вернулся в губчека. Прежде чем пойти к экспертам, он поднялся на третий этаж и заглянул в комнату, где работали Ягунин, Шабанов и еще двое сотрудников секретно-оперативного отдела. На месте был только Ваня Шабанов. На вопрос, где Михаил, он только пожал плечами.

Белову очень надо было поговорить с Ягуниным, но ждать, когда тот заявится, он не мог: пора было идти с докладом к Вирну. У Шабанова он спросил как бы между прочим:

— Вы с ним, кажись, вместе ночуете? То есть в одном общежитии?

— Ну да, только... — На простоватом лице Вани промелькнуло смущение. — Только сегодня он чтой-то не ночевал.

— Совсем?

— Под утро заявился. А разве он не по заданию? Кожанка-то здесь ночевала, а он в рубахе левкинской. А что?

— Ничего. Все в порядке, — сказал Белов и заговорил с Шабановым о другом. На душе было скверно: вот и говори теперь с Вирном!

Потом он взял из стола Ягунина исписанный листок — черновик донесения о владельцах Жигулевского завода — и пошел к экспертам. В Самгубчека их было двое: старик Павлов, обслуживавший еще полицию, занимался почерками, документами, фальшивыми деньгами и всякой химией, а молодой самоучка Николай Мусинов, годившийся ему во внуки, ведал следами, пулями, оружием и прочими предметами трассологической криминальной науки.

— Через полчаса, — буркнул старичок-боровичок, кладя перед собой пресс-папье из дома Прошерстнева и лист ягунинского черновика.

Тут же, при Белове, он срезал промокашку с отпечатками и укрепил ее на освещенном лампой стекле. Пристроив рядом листок

с образцом почерка, он взял лупу, склонился над стеклом и принялся попеременно скользить взглядом по обеим бумажкам. О Белове он, казалось, забыл. Иван Степанович ждать не стал: ему был хорошо известен характер старого эксперта. Раньше чем через полчаса заключение он не даст, даже если бы истина проявилась сию минуту. Упрямство Павловых было легендарным: вот уже много поколений они упорно называли своих старших сыновей Павлами, и цепочка Павлов Павловичей Павловых терялась в глубине веков.

От экспертов Белов пошел в хозотдел, где Левкин подтвердил: да, Ягунин брал у него «оперативную» рубаху. Он добавил, что вчера вечером помещение ЧК убирала «такая беленькая милочка», которую он, Левкин, пристроил по рекомендации Ягунина.

— Может, он для нее нарядился, вы так не думаете? — спросил задумчиво Левкин.

Белов отшутился, но крошечная надежда встрепенулась: а вдруг парень ночью прогулял? Все-таки девятнадцать годков. И вздохнул: нет, на Ягунина не похоже.

Он едва успел об этом подумать, как столкнулся на лестнице с Михаилом.

— Зайдем ко мне, — смущенно мигая, предложил Белов. В кабинете же напустился решительно:

— Ты чегой-то в общежитии не ночуешь?

— А чё? — вроде бы удивился Михаил.

— А то, что я-то должен знать. Барышню завел, што ль?

— Какую барышню?! — оскорбился Ягунин. — Скажете... Ну не спалось, вот и все.

— Гулял, значит?

Ягунин не умел врать: на Белова не смотрел, челюсти сжал, будто злился.

— Давай тогда по-другому, — сказал Иван Степанович и шлепнул ладонью по столу. — Сотрудник Ягунин, доложи, где ты провел ночь?

— А чё мне скрывать? — Михаил глянул в глаза, и Белов понял:

сейчас скажет. — Был в «Паласе». Там наводчик из губсоюза должен был появиться. Который с бандой снюхался. Ну вот...

— Ты-то откуда узнал? — спросил Белов.

— От Нюски-буфетчицы. Позвонила давеча, я и пошел. Это у нас допрос или как понимать?

— Как хочешь. А дальше?

— Прождал до трех утра. До закрытия. А он так и не пришел, наводчик этот. Вы не верите мне, што ль? Я не пойму никак. Если не верите, то узнайте у Нюски. Я не доложил, потому что... Ну, вы-то запретили мне в «Палас» ходить... А я считаю...

— Не уходи никуда до вечера, — хмуро перебил Белов. — Есть дела? Вот и займись. И напиши объяснение про эту ночь.

Когда Михаил вышел, Иван Степанович вызвал к себе по телефону Шабанова.

— Бегом дуй в «Палас», — приказал он ему и пояснил, что именно должен Шабанов уточнить у буфетчицы.

— Я, верно, буду у председателя. Как вернешься, найди.

Прежде чем идти к Вирну, Белов еще немного выждал и завернул к эксперту Павлову: как раз прошло ровнехонько полчаса.

— Почерки идентичны в нескольких элементах, — пробурчал старый эксперт.

— Ну, а чтоб наверняка сказать... — начал было Иван Степанович и умолк, видя, как розовеет затылок под белым пушком.

— Наверняка! — гневно фыркнул Павел Павлович. — По трем словечкам на промокашке! Профанация — вот как называются такие заключения «наверняка»...

Павлов уткнулся в бумаги, а Белов с тяжелым сердцем пошел к председателю Самгубчека Альберту Генриховичу Вирну...

...Иван Степанович поежился — конечно, не от того, что озяб: вечер был теплый, и даже от реки не шла прохлада. Он еще раз мысленно прокрутил — как в кинематографе, только со звуком — свое пребывание в кабинете у Вирна, и снова едкое чувство —

смесь обиды и уязвленного самолюбия — поднялось к горлу, будто изжога. Нет-нет, железная правота Вирна не по нему. Если так всегда думать о людях, можно далеко зайти... И не туда.

Вирн с отсутствующим видом выслушал доклад Белова о результатах обследования в доме на Садовой, об убитом Свиридове, о «кашльоне». И лишь когда Белов сообщил о результатах графологической экспертизы, председатель Самгубчека поднял брови.

— Вы не видите между этими фактами прямую связь? — спросил он холодно.

— Пока что нет... Куча подозрений — и все, — пробормотал Белов и заморгал.

— А по-моему, надо быть слепым, чтобы не увидеть здесь логическую цепь. Вспомните, как упорно он пытался сбить нас со следа и как отговаривал узнавать о ночных обысках. Далее: его ложь о бегстве нэпмана Башкатина, который был найден в тяжелом состоянии. Помните? Что с ним Ягунин сделал, нам неизвестно. Далее...

Так же четко, сухо, колюче ложилась фраза за фразой, и Белову стало казаться, что Вирн давным-давно заготовил свою сверхаргументированную речь и что председателю губчека не хватало лишь нескольких звеньев, чтобы сковать эту, как он выразился, «логическую цепь». И вот теперь Белов дал ему эти звенья.

— Я не хуже вашего знаю о его прошлых заслугах, Иван Степанович. Но я вижу сегодняшнего Ягунина. Зависть. Мелкобуржуазное бунтарство. Какие-то подозрительные девицы, коих он пытается пристроить у нас, в ЧК. Никакой самодисциплины. Наконец, возмутительная политическая слепота. Согласитесь, с таким набором можно оказаться в любом лагере. Утром вы мне внушали: надо верить. Имею ли я право — и вы, товарищ Белов, и вы! — верить своему сотруднику Ягунину, замешанному черт знает в чем?

— Погодите, Альберт Генрихович, — вяло возразил Белов. — Шабанов сейчас проверяет его алиби. Не надо спешить с выводами. А то ведь бывает разное...

— Что бывает разное? — сощурился Вирн.

— В двенадцатом году... В ссылке под Тобольском... — Белов не смотрел на Вирна, говорил с паузами. — Мы, значит, своего товарища одного... Фамилия не важно какая... Заподозрили, что доносит, и в лицо ему выложили. А он повесился... А продавал нас хозяйский сын. Вот так...

Вирн молчал. «Зачем я ему это рассказал? — вдруг подумал Белов. — Ему, Вирну, профессиональному революционеру, побольше меня хлебнувшему и тюрем, и сылок».

— В Михаила я верю, — сказал он.

— Товарищ Белов, вы знаете, что партия поставила меня на пост председателя губчека, чтобы укрепить революционную дисциплину?

Конечно, Белов это знал, как помнил и другое: не кто иной, как Вирн был в свое время организатором ЧК в Самаре. Будучи на этом посту, он самолично поднял восстание в тылу банды изменника Сапожкова и спас тогда из бузулукской тюрьмы семьдесят смертников. Всего три месяца назад Вирн после двух лет ответственной работы в губкоме партии и губисполкоме был направлен «на коренное усиление» Самгубчека, где начальство четырежды менялось в течение года.

— Так вот, крепить революционную дисциплину мы начнем с самих себя. — Вирн смотрел на Белова в упор, не мигая. — Наши сотрудники должны быть вне подозрений — любых! И пусть лучше пострадает невиноватый, чем мы пропустим в свои ряды хоть малейший контрреволюционный элемент.

Белов не выдержал, резко ответил:

— Ягунин — особая статья. Путаник — да, но я за него... горой, как говорится. Наш он, да!

Лицо Вирна не дрогнуло. «Не человек — кремень», — мелькнуло у Белова.

— Иван Степанович, я уважаю ваше мнение. — Голос председателя ровен, вполне доброжелателен. — Но я не могу не считаться с фактами. Это мой служебный, мой партийный долг. Я органически

не приемлю анархизм Ягунина, его внутреннюю расхлябанность, его заскоки. Я считаю, что при своей неустойчивости он способен на измену — да, да! Не возражайте — это моя точка зрения, хотя и я допускаю, что могу быть тенденциозен к сотруднику Ягунину.

Он привычно ходил по кабинету, выбрасывая отдельные фразы, будто бил короткими очередями.

— Именно поэтому я не хочу сам заниматься его делом. Занимайтесь вы. И если я ошибаюсь в Ягунине — докажите!

Белов хотел было ответить, да зазвонил телефон.

— Зайдите немедленно, — сказал в трубку Вирн.

Это вернулся из «Паласа» Шабанов.

То и дело вытирая ладонью потные лицо и шею, он докладывал:

— Буфетчица говорит: был. Она его держала в кладовке, а после провела за ширму, возле музыкантов. Там он сидел. Часов в двенадцать, говорит, она заглянула, а товарища, говорит, чекиста уже нет. Ну, она подумала, что вышел куда, может, по нужде. А как закрываться стали, она еще туда заглянула — нету!.. Видать раньше ушел, а в точности когда, сказать не может.

— Идите, Шабанов. Это все, — сказал Вирн.

Когда за Иваном захлопнулась дверь, председатель губчека остро взглянул на Белова.

— Что скажете, Иван Степанович?

— Придется..—хмуро сказал Белов. — Хоть до утра-то можно погодить?

— Решаете вы.

На том и закончился неприятный разговор...

...Его отвлекли шаги и голоса: по Полевому спуску, с горы, усеянной деревянными хибарками, к берегу приближались двое — толстая баба и старик в солдатской одежде. В предвечерней тишине над водой звонко разносилось:

— На кой те в Рождествено? Много рыбы-то?

— Да пудов десять, то-то и оно... Как дура, радовалась, нахвотала...

— Неужто все — тухляк?

— Все не все... Люди не то едят. Ежли Христюк в Рождестве не возьмет...

— А Гуляев как же?

— Узлы вяжет, из Самары подается.

Голоса затихали, становились неразборчивыми. Иван Степанович прошел на нос лодки и прыгнул на темный песок.

«Все-таки резон арестовать сейчас, — вздохнув, решил он. — Сейчас хоть народу поменьше».

4

Ягунин сидел за столом и, подперев кулаком лоб, машинально выводил на листке бумаги квадратики и кружки, старательно обводил линии. Над всей этой ерундовинной было крупно написано: «Объяснение» и даже начата первая фраза: «Я, Ягунин Михаил...» Впрочем, обе эти строчки были перечеркнуты. Не получалась нынче писанина — рука чертила шут знает что, а мысли гуляли далеко.

Дверь отворилась так стремительно, что он вздрогнул и откинулся на спинку стула. Вошли Белов, Шабанов и дежурный. «Чего-то вы?» — чуть было не спросил Михаил, но лицо начальника было неприятно чужим, и он промолчал.

Дальше началось что-то несусветное: Шабанов зашел к нему за спину, а Белов, подойдя, протянул руку ладонью вверх.

— Оружие на стол, — сказал он деловито. — Ты арестован, Ягунин. Давай-ка свою пушку!

Михаил вскочил и подался назад, но наткнулся на каменное плечо Ивана Шабанова. Михайлова рука царапнула кобуру.

— Я же по-русски тебе сказал: оружие на стол! — с укоризной повторил Белов. — С ремнем сымай.

— Та-а-к... — Глаза Михаила сузились, он в упор смотрел на

Белова, стараясь поймать его взгляд, но это никак не удавалось. — Вот ты какой, товарищ Белов. П-поздравляю...

Впервые Ягунин назвал своего начальника на «ты».

Непослушными, дергающимися пальцами он отстегнул ремень с кобурой, опустил на стол.

— За что? — Голос его дрогнул.

— За что арестовывает ЧК? — тихо ответил Белов.

— Да как вы смеете! — взорвался Ягунин. — Меня, как бандита? Да для меня Советская власть — это же... это же... все! Все! Все!

Он закашлялся, зажал рукавом рот. «Ка-а-шляет, — вспомнилось Белову. — Аж рукав грызет, болезный...»

— Выпей водички и не ори, — посоветовал он.

Ягунин из-за локтя с презрением взглянул на него.

— Эх ты, — бросил он, откашлявшись. — Божий угодничек.

Он плюнул на пол и пошел к двери, Шабанов и дежурный двинулись за ним. У двери Шабанов с обидой оглянулся на Белова и угрюмо двинул бровями: нехорошо, мол!..

Иван Степанович остался один. Опустив плечи и чуть наклонив голову, он все смотрел на ягунинский ремень с кобурой. Потом, словно стирая оцепенение, медленно провел по лицу ладонью, свернул ремень и пошел к себе, на второй этаж. В кабинете открыл сейф, положил туда оружие Ягунина. Захлопнул дверцу и вынул из кармана часы.

Было без четверти десять.

5

В кабинете стало темно: в сети упало напряжение, и красный волосок лампочки можно было теперь разглядеть не щурясь. Белов взял с сейфа «семилинейку», зажег, убавил фитиль. Лампа все равно коптила, но возиться с ней не было охоты. Иван Степанович, угрюмо склонившись над столом, составлял «дело» — вернее, записывал на отдельные листки факты, бросающие тень

на Ягунина как на соучастника переодетых бандитов. Листки он складывал в папку.

Приходили в голову, правда, и другие факты. Тоже учтенные Беловым. Скажем, такой: драка насмерть с бандитами в вестибюле «Паласа». Или другой: вряд ли стал бы Михаил обращаться к Левкину, собираясь участвовать в ночном обыске. Тем более что кожанка была ему кстати.

Однако что это за аргументы? Так, пух. Зато на другую чашу весов — на ту, куда он складывал улики, давили действительно тяжеленные факты. Вирн был прав, он имел основания сцепить эти звенья, чтобы получилась логическая цепь. И самая убийственная, самая серьезная улика — промокашка.

Иван Степанович в который раз придирчиво перечитал заключение графологической экспертизы. Что ж, напрямую здесь не сказано, но напрямую эксперты и не говорят. И без Павлова Белов видел, что почерк Михаила: стоит приложить зеркальце, и сразу проступят ягунинское «з» с острым треугольным хвостиком, и особенно «ф» — такое причудливое он ни у кого не встречал. Остальные буквы просто похожи, но эти две... Их можно с ходу занести в графу «особые приметы». Белов взял треклятую промокашку, перевернул ее и попытался рассмотреть на просвет, но тусклый свет лампы не пробивал бумагу. Только как ни крути, а даже безо всякого зеркала, без лампы и экспертиз видно: похож почерк на ягунинский, слишком похож.

Он расстегнул ворот гимнастерки, стиснул зубы. Какие бы ни были улики, подозревать Ягунина он не мог. Нет! Хоть режь — в такое поверить было невозможно. Это бессмыслица: Ягунин — и бандиты. Ягунин, который весь наружу, как братишка-матрос на митинге. Но чем докажешь? Чем?! А если и правда — перерожденец? Если он потерял веру в революцию, сбит с толку НЭПом? Он же люто ненавидит нэпманов, готов их всех — к ногтю. Защищать такого?..

Белов, вздохнув, открыл стол, взял аккуратный сверток, развернул. На четвертушке бумаги было напечатано на машинке: «Не-

пременно съешь!» Кусок хлеба, переломленный попалам, и.. не может быть! Пусть тонкий до прозрачности, но шматок, шматок настоящего сала! Ай да Лена!..

Откусив сразу полбутерброда, Иван Степанович придвинул к себе чистый лист, поморгал на него и вывел:

«Председателю Самарского губчека тов. Вирну А. Г.»

Старенькое перо, зацепившись за ворсинку паршивой бумаги, упустило кляксу. Белов досадливо поморщился, взял со стола свое бронзовое пресс-папье и попробовал промокнуть. Получилось плохо — чернила размазались по листку, и ясно почему: промокашка была старая, вся пропиталась чернилами. Иван Степанович сорвал верхний слой, скомкал, положил в пепельницу и свежей промокашкой просушил чернила.

Что?!

Рука его замерла. Он пристально взглянул на пресс-папье, потом перевернул его. На новенькой розовой промокашке ясно обозначилось фиолетовое пятно.

— Так, так, так...

В глазах Белова зажегся интерес. Он открыл папку и достал промокашку, подколотую скрепкой к акту экспертизы. Теперь он ее рассматривал иначе, чем раньше: весело, с удовольствием. Затем достал из пепельницы комочек, развернул.

— Так, так, так...

Белов встал, взволнованно огляделся, поправил гимнастерку, вышившуюся из-под ремня. Вынул часы.

Двадцать пять минут одиннадцатого. Он опять прошелся по комнате. На секунду остановился, словно заколебавшись, затем решительно смахнул в ящик стола все бумажки, кроме промокашки с актом эксперта: их сунул в нагрудный карман.

— Вроде бы все, — сказал он вслух.

Дунул на лампу, еще раз дунул. Комната окунулась в темноту: красный червячок под потолком не в счет.

Хлопнула дверь. Скрежетнул ключ. Шаги, торопливые, гулкие простучали, затихая, по коридору.

Темноту разорвала вспышка зажженной спички. Рука со спичкой зажгла фонарь. Белов, встав на стул, прицепил фонарь к люстре — вот теперь хорошо! Светлый круг лег на стол, из глубины вынырнули кресла, резной шкаф, кривенькое канапе. Ночью гостиная Прошерстнева выглядела иначе, привлекательней. Не так бросалась в глаза загроможденность лишними вещами, да и грязь была меньше заметна.

Белов в три погибели согнулся над столом. Взял бумажку, рассмотрел и отложил. Еще бумажка — это клочок газеты. Отшвырнул. Осмотрел пол у себя под ногами и вокруг. Полез под стол, вытащил оттуда плетенку для бумажного мусора.

— Ну-ка, поглядим... — сказал он вполголоса и высыпал бумажки на стол. Нетерпеливо разгребая их, он все искал что-то, но нет, того, что нужно, в бумажном мусоре, видно, не было.

— М-да... — Белов был явно разочарован. Тем не менее, он снова принялся разглядывать скомканные бумажки. Медленно, словно нехотя, разворачивал, бегло осматривал и бросал в корзину.

Из бесформенного газетного кома выпал и покатился застрявший в нем бумажный шарик. Белов еле успел подхватить его. Развернул.

— То-то же! — вырвалось у него.

На ладони у Ивана Степановича лежал листок промокашки, сорванный с пресс-папье.

Став на стул, Белов снял фонарь и поставил перед собой. Ладонью старательно разгладил мятую промокашку. Она была почти чистая, лишь несколько отпечатков пересекли ее вдоль и наискосок. Внимательно разглядывая ее, Белов глубоко задумался. Впервые за этот сумасшедший день на его лице появилось выражение удовлетворенности и даже — гляди-ка! — улыбка, сделавшая его немного похожим на японца. Белов достал из кармана сверток, не глядя развернул его, откусил от бутерброда.

Неожиданно в полной тишине раздался скрип отворяемой двери. Белов вздрогнул, непроизвольно схватился за кобуру.

— А я слышу, кто-то все ходит, ходит... — раздался старушечий голос, и в круге света появилась дворничиха тетя Маня в накиннутом на плечи долгополом пальто. — Здравствуй, дорогой товарищ, поздненько ты чегой-то, — пропела она подобоострастно.

— Разбудил я тебя, тетя Маня, — весело и без тени сочувствия отозвался Иван Степанович. — Ничего, делать тебе все одно нечего, а у нас, брат, служба...

— Да уж, — с пониманием вздохнула старуха. — А я тебя поджидала, дорогой товарищ, да-а... Фамилию-то я вспомнила... Того, что в сенках стоял, кашлюна.

— Да ну?!

— Вот и ну, вспомнила. Давеча, как рубить капусту начала, — и как стрельнет мне... Господи, думаю, да как же я забыла? Ягунин его фамилия, Ягунин!..

— Что-о? — Белов даже встал из-за стола. — Ты ничего не путаешь, тетя Маня?

— А чего мне путать? Чай, из ума еще не вышла. Так и сказал. Иди, говорит, товарищ Ягунин. Протокол писать надо. Он и пошел.

Белов озабоченно покачал головой.

— Ай-ай-ай! Вот это, я понимаю, фактик, да-а... Против такого не попрешь!.. Ну, тетя Маня, спасибо тебе такое, что...

Он махнул рукой и рассмеялся.

Дворничиха тоже попробовала засмеяться да не получилось. Больно уж странно вел себя товарищ начальник, а женщина она была, ох, подозрительная...

ПЯТНИЦА

1

Вчерашняя краснота неба наутро обернулась ветром. Горячие смерчи гуляли по улицам Самары, и не то что окна — ставни закрывали обыватели, чтоб не хрустело на зубах, хоть и ели они теперь не часто.

После того как порыв ветра швырнул на стол песок, а бумаги вдруг воспарили, Ивану Степановичу тоже пришлось закрыть окно. Он не терпел духоту и спал в любой мороз при отворенной форточке. Но сейчас выхода не было: немислимо вести допрос,

если все внимание уходит не на вопросы-ответы, а только на то, чтоб удерживать на столе бумажки и вовремя почистить от пыли перо. Но процедура, в общем-то, уже шла к концу. Буфетчица давно перестала всхлипывать, только платочек еще теребила да украдкой поглядывала на чекиста. По лицу ее нелегко было определить, взволнована ли она, смущена ли, испугана ли или только старается казаться взволнованной, испуганной и смущенной.

Белов дописал протокол, подвинул к Нюсе.

— Подпишите. Вот здесь. Только сначала прочтите.

Нюся торопливо пробежала строчки, протянула руку с пером.

— Нет, не здесь. — Белов указал на последнюю строку. — Тут.

Нюся поставила подпись и подняла глаза на чекиста. Увидев в них немой вопрос, Белов отрицательно качнул головой.

— Еще не все. Вам придется это повторить. На очной ставке.

Она кротко опустила ресницы. Белов нажал кнопку, за дверью задребезжал звонок, и сразу же вошел Иван Шабанов.

— Введите арестованного! — распорядился Белов.

Видно, арестованный находился где-то рядышком, потому что меньше чем через минуту опять отворилась дверь и в кабинете вслед за Шабановым... От изумления Нюся невольно подалась назад: из-за спины Шабанова показался Ягунин, а за ним вошел совсем незнакомый чекист. Лицо Ягунина осунулось, волосы были всклокочены, на подбородке золотилась щетина. Руки, как и положено арестованному, он держал за спиной, ремня на нем не было. Теперь всем было видно, в каком плачевном состоянии ягунинская гимнастерка.

— Здравствуйте, — криво усмехнулся Ягунин при виде Нюси.

— Здравствуйте, — испуганно ответила Нюся.

— Садитесь, гражданин Ягунин, — сказал Белов.

Михаил присел на краешек стула напротив Нюси. Белов обернулся к конвойным:

— Подождите в коридоре, товарищи.

Чекисты вышли.

— Итак, гражданин Ягунин, вы утверждаете, что с восьми вече-

ра и до трех утра не отлучались из «Паласа», — повернулся Белов к Михаилу.

Тот резко поднял голову и выпалил:

— Я уже трижды повторял это, надоело! Вот у нее и спросите. — Он с пренебрежением мотнул подбородком на Нюсю.

Белов легонько постучал пальцами по столу. И — жестко:

— Не горячитесь, гражданин Ягунин. Всею своей черед. Зачем вы пошли в тот вечер в «Палас»?

— И это я уже говорил. Она вот сообщила мне, по телефону позвонила, что бандиты собираются встретиться с наводчиком. Я хотел проследить, кто наводчик.

— Ну?

— Что «ну»?

— Проследили?

Ягунин нахмурился.

— Нет, не проследил. Никто к бандитам не подходил. Я был до самого закрытия.

— Так... — Белов повернулся к Нюсе. — Вы подтверждаете показания Ягунина?

— Да-да, это правда, — торопливо заговорила Нюся. — Никто не подходил, ни разу. Не знаю, почему. Я своими ушами слышала, что он должен был...

— Я не об этом, — остановил ее Белов. — Вы подтверждаете, что гражданин Ягунин не отлучался из «Паласа» до закрытия?

Буфетчица прикусила губку, лицо ее отразило сильное замешательство. Она смотрела то на Ягунина, то на Белова, не решаясь сказать.

— Так как же?

— Да, да. То есть... Я не знаю... — Нюся смешалась, Ягунин смотрел на нее в упор.

— Это как же вы не знаете?!

Белов постучал по столу ладонью.

— Гражданин Ягунин! Вопросы задаю я! — И — Нюсе:

— Так как же все-таки? Смелее!

Нюся глубоко вздохнула и сказала, обращаясь больше к Ягунину, чем к Белову. Голос ее звучал виновато:

— Вы не обижайтесь, товарищ Ягунин. Вы, наверное, забыли. Я ведь заглядывала к вам за ширму. Часов в двенадцать. И перед закрытием. Не было вас...

Она доверчиво подняла глаза на Михаила:

— Может, вы на минутку выходили?

— Что за чепуха?! — Ягунин, подавшись вперед, изумленно таращился на буфетчицу. — Я никуда не выходил. И вы ко мне не заходили. Что за чертовщина? — Голос его едва не сорвался на крик.

Нюся потупилась и опустила голову. Сказала почти шепотом:

— Заглядывала...

Белов, помаргивая, быстро перебежал взглядом с лица на лицо, он был сейчас похож на рыбака, у которого начались поклевки сразу на двух удочках.

— Что же вы, Ягунин? — сказал он с неодобрением. — Не вяжется у вас. Советую крепко подумать, а то ведь никакого резону.

Ягунин вспыхнул.

— Нечего мне думать! — сказал он самолюбиво.

Он наморщил лоб: было похоже, что ему в голову пришла неожиданная мысль и он старается хорошенько додумать ее. Наконец он поднял глаза на Белова.

— Кажись, докумекал. — Голос его зазвучал напряженно. — Стало быть, к провокациям скатились, дипломаты? Чего ж вы тогда комедию ломаете?

«Эх ты, петушок», — подумал Белов и нажал кнопку. В дверях появился Шабанов.

— Уведите арестованного.

Ягунин не встал — подскочил. На щеках его рдели пятна.

— Только имейте в виду, — стараясь усмехаться до крайности презрительно, выпалил он, — что я так просто вам не дамся. Мы еще посмотрим, кто кого... В девятнадцатом году я...

— Идите, идите! — прикрикнул Белов.

Глаза Ягунина блеснули подозрительно влажно. Он рывком повернулся и пошел к двери.

— Больше вас не задерживаю, — сказал Белов Нюсе. — Давайте пропуск. Спасибо вам за помощь.

Нюся встала. Она казалась пришибленной случившимся.

— За что вы его... так?

Белов улыбчиво сощурился.

— Много будете знать — морщины появятся.

Он проводил буфетчицу до двери, подал ей руку.

— До свиданья, — убитым голосом сказала Нюся.

Проводив буфетчицу, Иван Степанович подошел к окну. Ветер не унимался, будто спешил перегнать всю самарскую пыль подальше от Волги. Белов стоял у окна до тех пор, пока не увидел, что замотанная в белый платочек девушка, шустро грызшая семечки на углу, пошла по Николаевской в сторону собора. Белов достал из ящика папку, сел на край стола и уткнулся в бумаги. Почти полчаса он листал их, пропуская одни и внимательнейше вчитываясь в другие. Но вот в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Белов, слезая со стола.

Вошла Женя Сурикова — та самая девица с семечками, только платочек она сняла.

— Проводила я ее, — сказала Женя. — Она ни разу так и не оглянулась... А шла, значит, по Николаевской до Льва Толстого — непонятно, почему: по Предтеченской-то ей ближе. Дальше — на Самарскую и напрямик в «Палас».

Белов потер рукой щеку.

— Значит, никуда не заходила? Жаль.

— И ни с кем не встречалась, не здоровалась, не переглядывалась, — добавила Сурикова. — Это уж точно.

— Хорошо, — сказал Белов. — Иди, Женя, умойся...

В сером доме на углу Предтеченской и Николаевской и в подвале не было пресловутых мрачных подвалов, о которых всезнающий обыватель рассказывал обычно страшным шепотом. Слухи о жутких сырых узилищах, где чекисты гноят и истязают свои жертвы, были сущим вздором: одиночная камера на первом этаже, куда поместили арестованного Ягунина, была не лучше, не хуже обыкновенной КПЗ в заурядной тюрьме. Дверь с глазком, решетка на широком, замазанном белилами окне. Из мебели — койка, заправленная одеялом солдатского сукна, стол и легкая табуретка. В углу, как положено, параша. Обыденность. И сам арестованный выглядел буднично. Лежал себе на койке, положив ладони под затылок, глядел в потолок и думал. Рядом с койкой на полу лежала свежая «Коммуна». Ягунин прочитал ее всю. Об организации внегубернских заготовок продовольствия и об упрощении делопроизводства в связи с сокращением штатов. Об участвовавших пожарах, о новостях с холерного фронта и о распределении ходовых товаров через магазины потребсоюза. О том, что из Германии к нам наконец-то едут работать инженеры и что в Москве опробован какой-то глиссер. Сообщения эти не вызвали в Михаиле ни серьезных раздумий, ни глубоких чувств. Газета есть газета, и каждый день в ней что-нибудь новое. Но вот одна статья — она была напечатана сверху на первой странице — произвела на него сильнейшее впечатление, Михаил даже от своей беды отвлекся — досадной мелочью вдруг показался ему этот нелепый арест. Потому что, прочитав статью, он впервые со всей пугающей отчетливостью понял, какая опасность нависла над Самарой. Напечатана была эта статья без подписи автора. В ней сообщалось, что, несмотря на жутко урезанные нормы выдачи продуктов по карточкам, Самара доедает свой последний хлеб. Ягунину раньше и в голову не приходило, что так много хлеба городу нужно каждый день. Оказывается, губздраву ежедневно необходимо было 60 пудов, губнарбу — 200, соцобесу — 25,

бронированным рабочим — 1000, детям — 800, гражданам по карточкам первой категории — больше 1000. И так далее. А имеющимися в наличии ресурсами можно было обеспечить только одну десятую часть потребности. Одного голодного из десяти! И вот теперь газета обращалась ко всем организациям, чтобы они понапрасну не посылали в губисполком и губком своих ходяков и представителей с требованиями «дайте больше хлеба!». Угрозы «прекратим работу!» тоже ни к чему не приведут — нет хлеба, нет! Газета призывала к терпению и напоминала, что Президиум ВЦИК уже признал Самарскую губернию голодающей и выделил ей 200 миллионов рублей и на 150 миллионов рублей товарных фондов в пересчете на ценности довоенного времени.

Вот обо всем этом и размышлял Михаил Ягунин, лежа на арестантской койке. И хотя ягунинские мысли о голоде имели чрезвычайно масштабный характер, нет-нет да и выплывало перед ним худенькое лицо Нинки. Как-то с ней будет? Вирн непременно выгонит Нинку, когда до него дойдет, что устроил ее в ЧК Ягунин.

Звякнул в скважине ключ. Михаил чуть повернул голову, но, увидев, что в камеру вошел Белов, отвернулся и прикрыл глаза.

— Здравствуйте, гражданин Ягунин, — с иронией, которая показалась Михаилу издевкой, сказал Иван Степанович и, придвинув табурет к кровати, сел.

Михаил молчал. Толстые губы превратились в ниточку: сам на себя не был похож — так злился.

Белов же продолжал как ни в чем не бывало:

— Газеты читаем? Похвально. Арест арестом, а от жизни отставать не резон.

— Резон не резон! — взъярился Ягунин, передразнивая интонацию Белова. — Заладила сорока Якова... Говори, зачем пришел?

«Да, поневоле заговоришь на «ты», хоть сам господь бог перед тобой будет», — с сочувствием подумал Белов, слыша в голосе Михаила и обиду, и злость.

— По делу пришел, — миролюбиво сказал Белов. — Просматривал нынче ведомость. У тебя партвзнос не уплаченный. А жалование нам давали пять дней назад.

Ягунин смотрел с подозрением. Что это значит?

— Вы дурака-то из меня не делайте, — сказал он тихо. — Чего от меня надо?

— Чтобы ты заплатил взнос, — спокойно отвечал Иван Степанович. — Я вот и ведомость принес.

Он достал из кармана сложенные листочки, но, заметив, как недобро — того гляди, ударит! — уставился на него Михаил, спрятав их снова. Шутливый разговор не получался, дело зашло далеко: Ягунин будто взбесился. Конечно, понять его можно, но все же злой этот парнишка, как цепной кобель.

— Ладно, — сказал Белов примирительно. — Ты прости, Миша. Я знаю, что ты не виноват.

— Знаешь? — Ягунин посмотрел с таким презрением, что Белов поморщился. — Факт, знаешь.

Он снова отвернулся к стене. Иван Степанович вздохнул и помолчал. Но недолго.

— Слушай, Ягунин, я хочу спросить тебя как чекиста, хоть ты и недавно у нас. Если бы тебе в руки попали такие улики? Ягунин молча глядел в стенку.

— Какие улики? — сам себя спросил Белов. — А вот такие. У бандита в кожаной куртке был бы мой кашель, мой рост, он бы все время ругался, противоречил свидетелям, неизвестно где болтался в ночь преступления. А к тому же фамилию мою бы называли, да еще бы я изо всех сил отговаривал ЧК заниматься нэпманами... Хватит? Ты вот скажи, задумался бы, что это за фрукт — Белов?

Ягунин молча сопел.

— Так какого же... ты, холера, кидаешься на нас? Ах, мать-перемать, такие-сякие, подозревают! Как они смеют! Резонно? Ягунин не отвечал.

— Стало быть, — Белов поднял палец, — существуют в наличии ровно две версии: или ты виноватый, или какие-то гады ста-

раются, чтобы ты гляделся виноватым. У меня, Миша, есть резоны думать, что тебя здорово путают.

Наконец-то Ягунин повернулся! В глазах мелькнуло любопытство, и губы стали помягче.

— Понимаешь, — сейчас Белов опять был похож на улыбчивого япошку, — переборчик у них маленько вышел. Промокашку новую подсунили, чтобы, упаси бог, отпечаток твой мимо нашего внимания не проскочил, чтобы, значит, поярче вышло. А ведь старая промокашка еще не старая была. Срывать ее резону вовсе не было. А когда дворничиха твою фамилию назвала — Ягунина, мол, они позвали протокол писать, — тут уж, извиняйте, я и смекнул: многовато!.. Ну да, понятное дело: они ведь не были уверены, что нам все улики попадут. Вот и перестарались, переборчик...

— Стойте! — недоверчиво перебил Ягунин. — Кому я нужен? Что я за фигура такая?

— А черт его знает, кому, — признался Белов. — Но что помешал кому-то — это точно. Погоди-ка, забыл сказать: одна личность нам известна. Буфетчица из «Паласа», Нюся. Недаром же она тебя старалась утопить.

— Нюся? Тю! Ей-то зачем?

Все! Ягунин уже отошел.

— А почему обязательно ей? Там кто-то другой есть, не иначе. — Белов подумал. — А зачем, это не вопрос. Резон тут ясный: пустить нас по фальшивому следу, чтоб запутались. Вопрос тут другой: почему выбрали не кого другого, а тебя. Кто-то тебя, Михаил, знает как облупленного. Кашель, понимаешь, почерк...

— Почерк? Постойте-ка... — Ягунин, сосредоточиваясь, потер ладонью лоб. — Что-то было... Ну да, ясно она же у меня записку просила...

— Нюся? Какую? — насторожился Белов.

— Что вызывали ее в ЧК. Для хозяйки...

— Так, — удовлетворенно кивнул Иван Степанович. — Стало быть, им образец почерка нужен был. Вот и получили.

Помолчали.

— Скажите, — спросил Ягунин, опять мрачней. — Вы знали про все это, когда меня арестовывали?

— Догадывался... Но арестовать тебя все едино надо было. Для пользы дела. Ты уж извиняй. Твой арест убедил их, что мы на крючок попались. А коли так, значит, тебя им бояться уже не нужно, без опаски будут, если что... Да и мне хотелось убедиться, что эта Нюся тебя и вправду топит, понял?

Ягунин кивнул.

— Подумаешь, сутки на койке провалялся, — небрежно бросил он. — А чего вы мне не сказали перед очной ставкой? Притворился бы небось.

— Не сыграл бы ты, — отмахнулся Белов. — Если бы все знал — не сыграл, нет. Она бы поняла, она не дура. Вчера мы справки про нее навели. Никакая она не буфетчица. То есть сейчас она буфетчица, а была когда-то в Питере курсисткой, хотя сама самарская. В феврале семнадцатого красный бант цепляла. А в гражданскую к белым подалась. И вот, пожалуйста бриться: отец ее — главврач нашего военного госпиталя! Красный командир и наш мужик, что надо. А дочь с конторой путается. Во как!

— Ах ты гада! — свирепо крикнул Ягунин, вскакивая с кровати. Кулаки его были сжаты: простить себе не мог такой доверчивости. Он подошел к окну и сказал, не оборачиваясь: — А знаете, Иван Степанович, я ведь сообразил, что тут комедия. Только, извиняюсь, худое про вас подумал.

Белов собрал морщинки вокруг глаз.

— Скажи, Миша, честно: не затаил обиду?

— Да нет же! — обернувшись, выкрикнул Ягунин. — На себя злюсь, на вас-то — за что?

— Ну и ладно. А в ведомости все-таки в самом деле распишись. Взносы-то я заплатил за тебя. Закабалил на четыре тыщи.

— Я три с половиной плачу, — пробормотал Ягунин. — Где тут расписаться?..

— Три с половиной в прошлом месяце было, — возразил Белов. — Скоро до миллиона, глядишь, дойдем...

Перед визитом к арестанту Ягунину Иван Степанович поручил Шабанову собрать всех сотрудников отдела, не занятых бандой Сарафанкина. Пока Белов с Ягуниным выясняли отношения, в кабинет начальника секретно-оперативного отдела набилось порядком чекистов. Первыми пришли Шабанов и Айзенштат, за ними явился черноволосый верзила Чурсинов, потом близнецы Мельниковы, Сергей и Николай, различать их Белов научился по одежде — у Сергея штаны были сшиты из блестящей занавесочной ткани. Подошло еще несколько человек. В кабинете стоял гомон и махорочный чад — Иван Степанович курить у себя разрешал. Заглянула Женя Сурикова, но сразу ушла. Правда, недалеко: решила подкараулить Белова на лестнице. Дождавшись, спросила:

— Что с Михаилом? Наши говорят...

— Не будем об этом, — отрезал начальник отдела. — Идет расследование... секретное, ясно? И нечего языком молоть.

У Суриковой от обиды слезы выступили, но она сдержалась и промолчала. Грубость Белова была явлением непривычным и оттого воспринималась чувствительно.

— Здравствуйте, товарищи, рассаживайтесь, — произнес скороговоркой Иван Степанович, входя в кабинет. Сев за стол, он выдвинул ящик, покопался в нем, задумался. Снова задвинул ящик, так ничего и не достав. Шабанов с Чурсиновым переглянулись. Белов потер лоб и устало сказал:

— Начнем. Давай сначала ты, Сергей. — Он сделал знак одному из Мельниковых.

— Я Николай, — сдержанно поправил тот.

— Извини, — смутился Белов. — Как у вас?

— Никакой он не дутовец и не английский агент, — сказал Николай и заглянул в бумажку. — Гнездилов Иван Петрович, тридцать пять лет, бывший унтер, а сейчас деклассированный элемент. — Он поднял голову и рассмеялся: — Смех и грех. Купчиху Трусову так напугал, что она с ним аж три месяца сожительствовала. Все

серебро ему отдала, чтоб только умотал подальше... Транспортная ЧК нам его нынче передаст, сняли с поезда в Безенчуке...

— Направляйте сразу в следственный, — нетерпеливо заключил Белов. — Что у тебя, Сергей, с комхозовцами?

— Точно, Иван Степанович, взяточники! Сегодня арестовать надо. Среди них, между прочим, и «бывшие» есть...

— Заготовь ордера, Сергей... Можете идти вместе с братом.

Белов выслушал еще два рапорта: о монахинях, за 30 миллионов продававших на Ильинском базаре украденные из церкви бриллианты. Их лет десять назад пожертвовал церкви купец Савенков, однако обманул, подлец: бриллианты оказались поддельными. Второй рапорт касался мероприятий по борьбе со спекулянтами. Они скупали у крестьян продукты прямо на вокзалах и потом вздували на них рыночные цены вдвое. Если в Ставропольском уезде мука стоила 180 тысяч рублей за пуд, то в Самаре — 360 тысяч, овсяную шелуху, и ту стали спекулянты отдавать не дешевле чем по 50 тысяч рублей за пуд.

Когда в комнате остались только четверо чекистов, занимающихся делом об ограблении нэпманов, Белов сказал:

— Председатель губчека просил расстаться. Пошуровать побыстрей. Слухи по Самаре пошли нехорошие. Так что нам придется попотеть. Ясно? Чурсинов, давай.

— Докладываю, — мрачно забасил Григорий Чурсинов, похожий на цыгана уральский казак, — что банда Стригуна никаких отношений к складам губсоюза не имеет. Ни сном ни духом. И Шлыка они не трогали, Рыжих узнал про это точно, у него в банде свой... Угрозыск их взял на Ильинском рынке, а допрашивали мы вместе. С Рыжих, значит.

Белов кивнул.

— Так. Ясно. Следующий.

Вскочил, вытянулся стрункой Миша Айзенштат. Браво отрапортовал:

— За мое дежурство буфетница не отлучалась. В самом «Пала-

се» ничего подозрительного не было замечено, и она себя держала тоже совсем не подозрительно.

— Кто сейчас дежурит?

— Коврижных.

Белов взглядом поднял с места Сурикову.

— Вот. — Девушка положила перед ним пачечку листов.

— Что это?

— Сведения о тех, которых грабили. Потерпевшие нэпманы. Суммы конфискации — вот список. Вот тут протоколы осмотра мест происшествий, я их вместе собрала.

Белов придвинул к себе бумаги.

— Молодчина. Все?

— Да.

— Ну что ж, — сказал Иван Степанович, давая зевок. — Успехов у нас негусто, но... давайте работать! А насчет Ягунина пока никаких вопросов не задавайте. И вообще — поменьше...

Чурсинов с Айзенштатом вышли. Шабанов было задержался, очевидно, хотел подождать Женю, но, услышав, как она сказала: «Могу я поговорить с вами, Иван Степанович?» — скрылся за дверь.

«Опять начнет выпрашивать, — с неудовольствием подумал Белов. — А если ей правду сказать? Товарищ вроде надежный, хотя... Нет, нельзя, баба есть баба».

— Хочу обратить ваше внимание, — сказала Женя в ответ на вопросительный взгляд Белова. — Вот какое совпадение получается: Прошерстнева обыскали и увели через несколько часов после того, как он взял в финотделе бланк.

— Какой еще бланк? — заинтересованно замигал Белов.

— Для выкупа патента на право торговать. За патент он так и не успел заплатить: наверное, хотел на другой день. Значит, и деньги приготовил.

— Ничего себе... — Белов хмыкнул. — Как знали.

— То-то и оно, — торжествуя, сказала девушка.

Белов наморщил лоб.

— Ты имеешь в виду...

— Да, Иван Степанович! Из шести ограбленных четверо накануне не интересовались выборкой патентов, а двое сдали заявления о сумме оборота. Для налога... И тоже накануне ограбления. Интересно, правда?

— Ай, Женя, Женя... — Он покрутил головой, походил по комнате. — А ведь так, может, и есть... У них в финотделе свой человек.

4

Когда миновали площадь Революции, Белов привстал и тронул шофера за плечо.

— Придержи маленько! — велел он. — Я в финотдел.

Васильева даже передернуло от этого «придержи». Кучер он, что ли? У автомобиля есть тормоз, а у него в руках не вожжи. Пора начальству занять привычку к культурной речи.

Ярко-зеленый «Русобалт» с тихоньким скрежетом остановился возле здания с высоченными окнами и крылатым значком коммерческого бога на фронтоне.

— Пожалте, — с большим достоинством сказал Васильев. Обернувшись к Ивану Степановичу, он, однако, не удержал солидности и широко улыбнулся — все десны на виду. Паша никак не мог нарадоваться новой автомашине. Не в том, конечно, смысле новой, что молодой — рижскому кабриолету шел восьмой год, брезентовая крыша не откидывалась и была в латках, внутри что-то дребезжало, звякало и цокало. Но мотор работал надежно, и разве сравнить было эту узконосую шестиместную красотку с кургузым, похожим на ящик «Рено», конфискованным для ЧК у семьи белочешского прислужника инженера Симеонского? На том чудовище — хотя и в диковинку в Самаре автомобили — ездить было и хлопотно и стыдно.

Белов тоже улыбнулся бы расчудесному парню Васильеву, да настроен был неулыбчиво. Они возвращались с Хлебной площади,

где нынешней ночью был ограблен склад № 21 губзема. Уперли там существенно: полтора пуда фамильного чая и семьдесят семь пудов сахара. Занимался хищением губрозсыск, и Рыжих торчал там с шести утра. Ивану Степановичу же нужно было лишь убедиться, что никого похожего на ночных людей в кожаных куртках там замечено не было. Но узнать он ничего не узнал, только время угробил, потому что сторож пропал неизвестно куда, а по следам... Что могли сказать они Белову? Пусть их размаывает Макар Рыжих. Другое дело — финотдел.

Он поднялся по мраморной лестнице с узорчатыми перилами на второй этаж и постучал в дверь с табличкой «Заведывающий».

Услышав «войдите», толкнул дверь и зажмурился от брызнувшего в глаза света.

Прислонясь к подоконнику, спиной к улице стоял седоусый человек с бритой головой, в просторной толстовке, подпоясанный витым шнуром. На груди его алела атласная розетка с орденом Красного Знамени.

— Ивану Степановичу! — Седоусый мячиком покатился навстречу Белову. — Чем это я обязан? Ох, не люблю я таких гостей, как ты!...

— Да я и не в гости...

Рукопожатие у Кондрючина было могучее, как-никак лет двадцать крячичал Михаил Авдеевич в Сызрани на баржах. Белова он знал давно, еще в мае восемнадцатого они вместе разоружали анархистов.

Они обменялись еще какими-то незначущими фразами. Потом Белов сказал:

— Ты, Михаил Авдеевич, помочь мне должен, как финансовый специалист...

— Смеешься?! — рывкнул (шутейно, конечно) Кондрючин. — Думаешь, на курсах меня в банкира переделали? Был я грузчиком и остался, только в башке сору прибавилось от этих сальдов да инкассов.

— Ладно болтать, — без улыбки сказал Белов. — Ты мне лучше

проясни: каким порядком нэпманы оформляют патенты?

— Таким, каким положено, — фыркнул в усы завфинотделом. — А что, есть сигналы на нас?

— Тебе все сигналы, — отмахнулся Белов. — Пуганая ворона. Знать мне нужно, кто из ваших в курсе насчет людей, желающих взять патент.

— Это я могу. — Михаил Авдеевич ухватился за ус. — Нет, однако, лучше давай по писаному.

Он взял со стола брошюру, листанул и начал читать с нажимом на каждое слово:

«Для получения патента владельцы предприятий предварительно приобретают в кассовом учреждении бланк заявления...»

— Стой-ка, — прервал его Белов. — Значит, сначала — кассир, так? У него же бланки?

— Это как раз ерунда, — возразил Кондрючин. — Дать бланк кто хошь может. Слушай дальше... Где же это?.. Так, вот: «...предъявляет финансовому инспектору для отметки разряда и стоимости патента...»

— Ага — фининспектор! — вставил Белов, но завфинотделом погрозил ему кулаком, не прерывая чтения:

— «... и затем предъявляют заявление в бухгалтерию кассы, после чего вносят в кассу деньги и получают патент».

— Сколько же это народу получается? — прикинул Иван Степанович. — Кассир, фининспектор, бухгалтер...

— Вот они трое и есть, — подхватил Кондрючин. — Ну и я, конечно дело, подмахиваю разные денежные бумажки. Главбух еще. Кстати, опять приболел старикан, он у нас ветхий, на ладан дышит. А в основном три сотрудника.

— Кто такие? — У Белова даже спина напряглась.

— Ну, кассир Ратанова... Тоже после курсов, третий месяц у нас...

Он дернул ус, подумал.

— Тебе, я так понимаю, надо только тех, кто знает про патенты? Или, может, всех наших...

— Снова здорово, — сказал Белов. — На кой мне все?

— То-то... Дальше, значит, бухгалтер, у которого патенты, Щиголев. Это старый жук, спец, маракует крепко, еще при Александре Втором, наверно, на финансах сидел.

— И третий... — сказал Белов.

— Фининспектор, — закончил Михаил Авдеевич. — Их у нас покуда двое, а вскорости будет пять, а то и шесть.

— Про тех, которые будут, в другой раз. Эти-то двое, что они? Завфинотделом наморщил нос.

— Кто? Люди. Старухин вот, до революции кассир. Мужик деловитый, не упустит.

— Давно он у вас? Этот... Старухин?

— Нет, что-то около года. А второй, Седелкин, из учителей. Демобилизовался из Красной Армии после ранения. Документы в полном порядке, добросовестный работник, так что с нашей стороны...

Он развел руками. Белов кивнул.

— Хорошо, Михаил Авдеевич. Если разрешишь, я бы взял их личные дела на денек-другой, а?

Тот пожал плечами.

— Коли надо, бери. Чего ж.

— И еще у меня просьба, — сказал Иван Степанович. — Нельзя ли мне их всех в лицо повидать? Устроишь?

— Это можно, — усмехнулся Кондрючин. — Только Старухина на месте нет, ушел к своим поднадзорным... Как бы нам лучше это обтяпать? — Он подумал. — Вот что: ты будь в зале, где посетители, а я пойду за барьер. С кем заговорю и за усы возьмусь, он, значит, и будет нужный товарищ. Есть?

— Есть, — сказал Белов.

Вслед за Кондрючиным он вышел из кабинета в просторный операционный зал. Здание было выстроено накануне революции специально для коммерческого банка, и оттого казенные красоты — узкие пятиметровые окна и вделанные в стены колонны — выглядели здесь естественно. За высоким барьером работали

служащие, человек десять-двенадцать. Посетителей в зале было немного, но достаточно, чтобы никто не обратил внимания на Белова, который, подойдя к барьеру, вынул из кармана какие-то бумажки и принялся в них копаться.

Он видел, как Кондрючин быстро прошел половину зала и приблизился к деревянной перегородке, за которой сидела фарфороволицая барышня. Михаил Авдеевич расправил усы и что-то спросил у девицы, и Белов понял, что она и есть Ратанова. Касириша сидела к нему в профиль, и прозрачная сережка звездочкой вспыхивала в солнечном луче.

«Сытая, веселая, — думал он, разглядывая девицу. — Если она, то, значит, чья-то полюбовница, своим умишком такая не дошла бы. Ишь, пальцы какие длинные, а кольца-то, кольца! И в ушах... Хотя, может, и стекляшки... Эту взять на учет, такая на все способная...»

Он переключился на бухгалтера Щиголева, который открыл перед завфинотделом конторскую книгу и сердито тыкал в нее пальцем. Однако Михаил Авдеевич смотрел не в книгу, а на Белова и не менее сердито дергал ус: что же ты, холера, сигнала не замечаешь?!

«А что, этот гусь... вполне контрик», — решил Белов. Молодой крепкий мужчина лет пятидесяти пяти. Ухоженные баки, крахмальный воротничок. А губы-то поджал!..

Неожиданно Щиголов повернул голову. Колючий, недоброжелательный взгляд так и оттолкнул Ивана Степановича от барьера. «Ну и сволочь, — сказал он себе, отходя. — Но уж больно откровенная сволочь-то...»

Не внушал доверия и тоже откровенно не понравился Белову и фининспектор Седелкин — чисто одетый молодой человек с блестящими от бриолина волосами, расчесанными на прямой пробор, по-купчески. Чекист задержал взгляд на ловких руках, чинивших ножничком карандаш, на серьезной складочке над переносьем.

«Темная лошадка, — думал Белов, входя следом за Михаилом Авдеевичем в кабинет. — Проверять надо всех троих, это ясно. А ежели тот, четвертый, который ушел? Деловитый мужик — так о нем вроде говорил Кондрючин».

— А где мне твоего второго фининспектора сыскать? — Голос Белова, противу воли, прозвучал озабоченно.

— Завтра, Иван Степанович, завтра... — Кондрючин нырнул с головой в сейф и, достав пачку картонных папок с надписью «личное дело», шлепнул ею по столу. — Хоть все бери!

5

В мрачноватом кабинете Вирна Ягунин вел себя по-домашнему. Без тени робости шумно прихлебывал чай, настоянный на сушеной морковке и смородиновом листе, сидел на стуле нога на ногу, и ни капли его не смущало, что он небрит, что нет на нем пояса и что сам председатель Самгубчека подливает ему в стакан время от времени мутноватую пахучую жидкость. Альберт Генрихович тоже держал в руке стакан. Рассхаживая по кабинету, он рассказывал Михаилу, как осенью 1916 года провокатор провалил готовящуюся в Самаре Поволжскую большевистскую конференцию, что обернулось для Вирна туруханской ссылкой, куда по тому же делу был сослан и Куйбышев. И хотя очень скоро их освободила Февральская революция, с тех пор предательство он считает самым поганым из преступлений, и ненависть к нему не вытравил из сердца никогда.

В дверь постучали. Увидев, что вошел Белов, Вирн сделал ему знак — не перебивай, дескать, и закончил:

— Нельзя нам становиться спецами, Михаил, абсолютно нельзя. Классовая ненависть — наше главное оружие, оно не должно тупиться, иначе — конец. Нам положено быть бдительными до самого крайнего предела, а если мы когда и перехлестнем — не беда. Свои нам простят, если что, а враг не спустит, если дадим потачку. Так ведь, Иван Степанович?

Лицо Белова вдруг сделалось кислым, морщинки сбежались к глазам. Он не поддакнул.

— Альберт Генрихович, — скучным голосом сказал он. — Надо бы нам проверить подноготную вот этих четверых, — и положил на стол папки с личными делами, взятыми из финотдельского сейфа.

Вирн сжал челюсти — ему не понравилось, что Белов игнорировал его вопрос.

— Кто такие? — Он остановился, положил на папки крупную ладонь.

— Финотдельские. Кое-что о них придется запросить у соседей, — продолжал Белов. — Один из них наводчик наверняка.

Вирн раскрыл верхнюю папку, пробежал взглядом страничку. С любопытством всмотрелся в фотографию бухгалтера Щиголева — давнюю, снимался еще в департаментском вицмундире.

— Вот и я их нынче так и сяк разглядывал, — сказал Белов, — Каинову печать на мордах искал.

Встал и подошел сбоку к Вирну и Ягунин. Председатель губчека покосился на него, но смолчал. Михаил, вытянув шею, пронзительно вглядывался в бачки и усики Щиголева. Белов усмехнулся: чисто Нат Пинкертон!

Отодвинув личное дело «бывшего», Вирн взял в руки папку с надписью «Б. А. Седелкин». Раскрыл. Здесь фотокарточка была совсем новая: широколицый, видать, напористый молодой человек с короткой прической, в белой рубашке с галстуком, подпирающим воротничок, смотрел с вызовом и даже вроде бы с насмешкой. По крайней мере, такое впечатление производили вздернутые уголки маленького рта и чуть сощуренные глаза. Ягунин стал на цыпочки и через плечо Альберта Генриховича заглянул.

— Что-о? — тоненько крикнул он и ухватил папку.

Вирн отшатнулся и с негодующим видом взглянул, но Михаил — ноль внимания и, хуже того, выдернул папку из рук председателя. Он так вцепился взглядом в снимок, что, казалось, зрачками поцарапает его.

— Гаюсов! — Он задохнулся от волнения. — Товарищи, это же Гаюсов!

Оба начальника с ожиданием смотрели на него, а сотрудник Ягунин, не объясняя ничего, тряс папкой перед лицом:

— Гаюсов! Встретились, сволочь, встретились!!

Телефонная трель отвлекла Вирна. Он снял трубку. Белов увидел, как напряглись крутые плечи председателя губчека.

— Да-да, не медля еду, — бросил он в трубку и, повернувшись к Белову и Ягунину, сухо пояснил: — Я к командующему округом. Банда Серова напала на Падовку. Расстреляны наши товарищи... Вернусь — позову, а пока разберитесь сами, Иван Степанович.

— Разберемся небось, — сказал Белов и принялся собирать со стола папки.

6

Свет, падавший на пол из-под низкой многопудовой люстры с фигурными висюльками, был одновременно и размытым и дробленным: накал по вечерам слабый, и оттого лица четверых, что сидели за чайным столом, казались пятнистыми и полосатыми от теней. Углы огромной, богато, но бездарно мебелированной комнаты тонули в полумраке, и Гаюсову, который с папиросой в руке отошел к горке с дешевеньким фарфором, казалось, что слушают его не только те, что за столом, а кто-то еще.

— Господа! — Гаюсов несколько театральным жестом опустил ладонь на горку. — Мы должны считаться с обстановкой — это действительно так, и спорить я не хочу. Но разве из этого следует, что конъюнктура столь пагубно изменилась?

На слово «пагубно» он нажал, выговорив его почти презрительно, отчего его речь показалась всем еще более искусственной. Пыхнул дымом, закончил:

— Не вижу оснований для паники, господа. Как хотите — не вижу!

Голос Гаюсова был эластичен и богат нюансами. Последние слова он произнес тоном иронического сожаления.

Никто из четверых не отозвался. Нюся, буфетчица из «Паласа», оставив руку с папиросой, рассматривала свои пальцы, длинные и тонкие на пухловатой кисти. На Нюсе было темное строгое платье с желтым кружевом у ворота, которое подчеркивало матовость лица, выражавшего не то скуку, не то полуравнодушное неодобрение. Рядом с ней навалился грудью на стол крупный мужчина с маленькими глазками и крепкими скулами, он, казалось, засыпал. Третий, молодой блондин, лет около двадцати семи, судя по одежде — военный, сердито надувал породистые, преждевременно оплывающие щеки, отчего усики его забавно шевелились. Мягколицый, округлый, весь какой-то плюшевый человек лет сорока слушал Гаюсова с застывшей на влажных губах улыбочкой.

— Молчите? — громко спросил Гаюсов, и опять тонкая инсценировка его голоса сказала о многом, а прежде всего — о снисходительной жалости к этим боязливым людям, что замерли за столом.

Наверное, интонация была чересчур красноречива, потому что сосед Нюси не выдержал.

— Вам не хватает чувства меры, Гаюсов! — с раздражением заговорил он и постучал по столу. — К вашему сведению: я скоро не в силах буду уснуть. Я уже почти псих, да и все мы... — Он дернул подбородком, и стало заметно, как нервически прыгает большой кадык. — Это безумие! — Голос его вот-вот готов был сорваться на крик. — Знать, что ЧК вышла на след, и — продолжать!.. Я не могу уже ручаться за своих... уголовников. Пардон, соратников. Они недовольны, они требуют увеличить им долю, а я? Что я могу им сказать? А от вас я слышу одно: «Давай, давай, давай!» Надоело!

— Не хотите, Шацкий? — Гаюсов подошел к столу, и все увидели, как натянулась кожа на его щеках. — Такой прецедент уже был. И недавно. Вспомните усопшего Шлыка, Шацкий! И знайте,

что с отступниками мы церемониться не будем. — Глаза Гаюсова заматались по лицам, проверяя впечатление. Голос красиво зазвенел: — Для нас нет разницы — уголовник Шлык или хорунжий Шацкий. Предателю пощады нет, даже если...

— Молчите, подлец! Я вам не Веняка! — взорвавшись, вскочил с места Шацкий. Узкие его глазки налились кровью, ногти громко царапнули стол. — И не пугайте меня, Гаюсов, слышите — не пугайте!

Гаюсов сжал кулаки и, бледнея, сделал шаг к бывшему хорунжему Войска Донского, однако Нюся проворно выскочила из-за стола и заслонила Шацкого. Рука ее коснулась груди Гаюсова.

— Господа! Ну что же вы, господа! — страдальчески воскликнула она. — В таком тоне — это стыдно! Это позволительно разве что жуликам из моего «Паласа», но вы... Вы оба офицеры, не забываетесь, господа! Ради бога, ради дела нашего... — Она взволнованно обернулась к Шацкому. — Хорунжий! Немедленно извинитесь, немедленно!

Шацкий опустил глаза, нехотя пробормотал:

— За «подлеца» прошу простить. Сорвалось. Но трусом меня, извините, я не...

— Я был излишне резок, — прервал его Гаюсов и четко, по-офицерски кивнул в знак извинения.

Шацкий тоже кивнул и сел. Сел и Гаюсов. Осталась стоять Нюся. Опершись о резную — под амбир — спинку стула, она чуть наклонилась к Шацкому и мягко сказала:

— Мне кажется, Сергей Сергеевич, вы несколько преувеличиваете опасность. Да, вы правы, ЧК вышла на след, да! Но ведь в чем курьез: след этот ложный, его подбросили мы сами!

Она рассмеялась, и ее несколько полноватое лицо с правильными, но мелкими чертами стало еще более привлекательным: улыбка шла ей необыкновенно.

— Пока они разбираются со своим несчастным чекистиком, нам просто грешно было бы не воспользоваться ситуацией. Мы

не вправе упускать хотя бы одну возможность послужить святому делу, которое возложила на нас Россия...

Совсем не высокопарно, а по-женски мягко и задушевно прозвучали ее слова, и Шацкий, который все еще продолжал хмуриться и коситься на Нюсю, невольно заерзал и отхлебнул холодного чая. Гаюсов слушал спокойно, а военный с жадностью разглядывал раскрасневшуюся молодую женщину, которая продолжала:

— Нашими стараниями у ЧК в Самаре скоро будет прочная репутация грабителей. Слухи о конфискациях уже поползли по городу — я это знаю по «Паласу». Неужели, господа, и вы, Сергей Сергеевич, в особенности, неужели вы не понимаете, как это важно? Бесспорно, деньги очень нужны. Но политический эффект наших акций в сто крат важнее. Тем паче что Борис Аркадьевич говорил всего лишь о двух-трех акциях, разве не так?

Она сделала вполоборота поклон в сторону Гаюсова и села. И тотчас пропел дурашливый голосок:

— Ангел вы наш, Анна Владимировна, ангел!

Мяголицый человечек сочно чмокнул себя в ладошку, посылая воздушный поцелуй. Шацкий злобно хмыкнул. Плюшевый с хитрецей стрельнул на него взглядом и продолжал:

— Вы, голубки, слушайте, что она говорит, слушайте. И не горячитесь, не стоит горячиться. Коли уж надо, трудитесь, спрос-то один, голубки. Не будет у центра денежек — все дело станет, небось сами понимаете. А сколько еще осталось — не наша работа считать.

— Аристарх Семенович, доложите, что с оружием.

Вопрос Гаюсова охладил велеречивого человечка, и он сразу сник. Ему, самарскому первогильдейному купцу Аржогину, непривычно было заниматься столь опасным товаром. Его делом всегда были хлеб, кожи, сало. Только в прошлом все это, далеко-далеко...

— Закупаем, Борис Аркадьевич... — И все-таки несмываема его улыбка; приятно неприятно, а Аржогин всегда улыбчив, как японец. — Но туговато-с! С теми, складскими, никак разговору не

получается. Знают, риск-то велик, вот и жмутся. Ежели б сумму иметь достойную, тогда бы и...

— Ясно, — перебил его Гаюсов. И повернулся к моложавому военному: — Как настроение в госпитале?

Военный поднял красивые брови и скорей утвердительно, чем неопределенно, пожал плечами: дескать, что спрашивать? Настроение как настроение.

— Есть ли возможность определить к вам еще группу?

Выдержав паузу, военный ответил раздумчиво:

— Пожалуй... Но, учтите Борис Аркадьевич, очень и очень немного. Не более... — Он помедлил, щипнул ус. — Не более восьми — десяти человек. Иначе... Слишком подозрительно будет. А рисковать не смею.

Пока он тянул да мямлил, Гаюсов собрал со стола исчерканные листки и поджег их в пепельнице. Следя за дымным огоньком, сказал отрывисто, как скомандовал:

— Постарайтесь, Виктор Петрович! Имейте в виду, вы наша ударная сила. Взрыв моста — не просто диверсия. Если мы перервем на Самарке магистраль, они же подохнут! Все! Мало того, мыотрежем пол-России от Москвы. Пол-России, да!

Военный приосанился.

— Сделаем, Борис Аркадьевич. Не сомневайтесь, сделаем все возможное.

Гаюсов вынул часы, щелкнул крышкой.

— Кажется, все, господа. Расходимся, как условлено.

— В добрый час, — с зевком вздохнул Аржогин и перекрестил рот.

Через минуту в комнате остался только Гаюсов. Он поковырял пальцем пепел, тяжело задумался, глядя в окно. Там сгущался серый сумрак. Скрипнули половицы. Гаюсов поднял голову: в дверях стояла Нюся.

— Ты не ушла?

— Борис, нам необходимо поговорить. — Голос ее тих, но в нем твердость.

Брови Гаюсова удивленно сошлись.

— Мы разве не говорили? В чем дело? — с плохо скрытым беспокойством спросил он.

— Лучше на улице.

— Твоя воля.

Гаюсов окинул Нюсю долгим взглядом — внимательным и настороженным. Ему казалось, он догадывается, о чем именно хочет говорить с ним женщина, которая не только с ним изредка спит, но и помогает в борьбе, вот уже четвертый год заполняющей всю его жизнь.

7

Через проходной двор — заросшую бурьяном лазейку меж сараев и флигелей — они пробирались порознь, но вышли на одну улицу, не так, как остальные. Правила конспирации обязывали расходиться в разные стороны. С полсотни шагов Гаюсов прошел в некотором отдалении, но когда Нюся завернула за угол, догнал ее и крепко взял под локоть.

— Домой?

Она покачала головой.

— Тогда к Волге, ладно?

Она кивнула и тихонько высвободила руку.

В молчании они вышли к деревянной лестнице.

Внизу желтели огоньки пивоваренного завода, где-то посередине Волги медленно-медленно двигалась мерцающая точка. Должно быть, на барже варили уху.

Они стали молча спускаться, но на первой же площадке Борис Гаюсов взял Нюсю за руку и с силой повернул лицом к себе.

— Итак, я слушаю, Аннушка. В молчанку играть ни к чему.

— Хорошо, слушай, — сказала Нюся, глядя не на него, а куда-то влево, где чернел силуэт колокольни бывшего женского монастыря. — Не обижайся, Борис, но ты... Ты сегодня был так

красноречив, так убедителен, что я... не поверила тебе, Борис, прости!

— Чему ты не поверила?

Голос его прозвучал резко, почти грубо.

Она ответила не сразу.

— Тебе не кажется, что нас могут раздавить через сутки после выступления?

Она ожидала всего — вспышки гнева, слов презрения, угроз, насмешек, уговоров, но не этого спокойного тона:

— Вполне возможно. Но суток, Аннушка, нам будет достаточно.

Нюся попыталась высвободиться, но Гаюсов держал ее крепко. Оба молчали — она непонимающе, он в ожидании вопросов.

— Послушай... — Он сильно, до боли сжал ее запястья. — Я не все могу сказать даже тебе. Признаться, мне и самому не все до конца ясно. Завтра... Завтра я встречаюсь с одним из наших друзей. Он... В общем, он иностранец.

Она вскинула голову.

— То есть?.. Ты хочешь сказать, что...

— Да-да! Наш план — это его план, — с каким-то злорадным остервенением и почти не глуша голос, заговорил Гаюсов. — Все, начиная с захвата архивов ЧК и взрыва мостов с элеватором и кончая счетами с большевиками — все! Все!

Он брызнул на нее капельками слюны, но Нюсе сейчас было все равно. Она морщила лоб, услышанное не укладывалось в голове. Кто-то что-то придумывает за них... Кто-то переставляет их, как шашки... Кто-то... Кто-то... Оттуда... Откуда — оттуда?

— А что же... потом? — с трудом произнесла она.

— А потом, — Гаюсов нервно усмехнулся, — мы с тобой будем далеко, Анна. Очень далеко...

Нюся попыталась заглянуть ему в зрачки, но было темно. Расширенными глазами она смотрела ему в лицо, будто искала в нем что-то.

— Борис, — прошептала она. — Что ты говоришь?

— Правду! А ты как хочешь? На крест? На святое самоубийство? Увольте-с! На Голгофу я не ходок. И тебя не пущу, Анна, будь уверена. Мы еще кутнем с тобой... Где-нибудь в Монте-Карло. Или на этих... как их там? Елисеевских полях. Нет, Елисейских... Виноват-с! Не приходилось бывать.

Нюся молчала. Ее тошнило от этого сумасшедшего шепота, вырывававшегося вместе с брызгами из полных кривящихся губ, ей стало трудно дышать. Она сжала пальцами горло, закрыла глаза.

— Что, коробит?! — сардонически выкрикнул Гаюсов. — Напрасно! Любая пакость большевикам — благородное дело, успокойся. А для нас с тобой — это последний шанс!

Анна резко отшатнулась от него. Сдавленным голосом крикнула, но получилось жалко, еле слышно:

— Борис! А как же... Россия?

Лицо Бориса Аркадьевича исказила гримаса.

— Россия! Россия! Не будь гимназисткой, Анна! Россию сейчас можно спасти, только продав! Хоть оптом, хоть в розницу. Как придется. Ничего с ней не сделается. Были и татары, и поляки, и французы — и все уходили, все! А большевики не уйдут, они свои, расейские! Россия останется, а мы нет. Да не дергайся ты!

Кто-то поднимался снизу по лестнице, но, услышав злобный выкрик Гаюсова, повернул в испуге назад. Шаги гулко протопали по ступенькам и затихли.

— Меня это, знаешь ли, не устраивает. Тебя, думаю, тоже. Не так? — уже спокойно сказал он после паузы.

Нюся осторожно, но решительно оторвала его пальцы от своих рук.

— Прощай, Борис. Мне пора, — сказала она тихо.

— До завтра. — Его голос звучал почти безразлично. Выдохся за сегодня.

Поправив движением пальцев прическу, она торопливо пошла вверх по ступенькам, туда, где торчала над склоном макушка водонапорной башни. Потом, задышавшись, побежала.

Гаюсов прислушался. Засмеялся, крутнул головой и пошел вниз.

Председатель Самгубчека вернулся из штаба округа только после восьми. За полчаса до того Белов отправил Ягунина в общежитие — привести себя в порядок, а главное, душевно отмякнуть после отсидки.

Усталый — даже плечи обвисли — Вирн, тем не менее, очень внимательно выслушал рассказ Белова о том, как подделывались улики, которые должны были утопить Ягунина.

— Но почему они выбрали именно Ягунина? — недоуменно морщился Альберт Генрихович. — Что он за птица такая?

Белов усмехнулся, вспомнив, что точно такими словами выражал свое удивление и Михаил, и пояснил:

— Гаюсов еще в Бузулуке сталкивался с Ягуниным. Даже побывал у него в руках. Он ведь не просто офицер дутовской разведки, но еще и авантюрист, каких поискать. Кем только не был — и сапожником, и гравером, и дьяконом в Перми. Великий мастер по поддельным документам, даже керенки фальшивые печатал — вот какой тип!

— Где он сейчас обитает? — спросил Вирн, делая пометки в клеенчатой тетрадошке.

— Узнали мы нынче. У своей тетки, вдовы приказчика Калягиной Марии Прокофьевны. Живет на улице Невской — это где Молоканские сады, почти на спуске к Волге. Квартиру мы не тревожили, а наблюдение установили — таракан не проскочит.

— Мы о Ягунине, — напомнил Вирн.

— Верно, о Ягунине. Так вот, Бузулукская ЧК прохлопала тогда Гаюсова. Ягунин-то после госпиталю в Бузулуке работал с месячишко, потом уже к нам. И вдруг — на тебе, встреча в Самаре! Вот Гаюсов и начал избавляться от него, чтобы ненароком, значит, нос к носу не столкнуться. Но это он так, заодно. Главное, глаза нам хотел отвести. Нарочно для ЧК представление сочинил в доме Прошерстнева. А буфетчица Михаила всю ночь держала, чтоб у него алиби не было.

— У вас, Иван Степанович, профессиональная интуиция, — искренне, хоть и как всегда сдержанно сказал Вирн.

Но Белов отмахнулся и блеснул в ухмылке мелкими зубами.

— Тут никакая не интуиция. Расчет у них был неправильный. Улик понастряпали и решили — все, спекся чекист. Плохо они нас знают. Это Ягунин-то — грабитель? С его ненавистью к частному капиталу? Нет, уж это не-е-т! У него другая беда: вся жизнь поделена на два цвета — красный и белый. И ша! Никаких других он пока не различает. Он все больше маузером привык действовать. Я таких ребят по гражданской знаю. Как-никак, комиссарил.

«А рад ты, милый мой, без памяти, что твой любимец не виноват», — подумал Вирн, а вслух заметил:

— Согласитесь, что бывают и перерожденцы. Тот же Серов. Или Сапожков.

— Бывают и перерожденцы, — повторил с досадливым терпением Белов. — А вот Ягунин наоборот — никак с седла не может слезть. Все боится, что НЭП революцию угробит. Только...

Он вдруг замолчал.

— Что только?

— Только от таких мыслей, — неохотно закончил Белов, — скорей стреляются, чем по чужим сундукам шарят.

Вирн зашагал по кабинету. Оба помолчали. Белов, задумавшись, пытался затянуться погасшей самокруткой. В сердцах раздавил ее в пепельнице. «Ну что тянем? — думал он сердито. — Пора что-то и решать...»

— Картина, я думаю, ясна, — сказал Вирн на ходу. — Однако нам, видимо, не стоит торопиться с арестом Гаясова и его общников.

— Резон, — кивнул Белов. — Коли брать, так всех сразу. И лучше с поличным. Я так соображаю, что они вскорости повторят свои обыски. Пока-то у них все как по маслу.

— А вам не кажется, товарищ Белов, что они на время приутихнут? — Скрестив на груди руки, председатель губчека напря-

женно думал, и Ивану Степановичу даже почудилось, что он видит, как на высоких залысинах пульсируют мысли.

— Не приутихнут, им шибко деньги нужны. Иначе бы не шли на такой дурной риск.

— Нет, вы, Иван Степанович, поразмыслите. Они информированы через буфетчицу, что Ягунин арестован, так?

— Так.

— Значит, внезапное прекращение налетов будет для них лишним доказательством, что грабил именно Ягунин. Тем самым они его еще больше скомпрометируют.

— Не думаю, — качнул головой Белов. — Убрать Михаила с пути, чтоб не мешал им, Гаюсову, конечно, хочется. Да цель-то это совсем не главная. Золото да паника среди жителей для них куда важней. А с другой стороны смотреть, то они и эдак могут рассудить: ежели сделаем еще налет-другой, чекисты решат, что мы выгораживаем своего главаря Ягунина, и еще крепче будут его держать. Резонно?

— Переусложняете, — недовольно бросил Вирн. — Но спугнуть их мы не имеем права.

— Как бы опять эта щука от нас не ускользнула, — вздохнул Белов.

— Погодите-ка... — Председатель губчека опять быстро заходил по кабинету. — Так-так... А что если мы с ними, Иван Степанович, в их же игру сыграем?

— Мм... Не понимаю, — поморгал Белов. — Это как?

— Да так... Они нам наживку бросили, а мы им.

Он сел рядом с Беловым и раскрыл тетрадку. И тут погас свет.

— Дьявол его возьми, — прозвучал в темноте спокойный голос Альберта Генриховича.

— Ничего, скоро дадут, — с ничем не оправданной уверенностью откликнулся Белов.

— Ладно, в потемках думается лучше. Так вот, Иван Степанович, что мне в голову пришло...

Доктор Здановский, большеголовый и очень плотный старик с усами и острой бородкой, сидел на корточках в галифе и нижней рубашке перед раскрытым, наполовину уложенным чемоданчиком и втискивал в него безо всякой системы и разумной последовательности папки с бумагами, пижаму, бельишко и разную бритвенную мелочь. Комнатка, где он этим занимался, на свежего человека произвела бы странное, а то и тягостное впечатление, ибо вещи, наполнявшие ее, говорили о горемычной переменчивости судьбы их владельца. Роскошный светильник из бело-розового фарфора соседствовал с узкой железной койкой, заправленной истертым суконным одеялом, а вольтеровское кресло, украшенное резьбой на виноградно-античные темы, было придвинуто к грубому верстаку, который заменял стол. Множество книг и старые газеты, банки с какой-то заспиртованной гадостью — пиявками ли, змейками ли непонятными — и новенькая, еще пахнущая свежей струганой доской табуретка. На ней, как и на кресле и на спинке кровати, разбросаны были халат, шинель и военное обмундирование, а на огромном гвозде, вбитом в стену, пылился фетровый котелок. Фантастический этот беспорядок дополняли валяющиеся повсюду прямоугольнички выщербленного паркета, которые легко можно было вернуть в гнезда, да, видно, руки у хозяина не доходили.

Сердито крикнув, доктор встал, расправил мятую газету, сел в кресло и стал читать. Он был несколько глуховат и потому не услышал тихого скрипа открываемой двери.

С порога Нюся смотрела на его покатуя спину. В глазах ее стояли слезы, но она не всхлипнула ни разу. Высушила платочком глаза, перевела взгяд на пыхтящий чайник.

— Какая чушь, — пробормотал доктор и отшвырнул газету.

Нюся подошла к верстаку, прикрутила фитиль керосинки. Услышав шаги, доктор Здановский вздрогнул и обернулся.

— Ты?!

Он растерянно посмотрел на седые кудряшки на груди, лезшие из выреза нательной рубахи.

— Минутку! — крикнул доктор. — Отвернись.

Легко прошел по комнате, снял халат с кровати, накинул на плечи.

— Не ждал, — сказал он сдержанно.

Она подошла к креслу, положила ладонь на спинку, качнула.

— Здравствуйте, отец, — сказала как-то бесцветно.

Бородка дрогнула. Доктор откашлялся.

— Что же ты стоишь? Садись вот сюда, здесь удобнее, — растерянно забормотал он, суетливо убирая со спинки кресла френч.

— Сейчас я чайку. Да садись же!

Нюся слабо улыбнулась, подвинула табуретку, села. Доктор захлопотал у буфета, зазвякал чайником, чашками, сахарницей.

— Ну-с, возьмемся за чаек, — сказал он с шутливой деловитостью. — Извини, чай с сахаринчиком и, увы, морковный, но... все-таки чай! Вот, пей, пожалуйста. Что же ты?

— Не хочу, папа. Благодарю, — буднично сказала Нюся и отвернулась от отца, который дул на обожженную ладонь.

Доктор помахал рукой с растопыренными пальцами и присел на край кресла.

— Гм. Как угодно. Невольница не богомольница.

Он пожал плечами, поправил пенсне.

Ей трудно было сидеть с ним рядом, и она встала и отошла от верстака. Прошлась по комнате, остановилась возле полки с книгами. Медленно обвела взглядом комнату и сказала негромко, не скрывая горького отвращения:

— Как ты живешь! Боже... Это что же, благодарность комиссаров за верную службу?

Седые кустики докторовых бровей сошлись к переносью. Он тоже встал.

— Слушай, Анна, ты это оставь. Старо. Да-с...

Нюся смотрела на свою фотографию над полкой.

— И портрет заблудшей дочери, — усмехнулась она. — Ты стал сентиментален, папа. Раньше за тобой не замечала.

— Анна! Прошу тебя, перестань!

Она быстро отошла к окну, резко повернулась. Ее пухлое лицо заострилось, стало злым, шея напряглась.

— А что, выгонишь? — кринула она грубо. — Ударишь? А в самом деле, почему бы тебе как говорят у нас в «Паласе», не заехать в физию? В качестве компенсации за пробы в воспитании? Вдруг поможет?!

Она уже кричала. Как истеричка.

— Ты зачем пришла? — угрюмо спросил доктор. Он тяжело дышал, еле сдерживая себя.

— Зачем? Станный вопрос. — Нюся теперь говорила спокойно и оттого особенно едко. — А может быть, мне захотелось увидеть дорогого папеньку и заодно утвердить его в убеждении, что дочь окончательно стала... уличной шлюхой из кабака.

Она открыла сумочку, достала папиросу. Ломая спичку за спичкой, закурила и опустилась в кресло. Доктор подсел к чемодану, принялся снова укладывать вещи, но делал это бессмысленно. Глядя в чемодан, сказал:

— Вот что, матушка. Когда ты в гражданскую уходила к белым, ты заявила, что идешь рядом с мужем искупать мою вину перед Россией. Весной я увидел тебя за стойкой кабака. Если помнишь, я спросил тебя, кто же оказался виноват перед Россией, ты или я? Ты и тогда наговорила мне оскорблений. Я хочу спросить тебя сейчас: ну, что, дочь, помогли тебе твои ляхи?

— Какие ляхи? — машинально повторила Нюся. — Почему ты... так спросил?

— Э-э, матушка, ты стала забывать классику. «Тараса Бульбу» забыла?

— Нет, — быстро сказала она. — Просто я... Просто мне показалось...

Она встала и, подойдя к отцу, ногой захлопнула чемодан.

— Перестань! Слушай же!

— Слушаю, — пробормотал доктор и снял пенсне.

— Отец, папа, ты же дворянин! Офицер, ученый доктор. Как ты можешь быть с ними, с этим бесцеремонным хамьем? Ведь все, все поругано, затоптано, заплевано! Красота чувств, интеллигентность, духовность — все! Что они сделали с нашей с тобой родиной? Что они подсовывают тебе вместо нее?!

Голос ее был, как струна, натянутая до предела: вот-вот лопнет.

— Я была на вокзале, там девочка-беспризорница умерла от голода... Под лавкой, ты понимаешь — умерла!.. А они митингуют, хвастаются: мы, мы, мы! Где она, наша с тобой Россия, папа? Вы предали ее. Вы, сильные мужчины, которых она считала своими сынами. Кому же теперь защитить ее? И эту девочку, которую пичкали митингами вместо еды? И вековую культуру нашу? Кому?! Мне?!

— Ты лучше спроси, от кого? — сурово обронил доктор.

— За... зачем... ты это? — Голос Нюси вздрагивал от прорывавшихся рыданий. — Ты же... прекрасно... понимаешь...

— Да, я понимаю, — в сердцах перебил он. — А ты нет! Вы с Сергеем пытались защитить Россию от ее народа. Не так? Будь честной, Анна! Ты всегда была честной, дочь!

Она молчала. Капелька крови выступила на прокушенной губе, но Нюся и не заплакала. С трудом произнесла:

— Я устала, папа. Я так устала, что... Давай, бросим все, уедем куда глаза глядят. Куда-нибудь, ты же умный, придумай. Сережа погиб, но есть ты, один ты у меня... Ты сумеешь, ты все сумеешь, прошу тебя!..

Отец с состраданием глядел на нее.

— У тебя что-то случилось?

Нюся схватила его за руку.

— Не надо спрашивать, папа! Я умоляю тебя... — Она быстро, несколько раз поцеловала отцовскую руку. — Давай же уедем отсюда, скорей только... Все равно, куда, но, ради бога, скорее!

Доктор отрицательно качнул седой головой.

— Но я не могу, Аннушка, — тихо сказал он. — Я военнoслужаший, ты же знаешь.

Она резко отбросила его руку, отстранилась.

— Не можешь?! — пронзительно взвизгнула она. — А я? Я могу?!

Повернувшись, она бросилась к двери, но ее остановил крик отца, полный страдания и боли:

— Анна! Почему ты не откроешься мне?

Нюся молчала, стоя спиной к отцу и глядя под ноги.

— Завтра утром я уезжаю, — торопливо, чтобы успеть сказать ей главное, заговорил доктор. — Я совсем ненадолго. Как приеду, я позову. И ты... обязательно приди, слышишь, дочь? Обязательно...

— Не знаю. Я пойду, — шепотом откликнулась Нюся. — Прощай.

Так и не повернувшись — как слепая, неуверенно, обеими руками нажала на дверь и вышла из комнаты.

Темная улица, без единого фонаря — повесить их обещали к осени, да и то керосиново-калильные, — невидимая под ногами, но ощутимая, ласковая пыль, и все обыкновенно, обыденно, обычно...

Анна Звягина-Здановская прислонилась щекой к выщербленному углу кирпичного дома и заплакала. Слезы ее не были злыми, и скоро Нюсе стало легче.

Она посмотралась в платочек и потихоньку побрела домой.

СУББОТА

1

Под конец рабочего дня — на стенных часах было без двадцати шесть—в операционном зале финотдела появился грузный человек в хорошей пиджачной паре и в белом картузе. Под мышкой он сжимал трость с набалдашником из слоновой кости, а в руке — платок, которым то и дело вытирал складчатую шею и лоб. От двери толстяк направился прямо к барьеру, за которым работали служащие, на ходу поискал нужную надпись на стекле, нашел и сунулся в окошко кассы.

— Будьте любезны, барышня, — слегка задыхаясь, проговорил он, — бланк заявления, будьте добры... Для патента.

Соня Ратанова вскинула на него зачерненные «под Франческу Бертини» веки и бросила на барьер рыжую бумажку. И не удержалась, хихикнула: очень уж забавен был розовый толстяк с испуганными пороссячими глазками.

С бланком, зажатым за кончик двумя пальцами, будто была опасность испачкаться, Башкатин протопал к столу для посетителей и с облегчением опустился на лавку.

Через минуту он уже старательно выводил кудрявые строки, заполняя многочисленные графы бланка... А еще через десять минут протянул заявление через барьер коренастому человеку с похожей на тыкву рыжей стриженной головой.

— Ого, — сказал фининспектор Старухин, опытным взглядом охватывая сразу весь текст. — По старым временам вы на вторую гильдию потянули бы...

— Слушай, Старухин, ты не заметил, что нынче в «Первом Совкино»? — спросил у него, подходя и опуская на плечо руку, молодой гладко причесанный человек в косоворотке. — Вроде бы «Молчи, грусть, молчи», ты не помнишь?

— Нет, Борис Аркадьевич, там вовсе другая фильма, — звонко отчеканила со своего места Сонечка. — Тоже с Верой Холодной, но другая... Она наморщила маленький лобик и вспомнила: — «Позабудь про камин, в нем погасли огни» — вот какая фильма! Говорят, очаровательная вещь.

— А-а, — протянул молодой фининспектор, не торопясь отходить от стола Старухина. — Надо будет посмотреть...

Старухин вернул заявление.

— Вот здесь у вас исправлено. — Он отчеркнул ногтем графу. — И здесь. Так не положено, перепишите. Сонечка, дай гражданину еще бланк!

Вздыхая, Башкатин взял бланк и, сопровождаемый ироническими ухмылками — больно уж потешный, — опять поплелся к столу...

...И откуда было знать этим финансовым мышатам, что Александр Федорович Башкатин вел с ними тончайшую политическую игру! Так, по крайней мере, казалось ему самому.

Всего три часа назад, когда Александр Федорович у себя дома только-только вознамерился попить чайку на травках, к нему в гости пожаловал человек. В нем Башкатин сразу признал соседа по столику в «Паласе» — того самого, что приехал из Тамбова и намеревался открыть в Самаре свечной завод. Тогда он неожиданно исчез, и Александр Федорович даже беспокоился, уплатил ли его новый знакомец по счету. Но поскольку официант помалкивал, Башкатин решил, что уплатил, и вскоре забыл о щупленьком тамбовчанине. Однако сейчас, нежданно-негаданно увидев его у себя, обрадовался: после больницы, где его продержали сутки, он из дому еще не выходил и успел соскучиться по людям.

Белов не дал ему времени поудивляться, а сразу показал свою книжечку чекиста, и, когда хозяин малость очухался, согласился выпить с ним стакашек настоящего китайского чая. И вот теперь они сидели на веранде друг против друга: Башкатин — в глубоком кресле, положив руки на подлокотники, и Белов — на стуле, чуть нагнувшись вперед и уперев локти в колени. Толстый купчина в мягком фланелевом костюме, похожем на пижаму, в удобных, отороченных мехом шлепанцах и худенький, в скромной косовороточке и затертых брюках Белов — контрастная эта пара могла бы вполне вдохновить передвижника на жанровое полотно «Хозяйская милость» или, скажем, «Угощайся, любезный!» Позы были подходящи, фигуры — тоже, да только вот не выражения лиц: брюхан-хозяин явно заискивал перед неказистым гостем.

— Очень я рад, Александр Федорович, что у вас со здоровьем дела на поправку пошли, — доброжелательно говорил Белов. — Как на духу скажу: крепко я на вас рассчитываю. На старого, значит, знакомого...

Простовато улыбнулся Иван Степанович, ласково. Слабое

подобие улыбки обозначилось и на лице Башкатина, хотя слова Белова его заметно разволновали.

— Почту... за честь, — выговорил он, чуть запинаясь. — Только чем же... Чем я могу быть полезен ЧК?

Слово «ЧК» он произнес шепотом.

— Вы, Александр Федорович, можете оказать нам большую услугу, — еще мягче продолжал Белов и дружески положил ладонь на слоновье колено Башкатина. — Вашу личную безопасность я гарантирую, не пугайтесь... Да и дело-то предстоит пустяковое.

При слове «безопасность» по лицу толстяка пробежала тень тревоги.

— Слушаю-с, — тихо сказал он, не отрывая глаз от лица чекиста.

— В общем, так. — Белов помедлил. — Есть резон побывать вам у фининспектора на Советской. И заявить патент... Или как там называется — выбрать?.. Короче, объявить о своем желании взять патент на большую сумму оборота.

— Но я не собирался покуда... У меня здоровье... — забормотал ошарашенный Башкатин.

— Соберитесь. И лучше сегодня, до закрытия... Заявку оставите, а деньги внести не успеете, хорошо?

— Зачем... это?.. — горестно прошептал Башкатин.

— Надо, Александр Федорович, надо. Слушайте дальше...

...Вот и действовал теперь Башкатин по чекистской инструкции. Когда он сунулся к Старухину со своей бумагой, было без трех минут шесть.

— Давайте, любезнейший, отложим до послезавтра, — сказал начальственно рыжий фининспектор. — Все едино деньги ваши мы сегодня уже не примем.

— А... листок... оставить? — робея, осведомился Башкатин.

— Заберите! — Старухин мизинцем ковырнул бланк, и тот скользнул по барьеру к толстяку. — Послезавтра, все послезавтра!

Подавленный, спускался Александр Федорович по лестнице из финотдела. Бланк, который не взял фининспектор, жег сквозь пиджак и жилет. Господи, боже мой, что скажет чекист?..

2

Секретарь Самарского губкома РКП(б), высокий худощавый человек, еще не старый, но седой, говорил, обращаясь к шестерым своим слушателям, сидящим в его кабинете за длинным столом:

— Давайте не будем разбрасываться, говорим мы себе сегодня, давайте сосредоточим все силы на главных направлениях. Но вот вы скажите мне, что не главное? Агатов — знаете, наверное? — наш предгубкомтруддезертир, доложил мне вчера, что на заводах Самары сейчас работает в среднем по шестьдесят человек. Представляете? Борьба с трудовым дезертирством — главное? Главное! А борьба с холерой не главное? Боевой эпидотряд, на который мы так надеялись, явно не справляется, товарищи. Идем далее: голод. Вы знаете, сколько хлебных ходоков стучится ежедневно в кабинеты губкома и губисполкома? Хотя это — ладно, стерпим. Но вот на вокзалах начинают находить умерших от голода детишек, так ведь, Шмагин?

Начальник транспортной ЧК кивнул: точно, есть такие факты.

— Товарообмен с Сибирью, Украиной и Белоруссией только-только наклюнулся, рассчитывать на него пока не стоит. Начиная эвакуацию голодающих, а ведь у нас еще беженцев да военнопленных сколько! Тысячи. Особоуполномоченный Центроэваку товарищ Меркин жалуется на нас, товарищи. Правда, он просил меня вручить Ратнеру вот это...

Секретарь выдвинул ящик стола и достал лист плотного белого картона.

— Разрешите, я зачитаю.

«Красный аттестат».

«В тяжелые для Советской Республики дни зимы—весны 1921 года начальник особого отдела ЗВО товарищ Ратнер оказал дея-

тельное содействие губэваку в деле продовольствования свыше 10 тысяч человек беженцев переселенческого и военнопленного контингентов. Благодаря энергии и умелым мерам облегчено катастрофическое положение с продовольствием и не допущены печальные последствия голода. Горячая признательность тов. Ратнеру!».

— И подписи, — заключил секретарь. — Прошу!

Узколицый, шевелюристый Ратнер подошел, пожал руку секретарю и положил картон перед собой.

— Ишь! — с уважением вздохнул у него под ухом Белов, заглядывая в аттестат.

— Очень приятно, конечно, но будем думать о сегодняшнем моменте, — чуть громче сказал секретарь, покрывая шумок, — Что творится на нашей Самаро-Златоустовской? На желдороме, товарищи, царят взяточничество, разгильдяйство и всяческое потворство мешочникам. Мы понимаем, что люди едут в поисках хоть какой-нибудь еды, но если мы ослабим контроль, мы задохнемся. Транспортные перевозки — тоже главное, как видите. А пожары, по дюжине на день? А ограбления складов — третье за неделю? При нынешней нехватке продовольствия так прохлопать — это же преступление против революции! Губподотдел милиции плохо следит за городом, а вы, товарищ Сухарев, неумело ищите!

— Как это так — плохо? — возмущенно пробурчал начальник уголовного розыска Сухарев. — Рыжих-то вчера поймал... Которые губэвак обчистили.

— А продовольствие не нашли. Сгинуло. Не так? То-то же! Больше самокритики, товарищи!

Секретарь звякнул графином, налил в стакан воды, отпил.

— Теперь об осложнениях с развитием НЭПа. То, о чем доложил товарищ Вирн, очень серьезно! Не могу не согласиться с вами, товарищи чекисты: тут не просто уголовщина. Действия этих бандитов носят ярко выраженный политический характер. Здесь и компрометация органов Советской власти, и дискредитация новой экономической политики, и, наконец, что немаловаж-

но, террор, запугивание нэпманов. А мы с вами кровно заинтересованы, чтобы они развертывали производство и торговлю и тем самым помогали нам восстановить экономику.

Секретарь вдруг улыбнулся, весело посмотрел на сидящих, но сразу же посерьезнел и продолжал:

— У нас, в губкоме партии, есть сигналы и о других провокациях. Цель у них одна — подорвать авторитет Советской власти. Думается, что появление фальшивых документов сразу в нескольких наших учреждениях, покушение на ответработников, провокационные записки на митингах и, наконец, попытки разложить дисциплину в воинских частях — все это звенья одной и той же цепи. Стало быть, есть основания предположить, что в Самаре существует контрреволюционный центр, с которым, безусловно, связан и этот...

— Гаюсов, — подсказал Вирн.

— Да, Гаюсов. Может, от него и потянется... Вот почему губком партии придает особое значение поимке его банды. Кстати, товарищ Белов, вы уверены, что налет они устроят сегодня?

Иван Степанович встал.

— Не уверен, — сказал он просто. — Но очень могут и сегодня, вроде клиент для них солидный. Мы сначала хотели вместо купчишки своего человека подослать, чтобы в финотделе разыграл как по нотам. А потом думаем: нет, не стоит, могут адресок проверить. Нужен настоящий. Вряд ли они будут откладывать налет, тем более, он и деньги за патент не уплатил, домой унес. По другим четырем адресам тоже засады выставить. Ну, к тем, что на этой неделе оформились.

— Нам нужна помощь, — вставил Вирн. — Военокруга и милиции. Хорошо бы человек по десять. Если с засадами не выйдет, придется взять только Гаюсова и его помощницу, хотя хотелось бы сразу всех. План операции готов, нужны люди.

Секретарь губкома повернулся к Ратнеру:

— Поможете товарищам? А вы, милиция? Вот и замечательно. Будем надеяться на успех, не дурнее же мы их?

ВОСКРЕСЕНЬЕ

1

Глухая летняя ночь шла к концу. Небо было без туч, но беззвездно: мелкая пыль, подбиваемая ветрами, засорила воздух, сделав его непрозрачным, и даже луна еле пробивалась сквозь мглу. Только света от нее было немного. И все же ощущалось, что вот-вот забрезжит — тьма не была уже густой.

В такой-то неурочный час в деревянном квартале близ Молоканских садов взвизгнула калитка и из палисадника вышел человек в темной одежде. Бросил недовольный взгляд на луну, над-

винул картуз на глаза и шибко пошел по правой стороне улицы, держась вблизи домов. Лицо его разглядеть было невозможно, но люди, ждавшие его в засаде, знали: это Гаюсов. Только он один входил сегодня в этот опрятный домишко на Невской. Он да хозяйка, его тетка. И хотя сейчас лишь изредка мелькала в просветах меж домами то ли человеческая фигура, то ли какая тень, с Гаюсова не спускали глаз. Прижимаясь то к забору, то к столбу, то к выступу крыльца, след в след за Гаюсовым крался человек. А чуть дальше, стараясь не выпускать своего лидера из виду, шли еще двое.

Иногда Гаюсов останавливался, прилипал к стене и некоторое время стоял неподвижно. И тогда сразу же замирали идущие за ним. Совсем тихо и пусто становилось на улице.

Не дойдя квартала до лабазов Воскресенского базара, Гаюсов торопливо, почти не таясь пересек улицу и скрылся в подъезде деревянного строения о двух этажах с мезонином.

...Через несколько минут у ворот слышались приглушенные команды Белова:

— Окружить дом! Трое в соседний двор! Себя не обнаруживать!

Тонко скрипнули ворота, слышались торопливо удаляющиеся шаги.

Все так же тиха и спокойна была старая хибара. Однако в одном из окон желтел свет. Потом он погас. И опять зажегся.

За углом зацокали копыта: со стороны Воскресенского рынка к подъезду подкатила пролетка. На козлах скрючился кучер. Никто не вышел из пролетки. Подъехала и остановилась, только и всего.

Прошло несколько минут, и из подъезда стали появляться фигуры. Одна, две, три. В бледном свете поблескивали кожаные куртки. Не обменявшись и словом, трое уселись в пролетку. Кучер щелкнул кнутом, лошадь с места взяла крупную рысь, и пролетка растворилась в темноте.

И снова раздался негромкий возглас Ивана Степановича Белова:

— Шабанов с группой — к Ягунину! Охрану не снимать!

...И, как раньше, тихо стало возле двухэтажного самарского скворешника. Слепо смотрела закрытыми ставнями улица, спал, как бродяга, неопрятный, провонявший двор. Пустынно было кругом и безлюдно. Впрочем, нет: за углом покосившегося сарая блеснул на мгновение винтовочный штык.

...На втором этаже к стеклянным квадратам веранды припал Гаюсов. Не нравилось ему что-то во дворе. А что? Он пристально смотрел вниз, теряя драгоценное время, и все же смотрел. И увидел блеск штыка. Ему он сказал многое. Гаюсов отпрянул от окна. Вытащил маузер, щелкнул предохранителем и на цыпочках двинулся вверх по деревянной лестнице, ведущей на чердак.

Еще минута — и через чердачное оконце Гаюсов выбрался на крышу. Пополз по ней, добрался до самого края. Крыша упиралась в выступ глухой стены — брандмауэр соседнего здания. Гаюсов осмотрелся: как будто никто не следил. Подпрыгнув, он повис на руках, нащупал ногами щербинку. Нога скользнула, сорвалась. Он сделал еще попытку — есть упор! Оттолкнувшись, Гаюсов подтянулся на руках и упал грудью на крышу соседнего дома. Громыхая по железной кровле, он перебежал на противоположный скат крыши и по пожарной лестнице стал спускаться во двор.

— Товарищ начальник! — услышал он крик в соседнем дворе того дома, что обложили чекисты. — По крыше кто-то шастает!..

Гаюсов побежал напрямик через двор к небольшому строению из кирпича, невдалеке от арки. Вынул связку отмычек, повозился с замком. Что-то хрустнуло. Он широко распахнул створки дверей и нырнул в каменный сарай. Вскоре послышался звук вращаемой рукоятки, потом тархтенье автомобильного мотора, и из сарая выполз во двор старый «Бенц» с погашенными фарами. Машина нырнула под арку и, высунув радиатор на улицу,

резко набрала скорость. Наперерез автомобилю с криками «стой!» бросились двое.

«Бенц» ринулся прямо на людей, свет фар ударил им в глаза. Один из чекистов отлетел в сторону, сбитый автомашиной. Раздались выстрелы, звякнуло под пулями железо. Из «Бенца» полыхнули огоньки: Гаюсов бил из маузера, и пули рикошетили от мостовой.

Круто вывернув, автомобиль унесся в ночь.

— Товарищ Белов! Удрал! — послышался отчаянный крик.

— Удрал, гад! — со злостью отозвался Белов. — Да не догонит, ничего!.. Они уже там!..

...Они действительно уже были там. Как раз во время этой перестрелки трое в кожаных куртках поднимались на крыльцо красивого одноэтажного особнячка напротив гортеатра. Властно забарабанили в дверь.

Из-за двери послышался сдавленный голос:

— Кто там?

— Откройте! ЧК!

— Сейчас, сейчас, секундочку!

Лязгнули запоры. С силой толкнув дверь, трое ворвались в дом. Прошли по темному коридору, распахнули двухстворчатую дверь в гостиную. Щелкнул выключатель — и трое остолбенели в изумлении: комната была полна народу. На вошедших глядели столбы револьверов и винтовок.

— А ну, складай оружие на пол! — весело скомандовал Ягунин.

...Автомобиль изо всех своих не столь уж многих лошадиных сил мчался к площади Парижской Коммуны. Вывернув с Александровской на Саратовскую и проскочив мимо Пушкинского сада, он резко затормозил напротив дома Башкатина. У крыльца толпились люди с винтовками, из дому же выходили другие — с поднятыми руками, в кожаных куртках. На козлах пролетки

вместо кучера сидел широкоплечий красноармеец с трехлинейкой на изготовку. Все это успел Гаюсов рассмотреть при свете фар во время короткой своей остановки. Не в силах сдержать бесильной ярости, он, вместо того чтобы поддать газу и попытаться скрыться, выхватил маузер и стал наугад стрелять в темные фигуры людей. Охнув, схватился за грудь молодой курчавый чекист и ткнулся лицом в мостовую. Метнулись фигуры через полосу света и истошный крик резанул воздух:

— Гаюсов! Бей, братва, по колесам!

Это крикнул Ягунин, и тогда только опомнился Борис Гаюсов. Взревел мотор, и «Бенц» рванул с места. Раздалась беспорядочная пальба, брызнуло стекло и, не проехав и двадцати саженей, автомашина закрутилась, словно вокруг невидимой оси. Фары погасли.

— Брать живьем! — иступленно орал Ягунин. — Заходи с боков!

Шарахнул выстрел: часовой губисполкома прямо из подъезда бил из винтовки по машине. «Бенц» дернулся, выскочил на тротуар и врезался в стену Дома крестьянина. Выпрыгнув из автомобиля, Гаюсов, прихрамывая, пробежал по тротуару и свернул за угол. Где-то сзади гулко топала погоня.

Из полукруглого подъезда Дома крестьянина высунулся заспанный дежурный. В руках он держал охотничье ружье. Из открытых дверей в спину ему падал неяркий свет, отчего растрепанная голова казалась пуховой.

— Куда... пробежал?! — подбегая, выкрикнул Михаил. Легкие его разрывались.

— По Дворянской... Тьфу! По Советской тоись... На ту сторону, к Струкачам побег, — лопотал мужичок, таращась.

Подбежали еще трое — красноармейцы особого отдела.

— Бегом по Советской, по той стороне! — скомандовал Ягунин. — Соображайте сами! А я садом, к Волге...

Он взмахнул револьвером и побежал через улицу, где в пред-
рассветной мгле огромным провалом чернел Струковский сад.

Чугунная ограда с пиками не остановила его ни на миг — Ягунин кошкой вскарабкался на нее. Когда перелезал, услышал тихий продолжительный треск: это гимнастерка окончательно расползлась, теперь можно выбрасывать с чистым сердцем.

Чутье охотника — видно, отголосок первобытного инстинкта, так как охотиться ему в жизни не доводилось, — руководило Михаилом, когда он, то скатываясь, то съезжая на задку по травянистым буграм, а то лавируя между выскакивающими из темноты деревьями, выбирал себе путь через дебри ночного сада. Ведь точно этим маршрутом бежал минуту назад Гаюсов. Ушибленная нога не оставляла ему шансов уйти далеко. Но увидеть своего врага Михаил еще не мог: просто он был почему-то уверен, что Гаюсов спустится через сад к Волге. И потому, оказавшись внизу, Ягунин без малейших колебаний пролез между отогнутыми прутьями ограды и побежал к берегу.

Здесь было гораздо светлее: то ли пыли в воздухе поменьше, то ли отсвечивала вода, а может, на открытом месте осязательней сказывалось приближение рассвета. Выбежав на прибрежный песок, Ягунин различил метрах в сорока впереди себя неясную человеческую фигуру, прихрамывающую, но все же довольно быстро бегущую вдоль кромки воды.

— Стой! — крикнул Михаил, и голос его дал петуха, сорвался.— Стой, говорю!

Он выстрелил, абсолютно уверенный, что не попадет, и все же не без надежды: а вдруг да остановится... Разумеется, Гаюсов продолжал бежать, но расстояние между ними все сокращалось. Теперь они оба бежали по песку вдоль воды, высвечиваемые разошедшейся напоследок луной, одинаково упрямые в своей решимости уйти и догнать. Конечно, Гаюсову было труднее: широко размахивая руками, он весь выкладывался, но боль ушибленной ноги отзывалась уже в сердце. Вот уже тридцать, вот и двадцать шагов разделяло их.

Теперь Ягунину несложно было попасть в Гаюсова, но ему хотелось взять его живым, непременно живым. Да и азарт погони

захлестнул. Он разгадал намерение Гаюсова, повернувшего к далеко вдающимся в реку мосткам: там копошился в лодке человек со снастями. Михаил задрал наган к небу и напрямую, по воде, бросился к мосткам. Увидав его, рыбак в ужасе сиганул в Волгу и поплыл от мостков.

Вода доходила до колен, потом до пояса, бежать Ягунину было все труднее. Но зато он несколькими выстрелами успел отрезать врага от лодки, заставив его залечь. Гаюсов тоже трижды выстрелил, и возле Михаила зачмокали пули. Но время было выиграно: когда Гаюсов чуть не ползком добрался до лодки, Ягунин, ухватившись за край мостков, навел на него револьвер.

— Бросай оружие, гад! — крикнул он. — Ну! Стреляю!

Маузер стукнул по деревянному настилу. Гаюсов поднял руки. Затравленно глядя на медленно взбирающегося на мостки Ягунина, не сводящего с него дула нагана, он лихорадочно искал пути к спасению. Их не было. Издалека, со стороны Средневолжского машиностроительного завода, доносились невнятные голоса.

Ягунин шёл прямо на него, почти по самому краешку, обходя груды полуистлевших досок, небрежно сваленных посреди настила. Край одной из них почти касался ног Гаюсова. Дождавшись, когда чекист поравняется с другим концом доски, Гаюсов сделал резкое движение ногой. Доска сильно ударила Михаила под колено, и тот, потеряв равновесие, шлепнулся в воду.

Гаюсов и сам чуть было не упал, но удержался, опомнившись, подхватил маузер и несколько раз выстрелил в воду. Попал не попал, смотреть ему было некогда. Стремительно прыгнул в лодку и с остервенением принялся отматывать канат. Стоя у мостков по грудь в воде, Ягунин ловил и никак не мог поймать Гаюсова на мушку. Нажал спуск — и только брызнули щепки с кормы. Еще раз — осечка! И снова осечка! С лица Михаила стекали струйки, будто плакал он, что невредимым уходит заклятый его враг. А может, так и было, может, и примешались горячие слезы обиды к теплой волжской воде...

Хлопнул выстрел из удаляющейся от берега лодки, и Ягунин

от резанувшей боли скрючился, схватился за левую ключицу. Он тоже выстрелил в последний раз, патроны в барабане нагана кончились, но лодка уже растворялась в предутреннем тумане, только слышно было, как с шумом хлестали по воде весла.

По песчаному берегу от Алексеевского спуска бежали красноармейцы. Михаил, зажимая рану, огляделся: других лодок поблизости не было.

— Ушел!

Горячие струйки все бежали по измученному его лицу.

2

Серый сумрак окутывал лесную поляну, еще предрассветно тихую и сырую. Но вот сорока, неторопливо и с достоинством чистившая клюв, насторожилась. Подозрительно вытянула шею: что-то зашевелилось в кустах. Сорока склонила голову набок, подумала и на всякий случай перелетела на сук повыше.

Раздвигая жухлые ветки орешника, на поляну вышел Гаюсов. Прислонился к разлапистому осокорю — сорока взлетела еще выше — и ладонью стер с лица пот, проведя грязные полосы на лбу и щеках. Дыхание его было прерывистым, тяжелым, словно он долго карабкался в гору. А какие на Проране горы? Пустяковый песчаный откос, старуха взойдет без одышки. Но пройти через всю Волгу на веслах, да еще когда гонит страх перед погоней, — вымотаешься на нет.

Однако отдыхать долго он не намеревался: перевел дух — и дальше, через поляну, в глубь островного леса. Скорее, скорее! Только бы не столкнуться ненароком с каким-нибудь болваном, что зорюет на острове со снастями...

Слава богу, до землянки он добрался благополучно, никого не повстречав. Землянку с тропы не разглядишь — она вырыта в склоне буерака, окошко хитро прикрыто ветками, покатуя крышу не отличишь от бурелома. Прежде чем спуститься в овраг, Гаюсов огляделся: вроде бы никого. Осторожно ступая,

чтоб не нашуметь осыпью, он сполз со склона и постучал в дверь — с виду совсем колода — отрывисто, четыре раза, вернее, дважды по два. Из глубины землянки не сразу отозвался встревоженный голос:

— Кого надо?

— Охотник, — сказал Гаюсов вполголоса. — Мне бы соли щепотку.

— Соль-то нынче кусается, — щелкая задвижкой, уже спокойно ответил голос.

Приоткрылась дверь, в прорези на мгновение мелькнула заросшая щетиной физиономия и скрылась. Гаюсов согнулся, шагнул в землянку, дверь тотчас захлопнулась, снова стукнул засов.

Чиркнула спичка, затрещал огонек масляной коптилки.

— Что случилось, Борис Аркадьевич? — с тревогой спросил бородатый человек в крестьянской домотканине, подпоясанной солдатским ремнем. Сидя на лавке, он исподлобья смотрел на Гаюсова. Другой обитатель землянки, еще молодой и, пожалуй, красивый, несмотря на портившую его небритость, стоял у порога, нервно терзая пуговицу на мятом парусиновом кителе. В глазах его дрожал откровенный испуг.

Гаюсов не отвечал. Вялым движением стянул с головы картуз, опустил на лавку рядом с бородатым. Посидел, потряхнул головой.

— Шацкого взяли... И его группу всю... — сказал он устало. — Сергей...

Он взглянул на молодого человека в кителе. У того прыгали губы.

— Да не паникуй ты! — крикнул Гаюсов. — Ничего страшного, потери неизбежны, ясно? Шацкий не продаст. Сволочь он, да, но не продаст, повернет на уголовщину...

Бородач крикнул, хотел что-то сказать, но передумал.

— Так вот, Сергей... — Гаюсов встал с лавки и взял руки молодого человека в свои. — Побрейся и немедленно отправляйся в город. Сейчас же.

Ток-ток, — пощелкивали по булыжнику каблучки, — ток-ток...

Нюся шла, не глядя по сторонам, не видя перед собой дороги — так шла бы ослепшая лошадь домой, ведомая поводырем — привычкой. Голова была словно из свинца, в ней сонно ворочались ресторанные мысли — что-то о тонкой посуде, которую так и не купила хозяйка, о вине из Туркестана, которое клиент назвал непечатно, о том, что официанты все больше наглеют... Нюсю радовало, что усталость хоть немножко притупила четкое осознание мерзости того, что она услышала от Бориса. Вторые сутки оно разъедает ей мозг, как негашеная известь, и от этих мыслей она чувствует, как в затылке нарастает боль.

Тук, тук, — глухо срезонировали деревянные ступеньки. Лицо Нюси осунулось, черты утратили мягкость, плечи обвисли. Естественная реакция организма: с трех дня до трех утра она была на ногах, в душном чаду, оглушаемая гамом и визгом оркестра. А потом так и не смогла уснуть, хоть и прикорнула в швейцарской. Только еще сильнее намучилась. Сейчас почти восемь, хоть бы до начала полуденной духоты отдохнуть... Уснуть...

Она остановилась перед дверью на втором этаже, вынула ключи. В тишине резко скрежетнул замок. Нюся вошла в длинный полутемный коридор. В него выходило несколько дверей, но ни одна, слава богу, не отворилась. Сейчас Нюсе не хватало еще только общения с соседками... брр! Осторожно ступая, она подошла к своей комнате, вставила ключ из связки. Этот замок открылся без шума.

Нюся вошла в комнату и несколько секунд постояла у порога в душной темноте. Шторы были задернуты еще со вчерашнего утра, но и сейчас она не станет их открывать. Не до того. Щелкнула выключателем, бросила сумку на пол. Сняла плюшевую жакетку, повесила на гвоздь у двери. Походила бесцельно по комнате, тронула спинку стула: пылица... Ну и пусть. Села, положила голову на руки и не шевелилась довольно долго, будто решила

так подремать. Потом резко встала, расстегнула пуговицы, сняла кофточку.

Из-за ширмы в дальнем углу комнаты вышел человек. Еще молодой, со следами порезов от бритвы на полных щеках. Одет он был неважно — в полотняный китель, весь будто жеваный, и такие же брюки. Белым назвать его костюм было никак нельзя, и все же в облике неизвестного было что-то фатовское.

— Мадам! Миль пardon!

От звука его голоса Нюся вздрогнула и мгновенно повернулась, прикрывшись кофточкой. Но не произнесла ни слова: без испуга смотрела, ждала.

— Я тут в одиночестве воспользовался вашей девичьей постелькой. — Мятый человек улыбнулся с откровенной наглостью. — Хотя, разумеется, предпочел бы...

— Как вы сюда попали?! — злым шепотом крикнула Нюся.

— Видите ли, я, так сказать, с корабля на бал...

— Что вам угодно? — перебила Нюся.

— Терпение, мадам, я от Гаюсова. Борис Аркадьевич теперь у нас.

Она молчала.

— Гм... Он дал мне ваши ключи.

Он показал Нюсе ключи и снова положил их в карман.

— Что случилось? — вырвалось у нее.

— Я полагал, мадам.... Вы что, не знаете о провале группы Шацкого? Впрочем, конечно...

— Вы из ЧК? — равнодушно спросила Нюся и стала так же равнодушно натягивать на плечи кофточку. Даже не отвернулась.

Молодой человек с удовольствием разглядывал ее.

— Что ж, понимаю, понимаю... Но я в самом деле от Гаюсова, мадам. Поручик Гофферт. — Он стукнул каблуками. — Сергей. Тезка вашего покойного мужа, мадам.

— Заткнитесь, — с отвращением сказала Нюся. — Доказательства?

Гофферт достал из кармана сложенную вчетверо записку и протянул Нюсе. Она не двинулась с места.

— Извините, мадам! — он гаерски склонился и подошел к Нюсе. — Прошу!

Развернув бумажку, Нюся прочитала: «Этому человеку верь. Немедленно отправляйся с ним. Это не пожелание и не просьба, а приказ. Б».

— У вас есть сомнения? — спокойно спросил гость.

— Нет, — ответила Нюся, не поднимая от записки глаз.

— Тогда прошу вас. Кстати, мы можем уйти через соседний двор?

Нюся опустила на стул, задумчиво повертела в руках записку.

— Анна Владимировна, у нас мало времени на раздумья.

— Я никуда не пойду.

Поручик отозвался не сразу. Потрогал царапину на шее, вздохнул. Тихо проговорил:

— Увы, приказы обсуждать...

— Я не вправе? — зло перебила Нюся. — Нет уж, милостивый государь, с меня достаточно.

Полные щеки возмущенно дернулись.

— Мадам! — В голосе послышалась угроза. — Это похоже на предательство.

Нюся вдруг успокоилась. Усмехнулась, отрицательно покачала головой.

— Вот что, поручик. Передайте Борису, что я устала. Нет, лучше так: что я смертельно устала от всего. Я хочу, чтобы меня оставили в покое. В покое, слышите, вы? В по-ко-е!

С испугом и нескрываемой враждебностью смотрел на Нюсю поручик Гофферт.

— Вы легкомысленны, мадам... — отчеканил он с натужным сарказмом. — Может быть, вы и ЧК попросите о том же?

— Бойтесь? — Она с презрением усмехнулась. — Напрасно. Гаюсов знает, что туда я не пойду. Я просто выхожу из игры. Совсем. Передайте ему мои слова. И уходите!

— А мне кажется, что игру вы только начинаете. И рискованную, мадам, предупреждаю вас, слишком рискованную.

Лицо Нюси исказилось.

— Уходите! — крикнула она гневно. — Отдайте ключи!

Гость молчал. Глаза его забегали. Он боялся, видимо, этого крика: соседи!..

— Я подниму соседей, — попала в точку Нюся. — Вы меня плохо знаете, поручик. Ключи!

Рука гостя медленно полезла в карман, а вынул он ее рывком.

Однако в кулаке был зажат вовсе не пистолет, как того ожидала Нюся. Ключи, брошенные поручиком Гоффертом, со стуком упали на стол.

4

В маленькой палате — когда-то она была закутком кастелянши — бился о стены и отражался от них зычный смех красноармейца Никишина, курного паренька цыплячьего вида, но на удивление густоголосого. И как кружевная оборочка к басовитому громоуханию позванивал смеющийся голосок темноволосой красавицы в белоснежном халате — замглаврача военгоспиталя Нины Дмитриевны Ольшанской. Смешил их Ягунин. Лежа на койке с забинтованной до шеи рукой и с марлевой нашлепкой на лбу — стукнулся о мостки, — он «травил»: вспоминал, привирая всякое, эпизоды польского похода.

— Ну, браток, — восхищенно крутил головой красноармеец, вытирая бязевым рукавом слезу, — ну и уважил, гы-гы... Это ж надо... помрешь тут с тобой... Чисто цирк...

— У вас природный дар юмориста, — сказала Ольшанская, продолжая улыбаться. — Будь я не врач, а писательница, я бы имя себе на ваших историях сделала, право. Затмила бы саму Тэффи.

Поскольку Ягунин понятия не имел, что это такое — Тэффи, он смолчал. Спросить не решился: эта изящная дама, сидящая нога

на ногу, была слишком похожа на буржуйку. Хотя и врач. Впрочем, в этом вопросе Михаил путался, в точности не знал, куда отнести врачей, профессоров и всяких адвокатов — к буржуйскому или трудящемуся классу.

— Нет уж, — ответил он уклончиво. — Оставайтесь врачом, для нас они на сегодняшний день важнее.

Он заперхал, углом подушки заткнул рот, но грудь еще долго содрогалась от разедающего ее кашля.

— Кто знает, — переждав, сказала Ольшанская мечтательно, — как еще повернется наша жизнь? Сегодня вы обычный военный, каких тысячи, а через десять лет... И встречу я вас как-нибудь на эстраде, в элегантном черном фраке, в манишке, с бабочкой...

Никишин, не удержавшись, подавился смехом. Он и пытался, да вот никак не мог не смеяться: уж больно смешным представила врача Мишку...

Ольшанская взглянула на него с мягким неодобрением, покачала головой.

— Зря вы смеетесь, Никишин, — начала было она. Но не закончила, прислушалась, встала с табурета.

— Все! Тишина! — озабоченно проговорила Нина Дмитриевна. — Идет главный врач. Укройте, Никишин! Ложитесь! Вот так...

Дверь в палату распахнулась. Усатый, остробородый старик со свирепым выражением лица не сразу протиснул могучий торс через дверной проем, открытый на одну лишь створку. За спиной главврача маячила медсестра. Опасливо поглядывая на начальство, она подала глазами знак Ольшанской: старик не в духе.

— Гм... Гм... — сердито откашлялся доктор Здановский, придирчиво оглядывая палату и не удостоивая взглядом Ольшанскую. — Как тут дела? Что твой живот? — кивнул он Никишину. — Отпускает язва?

— Мале-е-енько, — простодушно улыбаясь, пробасил красноармеец. — Под утро хватануло чуток, а чтобы очень — не-е-т...

— Угу... — Главврач отвернулся и подошел к кровати Ягунина,

— Ну а твое самочувствие, герой? — спросил он громко и бодро, слегка ощупывая плечо и ключицу Михаила.

— Да уж куда лучше... — заканючил тот, но старик перебил его, раздраженно бросив через плечо Ольшанской:

— До завтра перевязок не делать. Как сон? Так до утра и кашлял?

— К сожалению, Владимир Илларионович, хронический...

— Пулю я твою, голубчик, не уберег. Да! Хотел презентовать, но дура санитарка смахнула куда-то... Ищи теперь! Сплющенная такая. Дрянь. Не жалей...

— На что она мне? Вытащили — и ладно.

Главврач снисходительно фыркнул, нащупал у Ягунина пульс, скосил глаза на часы.

— Если б вы знали, Ягунин, сколько такого добра Владимир Илларионович из людей вынул, — проникновенно проговорила Ольшанская. — У Владимира Илларионовича воистину золотые руки.

Прозвучало это фальшиво, даже Никишин почувствовал — заворочался и закрыл глаза. Михаил увидел, как у старика побагровела шея.

— А у вас, голубушка, я вижу, золотое сердце, — рыкнул он, вставая с табурета. — В инфекционном... Гм... Впрочем, не здесь... Все, выздоравливайте!

Он кивнул Ягунину с Никишиным и повернулся к ним спиной. Усы его топорщились. Ольшанская была явно растеряна, хотя и пыталась это скрыть. Пальцы ее нервно сжимали трубку стетоскопа, на щеках выступили темно-розовые пятна.

Главврач, постояв несколько секунд, двинулся к выходу, сестра засемила за ним. Ольшанская вышла последней, движения ее были замедленными. Ягунин подумал, что Нина Дмитриевна надеется: вот, мол, сердитый старикан уйдет и забудет. Не тут-то было! Когда Ольшанская вышла из палаты, чья-то рука плотно прикрыла за ней дверь, и тотчас до ушей Ягунина и Никишина донеслось:

— Обход проведу сам! Идите в инфекционный. Что у вас там творится, я спрашиваю?..

Марлевая занавеска скрывала от них отсутствие стекла в двери. Так что хоть доктор Здановский и сдерживал голос, в палате слышно было каждое слово.

— Откуда эти лоботрясы? — Главврач пыхтел, как закипевший чайник. — Вы врач или сердобольная кумушка? Симулянтов различать разучились, да?

Судя по тяжелым шагам, Здановский двинулся дальше.

— Стоило только уехать, и уже черт знает что, — слышалось из коридора. — Не госпиталь, а постоянный двор! Да!

Рассерженный доктор затих, и уже издали донеслось лишь приглушенное:

— Чтоб завтра же духу их не было!..

Ягунин с Никишиным озадаченно переглянулись.

— Вот так штука, — сказал огорченный Никишин. Ему от души было жаль симпатичную докторшу.

5

Белов диктовал, Шабанов записывал: проверить... отыскать... спросить... опознать.. Оба они устали и ожесточились от бесплодных допросов, оба понимали, что упущенное время, даже один день, может обернуться серьезными осложнениями: враг глубже законспирируется, оборвет все нити, уйдет в подполье, и этот не-вскрытый нарыв опять будет зреть, угрожая рецидивами антисоветских вспышек, террактов, злого саботажа, диверсий.

В кабинет начальника секретоперотдела вошел Вирн. Прошел к столу, сделал знак: продолжайте!.. Послушал, встал, прошелся по комнате.

— Хватит, — сказал Белов. — Складывай бумажки, писатель.

— Что нового, Иван Степанович? — спросил Вирн.

Белов pokrutil головой.

— Рановато для нового. Придется еще повозиться с этим

Шацким. Корниловец! Остальные ни черта не знают. Обычные налетчики.

Вирн потер ладонью несвежее лицо.

— Нет у нас времени возиться, Иван Степанович. Ясно, что эта банда — только ветка. А где ствол? Поглядите, что подкинули. Нашли в караульном помещении штаба коммунистического полка. Мне Ратнер передал.

Председатель губчека вынул из кармана френча грязный клочок бумаги и протянул Белову. Тот развернул, вслух прочитал:

«Предполагается произвести нападение: штаб ЗВО, клуб коммунистов, губ. чрезвычай. комиссия, губвоенкомат, госуд. банк, окружной суд, ревтрибунал, почта, курсы командиров, элеваторы новый и старый, губернаторский дом, продовольственный комитет, авто и тракторная мастерские. Будьте готовы. Точно время не знаю, но скоро. Разрешите покуда мне не сказать своего имени».

— Да-а, — Белов озабоченно поморгал. — Ничего себе новости... А не провокация?

— Вы что, у меня спрашиваете? — поднял бровь Альберт Генрихович. — Конечно, не исключена и провокация, хотя... Какой смысл? Так или иначе, через час в губисполкоме вместе с особым отделом и штабистами округа соберемся для разработки плана охраны города. А вот от кого охранять — туман.

— Разъяснитесь, Альберт Генрихович. Я так надеюсь, что скоро разъяснится.

Вирн усмехнулся и неожиданно продекламировал:

Нельзя довериться надежде,
Надежда слишком часто врет...

— Читали такого поэта — Минаева? — спросил он.

Белов пожал плечами: откуда?

— Я в туруханской ссылке читал. Неплохо он критиковал царизм, хотя и не с классовых позиций. Да, что там с Нюсей?

Иван Степанович озабоченно цокнул языком.

— Я вот думаю, есть ли резон, что мы ее оставили. Нюся теперь для них — отрезанный ломоть.

— Точно сказано, — одобрил Вирн. — Именно «отрезанный ломоть». Сейчас с нее глаз спускать нельзя.

Белов слушал, что-то соображая.

— Можете не сомневаться, Иван Степанович. — Натура этих... — Вирн выдержал паузу, — известна. Не оставят они ее в покое. В любом случае. Как бы нам не прозевать.

— Так... — протянул Белов. — Резонно.

И повернулся к Шабанову.

— Слушай, писатель! Придется тебе нынче до закрытия подежурить в «Паласе». Надо бы посмотреть, кто к ней будет липнуть. Может, связной. А после проводить буфетчицу до дому, только незаметно.... Рано туда не заявляйся, чтоб глаза не молились, лучше поближе к ночи. Задача ясная?..

— Есть! — сказал Шабанов. — Ясная. Разрешите пока идти?

— Иди.

Решив не откладывать сборы, Шабанов заглянул к Левкину, но не нашел его на месте. Столкнулись они на лестнице. Договорившись, когда ему взять подходящую одежонку, Иван повернул было к себе, но вспомнил о просьбе Ягунина. Нынче утром, дождавшись в госпитале окончания операции, он ухитрился перекинуться с Михаилом несколькими фразами.

— Как там Нинка? — прикрыв глаза, бормотнул Ягунин, когда его несли по коридору санитары. — Узнай у Исая...

Иван Шабанов видел Нинку один-единственный раз — с тряпкой и ведром, раскрасневшуюся и растрепанную. Девушка ему тогда понравилась: скромная, работающая и собой вроде ничего.

— Исай, как Нина-то работает? Не саботажница? — спросил он как бы в шутку.

— Это имеется в виду землячка Миши? — что-то уж слишком неприятливо, на себя непохоже, уточнил Левкин.

— Она.

— Землячке дали поворот от наших ворот, — сказал все так

же сухо Левкин. — Когда с Мишей были неважные дела, я был вынужден ей сказать...

— Что сказать? — нахмурился Иван.

— Что! Что! — разозлился Исай Левкин. — Пусть не приходит, сказал! Не мешай на дороге, Шабанов, у меня есть другие дела, пропусти...

Левкин был расстроен, что так вышло. Шабанов — тоже.

«Где ж ее теперь найдешь-то?» — думал он удрученно, проходя коридором, будто сквозь строй глазающих на него граждан. Их сегодня было больше обычного — ни одна лавка не пустовала. Он переживал за Михаила, потому как понимал, что получалось не по справедливости: и подозревали напрасно, и посадили ни за что, и вот обидели в личном вопросе.

...Не ждал не гадал Ваня Шабанов, что так скоро отыщется горемычная Нинка Ковалева. В одиннадцатом часу вечера приведет ее в «Палас» мордатый «горчишник», накормит и что худо — напоит девчонку до одурения, а уже ближе к закрытию уведет ее неизвестно куда — наверх ли, в гостиничные номера, еще ли в какое злачное место, а может, и к себе домой. И невыносимо будет комсомольцу Шабанову смотреть на жалкую пьяненькую девчонку, смотреть и понимать, что нет у него ни возможности, ни права вмешаться, и оттого будет Ване стыдно, тоскливо и тошно.

Но все это будет впереди. Пока же сотрудник секретно-оперативного отдела Шабанов мучился сомнениями, говорить ли Михаилу, что Нинку выставили из губчека, или, может, погодить до выздоровления, а сам внутренне собирался к своему вечернему визиту в «Палас».

6

В глубине огромного пакгауза городского потребительского общества, среди мешков, ящиков и перепоясанных веревками тюков закусывало несколько человек. На ящике, поставленном на попа,

разложены были продукты — помидоры, огурцы, немного хлеба, желтоватое сало и непременная вобла. Судя по стаканам и двум пустым бутылкам с винными этикетками, люди эти не только закусывали. Сидели они в покойных позах, и внешний мир напоминал здесь о себе лишь редкими гудками маневрового паровозика. Солнце просвечивало сквозь щели в крыше, и поэтому, несмотря на отсутствие окон, на складе было достаточно светло, чтоб не только рассмотреть лицо собеседника, но и при желании прочитать газетный текст. Этим как раз и занимался один из закусывающих — сухопарый человек в пенсне и потрепанной форме инженера-путейца.

— Послушайте, господа! — Он оторвал клочок газеты, покрывавшей ящик-стол, и прочитал нарочито гнусаво: — «Подкрепим самарским хлебом великую борьбу трудящихся с разрухой!» — Он засмеялся: — Подумать только — «самарским хлебом»! Допрыгались комиссары.

— Какого... месяца... газетка? — спросил блондинистый военный, хрупая после каждого слова огурцом.

Человек в пенсне нагнулся и отогнул край газеты.

— Февральская, — сказал он. — Но это не имеет значения. Непредусмотрительность правителей во все века считалась преступлением, ибо они отвечают за судьбу народа. Вывезти из губернии весь хлеб, хотя прогнозировался недород. Идиотизм!

— А что вы, собственно, расстраиваетесь, дорогой Юрий Ярославович? — мяконецким голоском пропел Аристарх Аржогин, но лицо его сделалось едким. — Что вы за большевичков-то переживаете? С голоду будутдохнуть — тем легче спихнуть-с.

— Да уж... Купечество российское всегда снимало сливки с народных трагедий. И с войны, и с мора, — с оттенком презрения сказал военный и швырнул огрызок огурца за штабель.

— Купцы — благодетели человечества, — с укоризной парировал Аржогин. — Мы кровь питающая, тягловая сила общества. Не то что военные...

— Аристарх Семенович! Виктор Петрович! Прекратите пики-

ровку, господа! — вмешался плотный и, видимо, чрезвычайно сильный мужчина с выпуклым лбом, крупными скулами и подбородком. Несмотря на скромное одеяние мещанина — пиджачок, косоворотка, штаны в сапоги, — в нем чувствовалась военная косточка. — Мне кажется, что обеденный перерыв у нас затянулся. Продолжим совещание. Ну что же вы, Виктор Петрович? Прошу вас! Неприлично!

Лениво усмехнувшись, блондин отложил огурец, закинул ногу на ногу: что ж, пожалуйста, я готов.

— Я полагаю, — голос плотного человека в косоворотке звучал уверенно, мужественно, — что провал группы Шацкого не посеял в нас неверия. Собственно, особых причин для паники нет. Группа, надо сказать, с честью выполнила свою задачу, и чекисты поймали, фигурально выражаясь, свет угасшей звезды, не более. Никто, кроме Шацкого, не имел прямых связей с нашим центром, но за Сергея Сергеевича мы можем быть спокойны, такие люди не предадут. Я не хочу говорить слов сострадания в его адрес, хорунжий Шацкий выше жалости. К тому же есть основания полагать, что через несколько дней арестованные будут свободны. Как и вся Самара, господа, и как Тамбов, Пенза, Мелекес и.... Не стану перечислять, скажу только, что концентрация и консолидация сил практически заканчиваются... На днях вам станет известна точная дата выступления. Обрадую вас, господа, сообщением: кажется, выступят сразу несколько губерний. Нас поддержат воинские части — только сегодня я получил подтверждение. И приготовьтесь, господа, услышать новость: из некоторых источников стало известно, что комдив Сапожков вовсе не убит комиссарами, а формирует новые соединения. Как ни далек он от нас по своим политическим воззрениям, он наш невольный союзник.

— Минутку, Александр Владимирович, — поднял палец военный. — К сожалению, вынужден выступить в роли ушата холодной воды... Неприятное обстоятельство: вернулся, знаете ли, главврач госпиталя.

— Вернулся? М-да... Скверно. Вы же информировали, что он будет через неделю.

— Увы! — Виктор Петрович закатил глаза и развел руками. — Хуже того. Он уже сунулся в инфекционное отделение и Нину Дмитриевну отчитал. Как бы он того.... Проверочку бы не устроил.

— Совсем нехорошо. — Александр Владимирович озабоченно потер подбородок, сощурился. — Каково мнение членов штаба?

— Какое может быть мнение? — отрывисто сказал сухощавый в пенсне. — Что, у нас есть выбор? Не будем демагогами, Павловский. Не время!

Плотный человек в косоворотке остро взглянул на него.

— Демагогами? Что ж... Хотя выход далеко не идеален. Шума, расследования не избежать. С другой стороны, фактор времени... Да, придется.

Павловский повернулся к военному.

— Придется вам, Виктор Петрович...

— Мне?! — Блондин вскочил. В глазах его промелькнул ужас.

— Вам, — твердо повторил Павловский. — Не обязательно своими руками, но обеспечить... Виктор Петрович, такова ситуация, увы.

Человек в командирской форме снова опустился на ящик. Лицо его не было сейчас красивым, гримаса страха застыла маской.

Сняв пенсне, чтоб не видеть этого раскисшего хлыща, Юрий Ярославович прервал молчание.

— Гаюсов прислал связного. Хлопочет о буфетнице из «Паласа».

— Позвольте... — Глаза Павловского смотрели с холодным удивлением. — Разве она не арестована?

— Представьте, нет. Связной встречался с ней. Уйти к Гаюсову не хочет, говорит, выхожу из игры.

— Хотя и пустила ЧК по ложному следу? — Павловский презрительно ухмыльнулся. — Из игры!.. Ну, с этим я товарищей чекистов не поздравляю. Топором сработано, по-пролетарски. Эту подсадную утку надо убрать. И немедленно.

— Ай-ай, — сокрушенно вздохнул Аржогин, его мягкое лицо поморщилось. — Не было бы неприятностей с Гаюсовым. У них с Анной Владимировной того-с... Роман... — Аристарх Семенович недвусмысленно прищелкнул пальцами.

— Еще чего! Погодит с романами. Кстати, нечего ему отсиживаться в берлоге. Дело идет к развязке, господа, час близок. Нужна полная готовность. Да, а где же ваш связной?

— Позвать? — Юрий Ярославович встал.

— Прошу вас. У меня будет к нему поручение. И не одно, пожалуй, а два...

ПОНЕДЕЛЬНИК

1

Тихо было на улице Самарской в пятом часу утра, сонно. Похоже, только солнце одно и проснулось — розовело всюду на востоке. Солнцу что, жрать не просит. Обывателя же нужда заставила вспомнить поговорку: «Когда сплю, я обедаю». Немногие торопятся нынче на работу в такую рань. А кто вознамерился порыбачить, тот уже на Волге: рассвет надо встречать с удочкой, а не в пути.

Громыкнула дверь «Паласа», разрушила благостную тишину.

Швейцар и малорослый официант, уже одетые в цивильное, вышли на ступеньки.

— Охо-хо... — зевнул с потягом швейцар. — Вот на Усе я был — вот это клев, да. А что Быстренький? И не вздумайте туда, Николай Васильевич, никакого смысла...

— Однако же люди привозят, — нехотя возразил официант. — Лещи — закачаешься, по три фунта. И жирные, скажу я вам...

— Вы это видели или слышали? Вот в чем вопрос — возразил швейцар. — А то ведь, знаете, у Цицерона есть...

О чем они еще говорили, Шабанов не слышал: отошли уж далеко, да и ладно... Второй час пошел, как он, выбравшись из «Паласа», сидит на ящике в соседнем дворе. Сон одолевал, и Иван что только не придумывал, чтоб не задремать. Выцарапывал щепкой на куске штукатурки рожи, высчитывал, на какой день придется в будущем году Первомай, вспоминал слова всех частушек и песен, какие только знал... И все едино: нет-нет да и погружался непонятно куда и, только начав клониться долу, вздрагивал и тер глаза.

Когда начали выходить официанты и посудомойки, бороться с сонливостью стало чуть легче: все-таки теперь он отвлекался. И, тем не менее, Нюсю чуть было не прозевал. Заторможенное сознание не среагировало вовремя на фигурку в темном жакете, выскользнувшую из дверей. Буфетчица отошла уже на полквартала, когда Шабанов как ужаленный вскочил: черт возьми, да это же она, Нюся!..

Гнаться за ней в открытую Шабанову нельзя было, и все-таки пришлось маленько наддать, чтобы не упустить из виду. Тем более что она свернула на Предтеченскую: вильнет там в подворотню, и гадай потом — в какую? Иван чуть ли не бежал до конца квартала, однако из-за угла высунулся осторожно. «Чегой-то она? Грехи замаливать вздумала? — пронеслось у него в голове. — Так ведь рань такая...»

Ворота церкви, к которой направлялась Нюся, были еще закрыты, возле них прикорнули две старухи богомолки, а может, и

просто нищенки. Когда Нюся миновала двухэтажный дом с красивой резьбой на карнизе, из двора вышел высокий мужчина в кители и штанах из грязноватого полотна. Шабанов еле успел метнуться за крыльцо, так неожиданно, всего шагах в двадцати от него появился этот тип.

Нехорошее предчувствие кольнуло Ивана Шабанова, когда он увидел, что человек в полотняном костюме догоняет Нюсю. Чекист сунул руку в карман, взвел курок нагана, и тут же подозрительный тип настиг буфетчицу. Нюся в испуге метнулась к стене, и Шабанов разглядел, что в руке у высокого мужчины блеснул нож. Выхватив наган, Иван нажал спусковой крючок.

Звук выстрела сам он словно и не различил, зато его услышали спящие богомолки. С причитаниями, пронзительно голося, они бросились от церкви в сторону Покровского садика, а человек в полотняном костюме выгнулся и упал ничком. На бегу Иван услышал, как гулко ударился он лбом о булыжник, как звякнул отскочивший нож.

У Нюси ноги подкосились. Бледная, она сидела на тротуаре, опершись на руку, и в ужасе смотрела на лежащего от нее в двух шагах человека. Шабанов перевернул его на спину.

— Так... — разочарованно и несколько удивленно сказал он. — Надо же... Наповал!

Нюся взглянула в лицо убитого, зажмурилась и крикнула пронзительно:

— Он!

В убитом она узнала человека, приходившего от Гаюсова.

Растерянно оглядывался сотрудник ЧК Иван Шабанов. Надо было срочно звонить к своим, но откуда? И кто это сделает? Ему-то уйти нельзя ни от Нюси, захлебнувшейся в беззвучной истерике, ни от убитого.

— Эй, хозяин, выходи! — стукнул он кулачищем в ставню.

В госпитале Ягунину становилось невмоготу. Валяться на койке было не только скучно, но и стыдно: только что он участвовал в горячих событиях, напереживался с этим арестом, попробовал себя в настоящем деле — и вдруг покой, «абсолютный и безусловный покой», как надо и не надо повторяет красотка врачаха. Беспокоили его и мысли о беспомощной Нинке, но сильнее всего мучило сознание, что опять он упустил Гаюсова. В Бузулуке бывший дутовский разведчик ушел от чекистов, выпрыгнув во время допроса в сугроб из окна второго этажа. Время тогда было вечернее, и ему удалось скрыться. Теперь он снова выдрался из рук ЧК, и, конечно, винить в этом следовало только его, Михаила Ягунина.

С такими вот не слишком веселыми мыслями бродил он в ожидании завтрака по территории военного госпиталя, завернувшись в длиннополый халат из полосатый бумазеи. Его Михаилу презентовала сестра-хозяйка, молодящаяся блондинка с заячьей губой.

Ныла рука, зацепленная марлевым жгутом за шею, слабость после операции еще давала знать, и Михаилу приходилось присаживаться — то на лавочку возле клумбы, то на приступки корпуса. Через небрежно заделанный пролом в госпитальной стене он подолгу смотрел на безмятежную Волгу, ее лесистые берега, на желтую косу Аннаевского острова, который, по словам старожилов, из-за нынешней жары высунулся из воды как никогда, на гребешки и флюгера пивоваренного завода, на трубы электрической станции горводопровода, на серые завалы дровяных пристаней и складов, на молчащие лесопилки. А справа, по некогда монастырской земле, сбегали к Волге кособокие домишки Нового Афона — слободки извозчиков, рыбаков, лодочников и горшечников. Ягунин был уверен, что когда-нибудь на их месте построят прекрасные здания с белыми колоннами, башнями и изразцовой отделкой, и в каждом таком доме будет жить человек

по сто, а то и больше. Но, сознательно приветствуя светлое будущее, он с потаенной симпатией вглядывался в муравейник неказистых хибар. Они напоминали ему деревню. Правда, в Старом Буяне на улицах зеленей да и сами улицы, ровные и широкие, не походили на беспорядочные извивы Нового Афона, но все-таки жили в слободе трудящиеся люди, а не всякая пузатая нечисть, как в центре, где-нибудь на Предтеченской или Панской.

Ягунин вдруг почувствовал, что ему захотелось курить. И не просто захотелось — желание затянуться махрой было прямо-таки нестерпимое. За год без курева с ним уже бывало такое раза четыре, но он приказывал себе: нельзя — значит нельзя, ша! Сейчас же он вдруг решил: закурю... «Может, полегчает, — мысленно оправдывался он, оглядываясь, где бы стрельнуть на самокрутку. — Душу отведу, и конец...»

Двор был пуст. Михаил подобрал одной рукой полы халата и быстро подошел к торцу больничного корпуса. В открытом окне светился пушок головы Никишина, который читал обрывки допотопного номера «Нивы», засаленного, что хоть картошку жарь.

— Никишин! — еще не дойдя до корпуса шагов двадцать, нетерпеливо крикнул Ягунин. — Выглянь-ка!

— Чегой-то ты? — тот показался в окне и, увидев Михаила, засмеялся. Просто так: язва, видать, отпустила.

— Найди табачку на сигарку, а?

— Тью! — изумился Никишин. — Да рази ж я курю? Эй! — Он притишил голос. — Гляди-ко!..

Ягунин обернулся. Молодая крутобедрая медсестра, выйдя из инфекционного барака, направлялась по дорожке в главный корпус. Проходя, она с заученным кокетством стрельнула на них глазами.

— Ишь, кралька-то, — расплылся Никишин. — Хороша, а?

Досадливо отмахнувшись, поскольку не переносил разговоров на подобные темы, Ягунин двинулся ко второму корпусу — «холерному бараку», как его называли, хотя ни одного больного

холерой в военном госпитале не было, под них отдали бывшую земскую больницу.

— Эй, сдурел! Заразу схлопочешь! — испуганно крикнул ему вслед Никишин.

Скользнув взглядом по табличке «Инфекционное отделение», Михаил поднялся по ступенькам и вошел в барак. В коридоре было пусто, на столике дежурной сестры лежало начатое вязание. Он прошел дальше, прислушался. Совсем рядом, за дверью ближайшей к нему палаты, раздавались возбужденные мужские голоса. Он постучал...

...А там, за дверью, клокотали страсти: на одной из кроватей четверо больных с азартом бились в преферанс. Еще трое следили за игрой. В палате было душно и сумрачно от дыма: окна плотно зашторили простынями, даже форточку закрыли. Судя по горе окурков, игра шла всю ночь.

— Восемь пик! — торжествуя, сказал атлетического сложения брюнет с косой челкой, прилипшей ко лбу.

— О-о! — протянул пожилой игрок с мешочками под глазами. — Круто берете, Роман Сергеевич. — Но все равно вист.

— Увы, я пас, — вздохнул третий, востроносенький, с землистым от недосыпа лицом.

Стук в дверь переполошил их. Набросив на карты одеяло, пожилой улегся сверху. Остальные без единого слова разбежались по койкам. Из коридора сильно дернули, и табурет, задвинутый ножкой за дверную ручку, упал. В щель просунулась озадаченная физиономия Ягунина. Семь пар глаз с напряжением смотрели на него.

— Чего тебе, родимый? — до дурашливости простовато спросил брюнет с челкой, вставая с кровати навстречу вошедшему Ягунину.

— Извиняйте... Закурить не найдется? — вроде бы смущаясь, попросил Михаил. Глаза его шустро бегали по палате.

— Закурить? Ах, закурить! — Брюнет широко ухмыльнулся. — А как же! Это мы можем...

Не спуская глаз с Ягунина, он полез в тумбочку. Михаил внимательно следил за его рукой и отвел взгляд, когда убедился, что верзила с челкой достал папиросу.

— Давай, што ль, сам тебе запалю, а то дык вон у тебя с рукой-то, — сказал, продолжая ломать ваньку, брюнет. Вынул зажигалку, сделанную из винтовочного патрона, чиркнул. Когда Ягунин прикуривал, спросил между прочим, кивнув на перебинтованное плечо: — Сломал, браток?

— Не-е-т, — затягиваясь дымом, тоже простеcki ответил Ягунин. — Кулачье...

— А-а... — уважительно протянул брюнет.

— Вы что безобразничаете?! — раздалось за спиной у Михаила. Обернувшись, он увидел рассерженную мордочку медсестры. — Это же инфекционный корпус! Сейчас же отсюда!..

«Брызги — зашипит», — подумал Михаил, глядя на красную от испуга и злости сестричку.

— Не знал, извиняйте... — пробормотал он и, уходя, крикнул уже в дверях: — Благодарствуйте за курево!..

«Глаза-то у них волчьи», — отметил про себя.

— Увидит Нина Дмитриевна, мне знаете как влетит? — сердито шептала медсестра, подталкивая Ягунина к выходу из корпуса.

— Иду, иду... — заговорщицки подмигнул ей Михаил. — Закурить, понимаешь, до жути хотел, а мой сосед некурящий...

— Ладно, ладно, идите! — торопила сестра.

Он вышел во двор и закашлялся: с привычки аж душу драло, а ведь приятно! Побрел себе, щурясь от дыма и размышляя об увиденном. Сел на скамью, пустил облачко, откинулся на ребристую спинку. Если бы повернул голову направо, где окна главного корпуса, увидел бы Ольшанскую. Она смотрела на него, опершись рукой о подоконник. Губы ее были сжаты, красивое лицо сосредоточено.

Но Михаил задумался крепко и головой не вертел. Вывел его из этого состояния шум, донесшийся от ворот. Часовой не пускал какого-то красноармейца, сидящего на взмыленной лошади —

темно-рыжие ее бока влажно блестели на солнце. Они что-то доказывали друг другу, и Михаил разобрал:

— А где пропуск?

— Так убили же...

— Не знаю!

— Пойди, дурень...

Михаилу вдруг подумалось о Белове: не его ли убили? «Еще накаркаешь, дурень», — ругнул он себя.

К часовому, придерживая подол, семенила пожилая медсестра.

— Боже мой! Убили! Боже мой! — раздался через секунду ее крик.

3

— Убили! Что творится-то!

— Человек был, эх!..

— Моего сынишку спас... Как глotoшная схватила, а он спас...

— А что случилось?

— Доктора зарезали военного. Владимира Илларионовича...

— Убивцы, чтоб им!

Наверное, не менее полусотни обывателей — со всего квартала, не считая случайных, — толпилось во дворе, под аркой и возле дома на Саратовской улице. Посматривали на одноэтажный каменный особняк в глубине двора, вполголоса переговаривались, строили предположения, вспоминали добродетели убитого доктора, сетовали на лихое время. Иногда из малоподвижной, приглушенно галдящей толпы вырывался злой голос:

— До сих пор режут. Безобразия!

Или еще резче:

— А власти смотрят! Им что!

Плакала, утираясь концом платка, молодая женщина. Ее большой живот — видать, дохаживала последние недели — неприятно контрастировал с неестественно худыми руками и иссохшим ли-

цом. Оживленно перешептывались, то и дело наклоняясь друг к другу, две одинаково пучеглазые, с одинаково поджатыми губами тетки — должно быть, сестры. Челноками сновали в толпе ребяташки.

Когда из особняка вышел Белов, передние, те, что толклись во дворе, приумолкли и выжидающе на него уставились. Однако спрашивать о чем-либо не решались, молча расступались, пропуская этого небольшого сосредоточенного человека. Но те, что стояли под аркой и за нею, на улице, не сразу среагировали на чекиста, и, проходя, Иван Степанович расслышал:

— Жестокость и зависть есть извечные качества человеческой натуры. Зло злом караем, зло и порожаем. Было так и будет вовек...

Ораторствовал хорошо одетый человек с коротким торсом и бородкой. Он стоял спиной к арке и никак не мог видеть приблизившегося Белова.

— А вот и не будет, папаша, — громко сказал Иван Степанович, пробираясь сквозь толпу. — Выкорчем, дай только срок...

Вздвигнув, коротыш с бородкой, однако, сразу нашелся с ответом.

— Кривое дерево не выпрямить, пагубные страсти не вытравить, — пробормотал он, и Белов уловил в его речи ощутимый северный акцент — слишком отчетливо, без самарской растяжки произносил он звуки.

— Вот как? — Белов остановился. С жадным любопытством и безразличностью смотрели на него глаза зевак.

— Может, смирением попробовать? — жестко спросил Белов. — Ударившему по левой щеке подставить правую? Пусть бьют, пускай режут?

В толпе послышался заискивающий смех. Бородатый беспомощно оглядывался.

— Нет, почему же... только...

— Никаких только! — зло оборвал Белов. — Ни бандитам, ни другим врагам пощады не будет. Как там, в Евангелии, говорит-

ся? — Он заморгал, припоминая: — «Какою мерою меряете, такою, значит, и вам мерить будем...»

— Нет, ты ответь, товарищ, — схватил Белова за рукав заросший щетиной инвалид с костылем. — Долго так будет? Уж ежели докторов режут, это ж совсем пропадай...

— Недолго, солдат, — сказал серьезно Иван Степанович. — Выведем нечисть, скоро выведем... Слово тебе даю — этих тоже найдем.

Инвалид хмуро молчал. Очевидно, не слишком-то верил.

— Дай-то господь! — вздохнув, перекрестился коротенький с бородкой.

— Жди! Когда рак на горе.... — меняя голос, вякнул кто-то из толпы, но Белов, уже ни на кого не обращая внимания, направился к трамвайной остановке.

4

— Надо же, — досадовал Иван Степанович. — На учениях мажешь, а где не надо — в десятку!..

— Да не хотел я, — в который раз повторил Шабанов.

У себя в кабинете Белов перебирал вещи убитого Шабановым человека. Оглядел револьвер, отложил. Взял паспорт, прочитал вслух:

«Енин Андрей Викторович, 1889 года рождения. Из мещан...»

— Так, — сказал Белов спокойно. — Все, конечно, липа.

— А то! — поддакнул Шабанов.

Из паспорта выпал клочок бумаги.

— А это что такое? — пробормотал себе под нос Белов. — Угу. Квитанция издательства газеты «Коммуна».

Он осмотрел ее так и сяк.

— Интересно... Нюся не знает, что за квиток?

— Молчит она, — буркнул Шабанов.

— Где она сейчас?

— Здесь, в камере.

— Ага. Давай ее сюда. А этим, — Белов протянул квитанцию, — займись. Сходи в «Коммуну» и вообще...

Шабанов ушел, а Иван Степанович прикрыл газеткой револьвер и паспорт убитого. Так, чтобы было и спрятано, и видно. Однако подумал, вздохнул и сбросил все в ящик стола.

— Можно?

Это Шабанов привел буфетчицу. Глазами приказав сотруднику: иди, мол, занимайся своим делом, Иван Степанович перевел взгляд на Нюсю.

— Садитесь.

Странно, но она не казалась ни взволнованной, ни подавленной. В лице нет и тени страха, только безразличие, усталое безразличие.

Нюся молча подошла к столу, молча села.

— Анна Владимировна! Допрашивать я вас не стану. Одно хочу уразуметь: чем вы им не угодили? Вроде бы рисковали, нам голову морочили. И вдруг... Не резонно.

Она не отвечала, и, судя по выражению лица, не собиралась отвечать.

Наклонившись над столом, Белов сказал тихонько, будто опасался, что его услышат:

— Собирались сами к нам прийти, да?

Пристальный взгляд его не произвел на Нюсю никакого впечатления. Но все же она наконец-то разжала губы.

— Не надо мне вашей палочки-выручалочки. Нет, не собиралась. Голос ее звучал тускло, безжизненно.

— Почему же они так с вами?

Она машинально ответила:

— Не знаю. Наверное, стала не нужна.

— Ага... Пожалуй, это резонно, — подхватил Белов, довольный, что она хоть чуть разговорилась. Вероятно, Нюся это заметила.

— Кстати, я и вам не нужна, — бросила она резко. — Так что не стоило тратить время на спасение... моей недрагоценной жизни.

— Почему же, — пожал плечами Белов. — А я уверен, что стоило.

Она подняла голову, лицо ее передернулось.

— Смотрю я на вас, господин чекист... Вы, наверное, очень себе нравитесь. — Она с откровенным презрением засмеялась. — Ах, какой я умный и хитрый! Как прекрасно все получилось. Не арестовали, от лютой смерти спасли. Осталось только получить благодарность. — Она замолчала, сглотнула комок. — Только вы ошиблись. Ненавижу я вас! Вместе с вашей лживой добротой ненавижу! — с силой выговорила она, однако же в ее голосе Белов услышал больше отчаяния, чем ненависти.

Он внимательно рассматривал ее милое измученное лицо с темными полукружьями под глазами и скорбной складкой в уголках губ. Иван Степанович нисколько не придавал значения горестному всплеску эмоций Анны Звягиной-Здановской и думал он сейчас о том, что следовало бы дать ей денек-другой на успокоение и раздумье, и тогда бы... Но нельзя, время торопит! Он скрутил папиросу, закурил, подошел к окну. На углу напротив губчека бородатый очкарик в коротких, совсем не по росту штанах наклеивал на тумбу свежую афишу. Белов сощурился и прочитал: «Лекция о пользе детских садов». Где она состоится и когда, он не рассмотрел.

«А ей-то, ей-то чего надо? — подумал он с раздражением о Нюсе. — Самое бы разлюбезное дело для нее — детскими садами заниматься...»

Белов отошел от окна.

— Анна Владимировна — сказал он мягко. — Не надо себя погревать. Я все едино не верю, что вы Советскую власть от души ненавидите. Потому как не за что вам ее ненавидеть. Фабрик и поместий у вас сроду не было. Отец ваш всю жизнь работал, как...

Она поспешно перебила его:

— Отца не трогайте! Он здесь ни при чем. Он верой и правдой вам служит — и хватит о нем!

Попыталась язвительно усмехнуться, но усмешка не получилась. Губы ее дернулись, лицо стало по-бабьи жалким.

— Вы правы. Отец ваш верой и правдой служил трудовому народу, — тихо и твердо сказал Белов. — До самого своего последнего часа.

— Что это значит? — Широко расставленные глаза Нюси с ужасом уставились на Белова. — Что вы говорите?!

— Да, Анна Владимировна. Вашего отца, а нашего дорогого товарища Владимира Илларионовича убили враги.

Как ни трудно это ему было, Иван Степанович смотрел на Нюсю, боялся, как бы чего плохого не стало.

— Убили, — с отсутствующим видом повторила Нюся. — Убили... Как это — убили?..

Она вдруг встала, начала осматривать кабинет, будто забыла, где и зачем находится. Сказала деловито, со странным спокойствием:

— Я пойду. Мне надо идти.

Направилась к двери, но, сделав два шага, обернулась. Растерян-но уставилась на Белова.

— Извините... — пробормотала едва слышно. — Я забыла...

— Нет, я вас не задерживаю, — быстро ответил Иван Степанович. — Идите, поговорим позднее, идите. Только... будьте осторожны, Анна Владимировна.

— Да, — повторила Нюся безо всякого выражения. — Буду осторожна...

Белов черкнул на листке несколько слов.

— Возьмите пропуск!

Она взяла со стола бумажку, повернулась, пошла к двери. Движения ее были замедлены, как у сомнамбулы.

«Сломалась, — подумал Иван Степанович. — Не надо бы ее пускать».

Он подошел к телефону, покрутил ручку, назвал номер.

— Евгения? Быстро ко мне, — сказал озабоченно.

От губчека до дома, в котором снимала комнату Нюся, было чуть больше пяти кварталов, четверть часа неспешной ходьбы. Женя Сурикова, шедшая позади шагах в сорока, могла бы совсем не таиться: за всю дорогу Нюся так ни разу не обернулась, не остановилась. Только однажды, когда поравнялась с местом, где нынче утром на нее напал гаюсовский связной, всем телом вздрогнула и чуть замедлила шаг. Но только на секунду. Свернув на Крестьянской направо, она прошла еще с полквартала и скрылась в парадном дощатого двухэтажного дома с висящей над тротуаром верандой, сплошь увитой диким виноградом. Женя остановилась на другой стороне улицы, возле церковной ограды. Отсюда хорошо просматривалась вся улица, и в частности дом, куда зашла Нюся. Следовать за ней дальше не было смысла: и без того было известно, в какую именно квартиру вошла вдова поручика Звягина, в девичестве Здановская.

А та поднималась по визгливой лестнице так же отрешенно, как и шла, мертвенным, ничего не выражающим взглядом встретила открывшую ей дверь соседку и, не сказав ей и «спасибо», прошла в свою комнату. Похоже, Нюся забыла, зачем явилась домой: застав у дверей, она силилась что-то вспомнить, но никак не могла, и страдание отражалось на ее лице. Со двора доносились визг пилы, грубый смех, голоса. Она обхватила руками голову, зажала уши и стояла еще и так.

Но вот она, видно, вспомнила. Опустила руки, подошла к комоду и выдвинула ящичек. Из-под кипы кружевных воротничков, манжет, вышитых батистовых платочков достала маленький никелированный браунинг. Села за стол. Сдвинула предохранитель, передернула ствол, досылая патрон. Подняла голову: с фотографии на стене смотрела пышноволосяя девочка в гимназической форме. Она сидела на стуле с высокой спинкой, скрестя туфельки и опершись локтем на круглый подцветочник. Глаза у девочки были веселые, казалось, она едва сдерживалась, чтоб не рассмеяться.

Зато лицо Нюси вдруг стало злым. Она торопливо сунула браунинг в карман жакетки и, забыв на столе ключи, выбежала из комнаты. Увидев Нюсю, вышедшую из парадного и быстро удаляющуюся по Крестьянской от церкви, Сурикова пересекла улицу и, придерживаясь прежней дистанции, последовала за ней. Когда та свернула на Петроградскую, Женя с облегчением перевела дух: на этой богатой магазинами улице она могла держаться с Нюсей хоть рядом, не рискуя быть замеченной. С приходом НЭПа Петроградская улица стала мало чем отличаться от прежней Панской — главной торговой артерии Самары.

...Тем временем в нескольких кварталах от них, в помещении аптеки № 3 продолжался бестолковый спор на медицинскую тему. Огромный мужик в черной рубаше, галифе и лаптях бубнил очкастому продавцу:

— Ты пойми, мил человек, не с руки мне нынче хворать. Самый извоз. Ты мне дай такого, чтоб враз внутренях полегшало...

— Ты пойми, садовая голова, я же не знаю, что с тобой, — нетерпеливо пояснял продавец. — Покажись врачу, возьми рецепт.

— Да некогда мне по больницам мотаться! — гудел мужик.

— Но лечить-то от чего?

— Я ж толкую: так нутро и ломает, а ты смекай. Вам за это деньги плотють...

Женщины в очереди пересмеивались, лишь одна старушенция в черном платке бурчала:

— Бестолочь, у людей все время отнял, жди тут его...

— На тот свет небось успеешь, — оглянувшись на нее, серьезно пробасил лапотник и продолжал: — Давай какое есть лекарствие. Только бы полегшало.

Продавец зло ухмыльнулся.

— Ну хорошо. Плати шестьсот тридцать рублей. — Он поставил перед невежественным пациентом бутылку с микстурой. — Три раза в день по столовой ложке перед едой.

— То-то... — удовлетворенно пропыхтел мужик и шмякнул о прилавок дензнаками. Продавец, не считая, небрежно смахнул

пачку в ящик: сотней больше, сотней меньше — не все ли равно? Если на базаре подержанные ботинки стоят сорок тысяч, а новые — все сто пятьдесят.

— Простите, вы куда? — Это он повернулся уже к другому посетителю — высоколобому подтянутому мужчине лет сорока, взявшемуся за крышку барьерчика-прилавка.

— На консультацию к провизору, — приглушенной скороговоркой отвечал тот. — По поводу глицериновой мази.

— Пожалуйста. Прошу. Вас ждут.

Голос продавца был будничен, движение, каким он поднял крышку, небрежно. Высоколобый торопливо прошел внутрь аптеки. Его проводил внимательнейшим взглядом старичок с бородкой клинышком, сидящий на деревянном диване невдалеке от дверей. Он уже давно прилежно листал толстенный журнал в хорошем, довоенном переплете.

Продавец перехватил его взгляд.

— Гражданин, вы задерживаете каталог. Что-нибудь выбрали? Имейте в виду: почти ничего, что в нем, у нас нет.

Старичок ехидно улыбнулся.

— Молодой человек, нехорошо посетителя торопить. Когда я выберу, тогда и отдам. Или в вашей аптеке другие порядки?

Продавец с пренебрежением пожал плечами.

— Извините, конечно. Просто каталог мне нужен.

— Мне тоже, — спокойно отпарировал старик с бородкой и неторопливо перелистнул страницу.

В аптеку вошла Нюся. Минуту очередь, она стремительно направилась к прилавку, подняла крышку. Продавец успел загородить ей дорогу.

— Пардон! Сюда нельзя посторонним!

— Я на консультацию к провизору, — запыхавшись, пробормотала Нюся. — Насчет... глицериновой мази...

На лице у продавца отразилась неуверенность.

— А-а... Это другое дело. Прошу вас, — все-таки сказал он,

неохотно пропуская женщину и, к своему неудовольствию, опять поймал взгляд настырного старичка.

Снова звякнула дверь: вошла Женя. Сразу увидев, что Звягиной-Здановской в аптечном зале нет, она не стала подходить к прилавку: остановилась, удивленно расширив глаза — обозначилась, мол, не туда зашла. На улице она растерянно огляделась: где телефон? Через улицу, наискосок от аптеки, высилось здание бывшего «Националя», ныне гостиницы Заволжского военного округа. Чуть не угодив под трамвай — вожатый аж голову втянул в плечи, — Сурикова перебежала рельсы и нырнула в прохладный вестибюль.

Через полминуты у Белова задребезжал телефон. Начальник секретно-оперативного отдела снял трубку.

— Иван Степанович! Она была у себя дома четверть часа. Только что забежала в аптеку номер три, бывшая Гутмана, на Саратовской.

— А ты почему не зашла за ней? Что она там покупает?!

— Нет ее в аптеке, нет! Я зашла, а ее нет!

— Смотри во все глаза! Сейчас будем!

Он повесил трубку, дал отбой и тотчас снова торопливо позвонил:

— Алло! Дежурный? Автомашину! И всех, кто есть в отделе, — со мной.

6

В самой дальней комнатке аптеки, заставленной банками, бутылками, коробочками и бумажными кулями, Гаюсов инструктировал руководителей ударных пятерок. Пока подошли только трое: кражистый железнодорожный инженер с висячими усами, рослый хлыщеватый красавец с очень высоким от залысин лбом и скромный рябенький человечек в обмотках, с темными следами отпоротых карманов на гимнастерке. У каждой пятерки была своя локальная задача, и Гаюсов считал, что чем меньше боевики будут

знать друг о друге, тем незначительней будут потери в случае провала.

Однако же ограничиться только сухим инструктажем Борис Аркадьевич, естественно, не мог: позер по натуре, он нуждался в театральщине, в эффектах. Стоя с вытянутой рукой возле батареи разноцветных банок и опираясь костяшками согнутых пальцев о столик, он говорил, обегая взглядом лица слушателей:

— Поздравляю вас, господа! Пора бездействия кончилась. Отныне мы уже не вправе распоряжаться собой — теперь наш ум, наши сердца, каждая минута жизни должны быть подчинены руководству Самарского освободительного центра. От его имени я и уполномочен с вами говорить.

Видимо, он все же перехватил с патетикой: породистое лицо хлыща поморщилось, железнодорожник напряженно смотрел в угол. Только человек в обмотках с восторгом пялил на него светлые свои глазки.

— Вы знаете, что именно вашим пятеркам придется особенно нелегко. — В голосе Гаюсова прозвучали драматические нотки. — Захват и уничтожение архивов ЧК потребуют от вас не только отчаянной смелости, но и невероятной быстроты действий... Я познакомлю вас с подробным планом операции, и мы вместе уточним боевые задачи каждой пятерки. А несколько позднее вы встретитесь с одним из руководителей нашего освободительного движения. Этот человек обладает всей полнотой власти...

Дверь распахнулась. На пороге стояла Нюся. При виде Гаюсова лицо ее вспыхнуло радостью, в которой, впрочем, было что-то от безумия.

— Ты!... — с горечью и болью выкрикнула она с порога. — Ты! Подлец!

Измученный, Гаюсов не успел и слова сказать: застыв в своей античной позе, он смотрел, как Нюся вынула из кармана браунинг, как медленно подняла руку с оружием и выстрелила ему в лицо. Но нажала она на спусковой крючок слишком резко, ствол

нырнул, и пуля, выпущенная с расстояния пяти шагов, не задела Гаюсова.

Звуки двух выстрелов почти слились: сидевший возле двери белоглазый человек в обмотках не промахнулся. Дернувшись, как от толчка, Нюся выронила блестящий браунинг. Опустилась на колени, прижимая руку к груди, и мягко ткнулась лицом в какой-то мешок.

Гаюсов бросился к двери и щелкнул задвижкой.

— Быстро! — скомандовал он, засовывая в карман бумажки, которые минутой раньше разложил на столе. Он подбежал к окну, выдернул шпингалет из гнезда, толкнул раму. — Уходим через дворы! О следующей встрече известим, как обычно. Быстро! Сейчас здесь начнется.

Первым выскочил на подоконник лысоватый хлыщ. За ним, мешая друг другу, выбрались железнодорожник и мужичонка. Гаюсов носком штиблеты повернул голову Нюси. Лицо ее уже стало изжелта-бледным, из уголка рта и носа стекали темно-красные струйки, впитываясь в мешковину.

— Да-а... — Гаюсов скрипнул зубами, отвернулся и взялся за оконную раму...

В дверь нерешительно толкнулись, послышались взволнованные женские голоса:

— Соломона Давыдовича позвать...

— Ой, осторожно вы...

— А почему я? Сама и сбегай...

— Нет, я, я...

Затем за дверью стало тихо. И только минут через пять забухали шаги. От могучего удара Шабанова дверь чуть не слетела с петель, а задвижка согнулась, будто жестяная. Четверо чекистов — среди них Женя и Белов — вломились в комнатку. Звякнули задетые кем-то склянки, разбилась, упав со столика, желтого стекла бутылка. Запахло не то эфиром, не то еще чем-то аптечным.

— В окно! — крикнул Белов. — Шабанов, Коницев, живо!

Женя, присев на корточки, смотрела на Нюсю. Отогнула веко, попыталась нащупать пульс. Подняла глаза на начальника.

Видно, взгляд Жени сказал ему все.

— Эх, Анна Владимировна!.. — Белов закусил губу, быстро-быстро заморгал. — Как же это я... Ах ты, незадача какая...

— Товарищ Белов, — доложил молоденький сотрудник с порога. — Все задержанные в кабинете.

— А провизор?

— Тут. Аптечные барышни сбегали.

— Ладно, пошли, — хмурясь, сказал Белов.

7

В стеклянных шкафах, уходивших вдоль стен под самый потолок, было столько пробирок, склянок, пузырьков и бутылок с хвостами рецептов, что чекисты старались ходить по провизорскому кабинету бочком, только бы ненароком чего не задеть. Сам хозяин провизорской, курчавый, обильно сидящий брюнет в шлепанцах и жилете — прибежал из дому, в чем был, — сидел на кожаном диване и перепуганно тараторил на Белова поверх пенсне. А тот говорил:

— Стало быть, так-таки ничего и не знаете? Хорошо. Были дома? В вашей аптеке собирается контра, человека убивают, а вы, значит, и в ус не дуете? Извините, Соломон Давыдович, не резонно в эдаком положении отпираться и не умно...

Провизор скорбно вздохнул.

— Э-эх, гражданин следователь! Разве я имею чем объяснить? Или я не понимаю, что вы мне все равно не поверите? Разве я мог даже себе представить, что на старости лет попаду в такую историю? Наверное, я сейчас сплю и вижу кошмарный сон. У меня же трое детей, гражданин следователь! Или я похож на заговорщика, или как? Клянусь вам, я честный старый человек. Поверьте мне!

— Ну, хорошо, честный так честный. — Белову до боли зуб-

ной неприятна была эта жалобная болтовня. — Как же бандиты оказались у вас?

— Откуда мне знать? Или я свят дух? Всем в аптеке известно, что у меня сегодня домашний день. Откуда я могу видеть, что в аптеке? Абсолютно сумасшедшее дело!

В комнату вошли Женя, Коничев, а с ними еще двое — аптечный продавец в овальных очечках и старик с бородкой клинышком — тот, что листал каталог.

— Иван Степанович, этот вот — продавец розничного отдела, — сказала Женя. — Он их пропускал.

Белов кивнул.

— А этот господинчик, когда стали стрелять, выскочил из аптеки и попытался удрать. Я его и задержала.

— Угу, — мельком посмотрев в их сторону, опять кивнул Белов. — Сядьте на диван, граждане.

Усаживаясь с краешку, старик удрученно вздохнул, вытер лоб платочком. Продавец продолжал стоять. Покусывая нижнюю губу, он смотрел себе под ноги.

— Ладно, продолжим, — обратился к нему Белов. — Может, вы проясните, кто это собирался у вас нынче? Или тоже ничегошеньки не знаете?

Продавец молчал, не поднимая глаз.

— Тоже не знаете, — вздохнул Иван Степанович. — Как хотите. Придется вам про все договаривать в губчека. Узнай-ка, Сурикова, проверку там закончили?

Женя вышла. Белов достал из кармашка гимнастерки фотокарточку Гаюсова и показал провизору.

— А этот субъект вам тоже незнакомый?

Тот пристально взгляделся в фотоснимок, даже губы оттопырил от напряжения. Сокрушенно развел руками:

— Уверю вас.... Совершенно незнакомый субъект.

Чекист показал карточку продавцу, но тот равнодушно пожал плечами. Ему, похоже, сейчас было все равно.

— Так знаете?

— Нет. Не видел никогда.

— Э-э... Простите, — слышался с дивана робкий голос старичка. — Вы разрешите... Я взглянуть...

Он взял фотоснимок, повернул его к свету, отставив руку и подняв бровь.

— Позвольте, — почти возмущенно забормотал он. — Так это же... — Он повернулся к продавцу. — Ради бога, я прошу меня простить, но полчаса назад он приходил к вам. Да-да, по поводу глицириновой мази... Я очень хорошо помню эти слова.

— Какая еще глицириновая мазь?! — взвизгнул провизор, тряся седыми кудрями. — Что это за такая нелепая глупость — глицириновая мазь?! Какая может быть консультация?!

Он задыхался от негодования, а старичок спокойно продолжал:

— Ваш гражданин продавец сказал, что его ждут — этого человека, который на фотографической карточке изображен. И, насколько я помню, назад он не выходил.

— Врете! — окрысился продавец, срывая с носа очки. — Ничего вы не видели! Стопроцентная клевета! Да-да, не видели вы ничего!

Старичок смешался.

— Н-не знаю... Но я готов поручиться, — осторожно выговорил он слово «поручиться», — что этого молодого человека я хорошо запомнил. Поверьте.

Провизор обернулся к побледневшему продавцу.

— Как вы могли, Александр Петрович, — с отвращением сказал он, и в голосе его слышались слезы. — В нашей аптеке!.. Это же, это же... свинство!

— Куда же он в таком случае делся? — спросил Белов, уже просто так, не надеясь на ответ.

Продавец молчал, нервно покусывая губы.

— Проверка закончена, — сообщила, приоткрыв дверь, Женя. — Там одни старухи. Можно их отпустить?

— Ага, — сказал Белов несколько рассеянно. — А этих — в машину! — он указал на продавца и провизора.

— Боже, боже мой! — воскликнул Соломон Давыдович, хватаясь за виски и горестно раскачиваясь.

— Идите же! — зло прикрикнул на него продавец. — Вам-то что!

Когда чекисты увели арестованных, Иван Степанович подсел на диван к старичку.

— Чего же вы, папаша, убежать надумали? — совсем уж благожелательно сказал Белов. И похлопал его по рукаву.

— Простите... Когда господь хочет человека наказать, он отнимает у него весь его разум. Знаете, когда стреляют, я... не могу. Растерялся, знаете ли... Вот и решил... подальше...

Белов еле заметно улыбнулся: по всему было видно, что чистенький старичок ему чем-то симпатичен. Но тут же посерьезнел глазами и спросил:

— Что еще скажете про этого самого человека, который на фото?

Старичок потер переносицу, подумал. Ответил с запинкой:

— Пожалуй, больше ничего я не могу о нем сказать. Сегодня я впервые увидел его здесь. Так что... Хотя, впрочем...

Он замолчал, поднял на Белова выцветшие, некогда голубые глаза.

— Знаете, товарищ начальник... Когда я читал каталог, к продавцу все время подходили люди. В основном... ну, все такие крепкие мужчины. И все они шли на какую-то консультацию по глицериновой мази. Меня это несколько удивляло. Они не производили впечатления больных. И они совсем не были похожи на специалистов по медикаментам. Знаете, дело это есть очень тонкое — фармацева...

Задумавшись, Белов словно забыл о собеседнике.

— Товарищ командир, — услышал он умоляющий голос старичка. — Вы разрешите мне уходить?

— Да-да, — рассеянно произнес Белов. — Конечно, идите. Только разрешите на ваш документик взглянуть.. Запишу на всякий случай. Может, что уточнить придется.

— К вашим услугам, — с вежливейшим полупоклоном старик

подал паспорт. — В любое время. Гюнтер Макс Иванович, проживаю на Соборной улице, в доме Загатовой. Всегда к вашим услугам.

— Макс Иванович Гюнтер, — старательно вспоминая, заморгал Белов. — Это не возле... нет, недалеко от вас нашли?.. Вы еще показания нам давали... Нашему товарищу.

— Да-да, — чуть ли не радостно подхватил Гюнтер. — По поводу одного смертельного эпизода на территории квартала, где я проживаю? Если не секрет, удалось ли что-нибудь выяснить?

— Секрет, Макс Иванович, — весело сказал Белов. — А за помощь вам спасибо от лица чрезвычайной комиссии.

Он протянул ладонь.

— Что вы, что вы... — бормотал Гюнтер, опасливо пожимая чекисту руку, — я так рад...

Когда он ушел, Белов сосредоточился, припоминая.

«Где же я еще слышал эту фамилию — Гюнтер? — Какое-то полустертое воспоминание так и разъедало мозг. — Немец, перец, колбаса... Что немец, так это по разговору слышно, а вот Гюнтер... Гюнтер, Гюнтер, Гюнтер...»

Он даже зажмурился, и тут вдруг так и вспыхнуло перед глазами: листок, исписанный почерком Михаила Ягунина, черновик донесения о фон Вакано, владельцах Жигулевского пивоваренного завода. Эту бумажонку он носил Павлу Павловичу Павлову на экспертизу, как же можно было забыть! Ну, конечно: там, среди лиц австрийской и немецкой национальности, приближенных к Вакано, была фамилия Гюнтер и, кажется... Так-так... Именно мастера-пивовара!..

«Частенько что-то он суется нам под ноги», — промелькнуло у Белова, но размышлять над этим было ему недосуг...

ВТОРНИК

1

Когда Иван Шабанов заглянул в лавчонку «Охота и рыболовство. И. И. Семеняка», в полутемной каморке было всего два покупателя — прыщеватый юноша, выбиравший удочку подешевле, и человек потрепанного вида и неопределенного возраста, который, судя по всему, забрел в магазин от жары и от скуки. Парнишку с удочкой Иван переждал, а небритого зеваку пришлось турнуть, иначе он проторчал бы до морковкиного заговенья. Шабанов избрал простой способ: он стал в упор разглядывать без-

дельника, и тот очень скоро счел за лучшее уйти. Только после того Иван обратился к полнощекому Семеняке с вопросом о любительском обществе «Самарский охотник-спортсмен».

— Нету! — твердо ответил хозяин лавки и энергично потряс напомаженной головой. — Слыхом не слыхивал... Может, «Кустарно-промышленный Союз охотников»? Который открыли недавно, сразу после масляной? Или, может, «Кооперативное рыболовное товарищество»? Так то рыбаки.

— Да нет же, — досадовал Шабанов. — «Самарский охотник-спортсмен», общество любителей, значит, не кооператив никакой.

— Путаете вы, гражданин, — недовольно сказал Семеняка, глядя в сторону, и с некоторой обидой отчеканил: — Потому как или у меня, или же у братца моего на Троицком они кредитуют, все общества эти. У кого же им еще покупать дробь? Иль крючки? Исключительно у нас.

Иван повел могучими плечами.

— Бывайте здоровы, — сказал он, выходя из лавки.

Он побывал и на Троицком рынке, но и там ничего не узнал о загадочном обществе, которое давало объявления в газете. Н. И. Семеняка, точь-в-точь братец, но еще поваляжней — посоветовал Шабанову узнать в губфининспекции, где, как он выразился, «обо всех, с кого можно взять, знают всю подноготную-с».

В инспекции губастенькая девушка за конторкой долго водила пальцем по строчкам в толстом гроссбухе. Заглянула еще в какую-то книжицу. Развела руками.

— Не зарегистрировано, товарищ, — не по-самарски окая, сказала она Ивану. — В губернии такого общества охотников пока что нет.

Иван на всякий случай сунулся и к начальству. Молоденький совчиновник важно поглядел на него из-за стола и, явно рисуясь перед пишбарышней, пророкотал сочным баритончиком:

— На то мы инспекция, чтобы знать. Не морочьте голову, товарищ! Сказано: не числится — и точка! Все, все, товарищ! Привет. Люди работают.

Пришлось Ивану Шабанову ни с чем вернуться в губчека. Как ни странно, Белова его сообщение не только не огорчило, но даже, пожалуй, обрадовало. Он сидел за столом и увлеченно перелистывал газетную подшивку, что-то отчеркивал карандашиком и вставлял бумажные закладки.

— Как там наш Михаил? — спросил он у Шабанова, не отрываясь от газет. — Опять я сегодня к нему не попаду.

— Я загляну к нему вечером, — отозвался Шабанов. — Нехорошо только, Иван Степанович, с его землячкой вышло.

— А что такое? — удивился Белов.

Выслушав рассказ о том, как Нинка получила у Левкина отставку и в каком виде Шабанов увидел ее после в ресторане, Иван Степанович расстроился.

— Ах ты чертовщина, — сокрушенно пробормотал он и хотел было тотчас позвонить Исаю, но передумал.

— Ты найди, ее, тетка, нынче же... Прежде чем к Михаилу пойдешь. А я с финхозом улажу. Есть?

— Есть, — сказал Шабанов и ушел. Белов же опять с головой окунулся в подшивку «Коммуны». За этим занятием и застал его председатель губчека.

— Слыхали? — спросил его Белов. — Пропал сеттер-лаверак.

— Что? — густые брови Вирна поползли вверх. — Что за штуковина?

— Собачка такая. По-другому называется — английский сеттер. Ценной породы, видать.

Недоумевающий взгляд председателя явно веселил Белова, который продолжал темнить.

— Я думаю, без этого пса нам никак не обойтись, Альберт Генрихович.

Вирн сел у стола Белова, выжидательно глядя. Спросил:

— Кажется, есть новости?

Иван Степанович замигал, улыбнулся:

— Как сказать... Новость не новость, а мыслишка есть. Помни-

те квитанцию в кармане убитого? На газетное объявление про охотников. Вот, полюбуйтесь, в четверг такое же было.

Он подал Вирну газету, где карандашом было отчеркнуто объявление:

«Общество «Самарский охотник-спортсмен» извещает, что баллотировка кандидатов в правление назначается на следующий понедельник, в доме Саврасова».

Увидев, что Вирн прочитал, Белов заметил не без торжества:

— А между прочим, общества такого в Самаре нет. Мы проверили.

— Да? — отнюдь не удивился Вирн. — Думаете, что это их почта?

— Вот именно. И как раз в день, когда эта самая... баллотировка, происходило их совещание в аптеке. Резон или нет?

Председатель губчека ответил совсем не то, чего ждал Белов:

— Опростоволосились мы с буфетчицей. Непростительно.

— Напрямую давайте говорить. Не мы, а я прошляпил, — бросил Белов. — И готов отвечать, как положено.

Председатель губчека промолчал. Белов подвинул к нему подшивку. Пока Альберт Генрихович раскрывал ее на закладках и читал отмеченное, Белов неторопливо рассказывал:

— Я за весь этот год просмотрел. Почта их действует давно. Объявления разные, но везде это самое общество. А трижды попало такое объявлениице: проял, мол, английский сеттер, а в скобочках — лаверак. Нашедшего просят обратиться в общество «Самарский охотник-спортсмен», к такому-то. Без адреса. Что за особое собачье объявление, интересно? Скорей всего сигнал. Да вот какой?

Вирн задумчиво потер подбородок.

— М-м... Любопытно...

— Вот и я говорю: очень нужна нам эта собачка, — заключил Белов. — Знать бы только, где ее ловить...

— Так прям и сказала? — угрюмо переспросил Ягунин.

— Прям так и сказала, — эхом отозвался Шабанов.

— И ты не дал ей по морде? Тоже мне чекист.

— Ну, ты, брат, совсем очумел, — возмутился Иван. — За что же я простого человека бить стану? Пусть даже пьяная она. Помнишь, как Вирн говорил, что мы, значит, являемся исполнителями диктатуры пролетариата, а не диктатуры над пролетариатом.

— За такие речи ей все равно стоило дать! — зло упрямылся Ягунин.

— А какие такие речи? Правду-матку резанула. Что ж, подыхать было ей? Коли уж мы ее турнули, на что надеяться было?

— Я ей таких оскорблений ни в жисть не прощу. — Ягунин сжал челюсти и насупился. — Предателем не был и не буду, пущай не брешет. Я ж не виноват, что так вышло... С этим моим арестом...

— Ясное дело, что ты не виноват. Да Нинка-то откуда знала? Может, она тебя, дубину, полюбить успела, а ее раз — и коленкой.

Они огорченно помолчали.

— Очень, говоришь, пьяная была? — тихо спросил Михаил.

— Порядком. В пролетку ее господинчик один еле затолкнул, чуть не на руках. Сама не могла, спьянилась... И на кой я сунулся к ней? Только тебя травлю. Одни нелады выходят.

Иван расправил плечи, и Михаил с невольной завистью на него покосился. Шабанов вздыхал: трудный получился разговор, но не врать же самому лучшему другу? Свихнулась Нинка, понятное дело, от отчаяния и полного разочарования в хороших советских людях. Однако в том, что потеряла она в них веру, разве Мишка виноват?

Уже основательно свечерело. Они бродили меж остатков госпитальных цветников, какими здесь гордились до революции, и сестрички уже не раз бросали внимательные взгляды на незна-

кого-то статного парня. Рядом с Шабановым Михаил в долгополом халатике и с подвязанной рукой смотрелся захудалым мальчонкой.

Когда они в тягостном молчании вышли к главному корпусу, навстречу с тюком белья попалась немолодая санитарка. Глаза у нее были зареванные.

— Чегой-то она? Из-за доктора? — спросил Иван.

Ягунин шмыгнул носом.

— Знаешь, сколько плачу было? Жалуют. Вроде кричал на всех, боялись его — страх, а надо же... Любили.

— Поймаем — сразу к стенке, без разговоров, — сердито буркнул Шабанов. — Да, чуть не забыл: Белов велел, чтоб ты приглядывался, как тут и что. Может, разговор какой про доктора или предположение, кто его мог...

Некоторое время Ягунин размышлял над его словами. Сказал мрачновато:

— Да я уж и так башку ломаю. Может, и зря. Но чую, понимаешь, чую, что неспроста его кончили. Понимаешь, сразу ж на другой день после приезда убили, будто торопились. Э-э! И я ведь чуть не забыл! Зашел я тут в одну палату. В инфекционную — вон там... Закурить захотелось.

— Да ты что, ошалел? Тебе же нельзя курить!..

— Пошел ты! — рассвирепел Ягунин. — Слушай сюда. Так вот, сидят там, понимаешь, такие рожи — ай да ну! В карты режутся — из-за двери услышал, как они все про черви да про пики... Ну отъявленное офицерье! Я их таких в девятнадцатом насмотрелся, в глазах стоят...

— Ну, брось! — недоверчиво скривился Шабанов. — По рожам определять, тоже мне. И в Красной Армии есть из бывших, которые...

— Да знаю! — с досадой перебил Михаил. — Но если, Ваня, все вместе собрать, в одну кучу, то шибко подозрительно выходит. Уж не скрывает ли наша врачиха кого? Ее ж костерил глав-

ный врач, покойник, за каких-то типов, про симулянтов кричал. Я сам слышал. Вдруг в самом деле гнездо? А, Вань?

— Погодь-ка, — проговорил Шабанов, останавливаясь. Огляделся, убедился, что вокруг никого, и, вынув из кобуры револьвер, быстро сунул его в халат Ягунину.

— Пригодится, — шепотом сказал он. — Мало ли...

— Ты, смотри, Белову все до мелочи... — начал было Ягунин и умолк.

Из дверей главного корпуса вышла Ольшанская, рассеянно кивнула Михаилу и направилась к воротам.

— Вот она, — приглушенно сказал Ягунин. — Не верти башкой. Тихо! Куда-то она, интересно, так наострилась?

Ольшанская тем временем скрылась в проходной.

— Ну, бывай, — заторопился Шабанов. — Берегись тут. Мы им проверочку сварганим. Выздоравливай! А я счас твою врачуху провожу...

Он тряхнул руку Михаила и... не пошел а, спросил, глядя в сторону:

— А как с Нинкой-то?.. Может, как повлиять?..

— Не до Нинков, — отрезал Ягунин, да голос его дрогнул.

Шабанов быстро зашагал к проходной. Михаил смотрел ему вслед, и выражение его лица, сердитое, ершистое, стало смягчаться. Когда же Иван скрылся с глаз, Ягунин продолжительно вздохнул и, прижимая локтем тяжелый револьвер к боку, поплелся к себе в палату.

3

Нина Дмитриевна Ольшанская, заместитель главного врача госпиталя Заволжского военного округа, хоть и шла быстро, но все же не настолько, чтобы затруднить наблюдение Шабанову. Уже начинало темнеть, но сумерки были ранние, реденькие, и Иван мог надеяться, что, по крайней мере, еще с полчаса он не потеряет ее из виду. Он боялся только, чтоб она, выйдя на Ново-

Садовую, не села в трамвай: в вагоне Ольшанская беспрерывно узнает Ивана — вон как зыркнула, когда они с Михаилом прохаживались возле цветников. Шабанов вспомнил иллюстрацию из комплекта журнала «Родина» за 1912 год, который как-то нашел его дядька, дворник: берлинский трамвай из двух сцепленных вагонов. И позавидовал, что Самаре еще далеко до Берлина.

Однако зря беспокоился Иван: Ольшанская и голову не повернула в сторону трамвайной остановки. Дойдя до Полевой, она свернула и пошла в гору, удаляясь от Волги. Сначала она оглядывалась, но совсем не от того, что подозревала слежку, а в поисках извозчика, что Шабанову тоже было некстати. Но столь далеко от центра да в темную пору надеяться поймать свободную пролетку было так же глупо, как найти кошелек. Быстрым шагом — Шабанов в полусотне метрах сзади — они шли кварталами деревянной Самары, миновали Садовую, Крестьянскую, Уральскую улицы, снова пересекли трамвайные рельсы (и опять Шабанов порадовался, что Ольшанской трамваем не по пути) и, оставив позади тюрьму, а по-нынешнему — дом принудработ, повернули на Оренбургскую улицу.

«Неужто явка в церкви?» — встревожился Иван Шабанов, понимая, как осложнится тогда его задача. Но нет, Ольшанская прошла мимо церкви и дальше — за трамвайный парк. «Если она вернет в сад Чаковского, то пиши пропало», — мелькнуло у Ивана, и тут же он с облегчением убедился что докторица свернула с Владимирской в одну из заросших желтоватой муравой улочек Солдатской слободы. Этот одноэтажный, сплошь деревянный район Самары для Ивана был сейчас удобен: в маленьких двориках сыскать человека проще, чем в каменных трущобах проходных дворов. Да и спрятаться можно за любым крылечком в случае чего.

Сумерки уже сгустились до бархатной синевы, и Шабанову пришлось сократить дистанцию метров до двадцати — иначе упустишь. И все-таки он чуть было не прозевал: не приметил, в

какой из дворов юркнула Нина Дмитриевна. Вот так — шла, шла и исчезла.

Пришлось соображать. Иван прогулялся ленивой походкой до половины квартала, приглядываясь да прислушиваясь в надежде, что сыщется какая примета. И точно: засветилось вдруг одно из темных окошек. Затем оно потускнело, но зато осветилось соседнее: видно, перенесли лампу в другую комнату. Иван легонько толкнул парадное и по звуку понял, что дверь закрыта только на крючок. Зато калитка оказалась незапертой. Войдя во двор, он прошел к ступенькам веранды, темной, с разбитыми стеклами. Легко, не скрипнув, поднялся. Окно, что выходило на веранду, было занавешено неплотно, и через щель Шабанов различил мелькнувшую в дальней комнате женщину, вроде бы Ольшанскую. Он приник лицом к стеклу.

Жидко звякнула щеколда. Дверь на веранду приотворилась, в ее проеме неясно белело лицо.

— Что надо?!—грубо крикнул человек, вглядываясь в Шабанова и не отпуская дверь.

— Мартынюки не здесь проживают? — пробормотал, словно бы растерянно, Шабанов.

Человек сделал с порога шаг на веранду. Всего один шаг. Правую руку он держал в кармане брюк.

— Не здесь, — буркнул он, и в этот момент в глубине дома распахнулась дверь, и прихожая, соединявшая комнаты с верандой, осветилась. Человек недовольно обернулся. Свет упал ему на лицо, и Шабанов узнал его тотчас — это был Гаюсов, чью фотокарточку носил при себе каждый сотрудник губчека. Шабанов шлепнул ладонью по пустой кобуре и, поняв, что этим движением выдал себя, не колеблясь ни мгновения, бросился на него. Сбив Гаюсова с ног, Иван с размаху придавил его телом, и почувствовал, как тот пытается вытащить из кармана прижатую к полу ручку. Чекист изо всех сил сдавил ее у запястья огромной своей клешней, а вторую накрепко припечатал к полу. Колено Шабанова придавило грудь Гаюсову, который хрипел, извивался, но

был, что называется, готов. Кисть выламываемая Шабановым, ослабла, и Иван ощутил, что в кармане револьвер, и обрадовался этому, потому что добраться до оружия было теперь делом секундным.

— Оставьте его! — пронзительно закричала Ольшанская. Она стояла, ошеломленная, у раскрытой двери в комнату, прижимая стиснутые руки к груди, и Шабанов заметил рукоять маузера. Ствол его плясал.

— Брось пушку! — задыхаясь, рявкнул Шабанов. На миг отпустив сомлевшего Гаюсова и привстав, он рванул у того из кармана револьвер, но ствол зацепился, раздался треск рвущейся материи. Нину Дмитриевну затрясло. Она зажмурилась, вытянула руки вперед. Бахнул выстрел. Шабанов дернулся, широченная спина его выгнулась в конвульсии.

— Ах, так... — пробормотал он и попытался подняться, но вместо этого уткнулся лицом в грудь Гаюсову. Маузер, выпущенный из рук Ольшанской, грохнулся рядом с револьвером, который Иван все-таки успел достать.

— К черту, — прохрипел Борис Гаюсов. Сбросил с себя тело Шабанова и встал на колени перед ним. — Точно в сердце!..

Ольшанская тихо мычала, не отрывая круглых от ужаса глаз от убитого. Лицо ее исказилось.

Тем временем Гаюсов потрошил карманы шабановской гимнастерки. Вынул удостоверение, повернул к свету.

— Чекист! — с ненавистью выкрикнул он. Сунул документ в карман, вытер мокрый лоб. Животный страх подкатил к горлу.

Нина Дмитриевна снова прижала трясущиеся руки к груди. Губы ее прыгали.

— Значит... Значит, и тот... — шептала она.

— Кто?!

— Там... В госпитале... один раненый. Они говорили с ним... Они секретничали... Я видела... — В полный прострации Ольшанская закрыла лицо ладонями, затем судорожно стиснула пальцы. — О-о-о, — тихо постанывала она. — О-о-о-о...

Гаяусов рассвирепел.

— Возьмите себя в руки! — с яростью зашипел он на Ольшанскую. Немедленно в госпиталь! Забинтуйте мне голову — и в госпиталь!..

...Через четверть часа в дежурное помещение трамвайного парка вбежала красивая, культурно одетая дамочка. Черные ее волосы выбились из-под газового платочка, глаза были мокрые и шальные, помада смазана.

— Я доктор... Мне позвонить... Срочно в госпиталь... Прошу вас!

— Да звоните, звоните! — переполошился вахтер. — Вон он, аппарат-то, на стеночке, в том уголку...

Нина Дмитриевна нервно покрутила ручку.

— Один-ноль-восемь... Скорее, барышня, пожалуйста!..

Вахтер тихонько поцокал: однако беда как волнуется дамочка, ох!

— Алло! Мария Федоровна? О господи, как хорошо, что это вы! Да-да, это я. Мария Федоровна, дорогая, у нас в первом корпусе, в торце, лежит Никишин, знаете?

Она замолчала, с напряжением слушая ответ сестры.

— Да, седьмая палата, да-да, каптерка!.. На всякий случай переведите его в подготовительную. Занята? Тогда в приемный покой! Ночью не исключена операция. Нет, до утра нельзя, немедленно переведите!..

Повесила трубку. Вдохнула. Словно обессилев от разговора, медленно добрела до двери.

— Благодаря вас... — еле слышно сказала она уже с порога, и вахтеру почудилось, что взгляд молодой женщины ищет кого-то за дверью, в густой, считай, ночной уже темноте.

4

Духота в палате была нестерпимой. Что толку в настежь открытом окне, когда воздух недвижим и сух? И Волга вроде бы рядом — прямо под горой. Да, ветер с пылюгой — плохо, и безветрие —

плохо. Что за лето проклятое, что за год! С таким удовольствием отсеялись, и на ж тебе: поднявшись, сгорели по всей губернии хлеба. Вот тебе, крестьянин, и вся радость по случаю окончившейся продразверстки. Перед таким недородом, как перед смертью, все равны. Не помогут и реформы, какие ни придумай. Потому что не в том состояло главное сейчас, как от крестьянина хлеб брать, а в том, где ему, родимому, этот хлебушек взять.

Пока не приходили за Никишиным, Ягунину лежать было еще терпимо: хоть и не спалось, да скрашивала им бессонницу беседа. Никишин сам оренбургский, но не казак, конечно, а из крестьян, из голодной бедноты. Хлебные вопросы волновали его не меньше, чем Михаила: у обоих в деревнях остались матери, родня, мелкие сестренки-братишки да племяши. Переживут ли они нынешний год — вот к чему все скатывался разговор. А как им помочь? Трехсот тысяч рублей ягунинской зарплаты не хватило бы и на пуд муки, а ведь жить надо было и самому. У Никишина же денег было совсем почти ничего — на срочной красноармейской службе какие получки?

Их немало озадачило появление в неурочный час сестры милосердия. Она и сама толком не знала, зачем это Никишину потребовалось ночью переселяться, мямлила несуразное о возможности операции. И хотя Никишин божился, что язва его заживает, пришлось подчиниться. Кровать его опустела, и Ягунину взгрустнулось.

Он снова — в который раз за этот вечер — вспомнил льняные кудряшки Нинки Ковалевой, ее восторженно глядевшие на него серые глаза, тонкий голосок. «А ведь пропала деваха, — думал он с горечью. — И виноватый я, из-за меня подточилась у нее вся вера в Советскую власть. Глядишь, приучится пить, болезнь какую подцепит, с ворами свяжется...»

Жалко, эх жалко было ему Нинку Ковалеву! И он стал придумывать, как будет ее выручать, когда выпишется из госпиталя. «Подключу Елену Белову, она уму-разуму поучит, — мечтал Ягу-

нин. — А от дядьки заберем, к лешему его, нэповского прихлебателя. Устроим Нинку в комбобщежитие, а ежели неграмотная — в ликбез при комсомольском клубе... Отдам ей свой ордер на мануфактуру, у Шабанова тоже выпрошу... В комсомол, глядишь, вступит. Надо того, шибко серьезного парня найти, Федора Гавриловича Попова, пусть вовлекает...»

Мысли текли приятные, обнадеживающие, и духота уже не казалась непереносимой. Под хорошие мысли он и задремал. Стало мерещиться ему, что он уже выписался и что сидит с удочкой на берегу Волги, а напротив — Жигули, мохнатые, зеленые. Ослепительно блестит солнце, аж глаза режет. Жарко Ягунину и хочется пить. Он откладывает удочку, спускается к воде. Наклоняется и видит свое отражение. Но только это не его лицо: из воды на Ягунина смотрит ухмыляющийся Гаюсов! Оцепенение охватывает Михаила, он не может шевельнуться, не в силах оторвать взгляд от ненавистой морды. Он кричит, а звука нет.

Ягунин застонал и проснулся. Тихо было в госпитале, тихо, душно и темно. Он снова закрыл глаза, полежал так немного. Рука ныла, и Михаил сменил позу. Тикали в коридоре ходики. И все. Никаких больше звуков. Раньше хоть Никишин посапывал рядышком, не так тоскливо было ночами.

Внезапно под окном раздался еле слышный шорох. Скрипнула — и тоже тихонечко — рама. Ягунин, не поворачивая головы, скосил глаза и вздрогнул: в темно-синем проеме окна проявился черный силуэт. Кто-то беззвучно перелезал через подоконник, а за ним, этим кем-то, в окне показались еще чья-то голова и плечи.

Ягунин осторожноенько просунул руку под подушку и нащупал теплую рукоять шабановского револьвера. Сердце его заколотилось бешено.

— Кто?! — крикнул он резко, во весь голос.

— А! — со злостью рыкнул неизвестный. Схватив с кровати Никишина подушку, он бросился к изголовью Михаила. Второй ойкнул и выругался, с размаху наскочив в темноте на кровать.

От пронзительной боли в ключице Михаил потерял сознание, но

лишь на миг. Зато тотчас навалилось удушье: накинув на лицо Ягунину подушку, ночной тать сдавил ему горло железными пальцами. Другой навалился на брыкающиеся ноги. Извернувшись, чекист высвободил руку из-под собственной подушки и ткнул револьверным дулом в бок душителю. Среагировал тот поздно: хотел было метнуться в сторону, да спусковой крючок Михаил уже нажал. Приглушенный выстрел и дикий крик боли прозвучали одновременно. Второй метнулся от кровати и мигом вскочил на подоконник. Михаил увидел вспышку в его руке и сам выстрелил в уже присевшую, чтобы спрыгнуть во двор, фигуру. Кажется, он попал, потому что силуэт в окне странно дернулся и исчез.

По коридору кто-то бежал, слышались возбужденные голоса. Ягунин включил в палате свет и увидел, что на полу, раскинув руки, лежал чернявый атлет с челкой, который нынче утром угощал его папироской в «холерном бараке». Темно-красное пятно растекалось на гимнастерке пониже ребер, а в открытых глазах... Лучше б Ягунин в них не смотрел.

Стукнула дверь. В проходе толпились сестра, санитарка, какие-то люди в исподнем. Их расталкивал Никишин, гудя:

— А ну, пусти, говорю!

Из-за его плеча высовывались стриженные головы еще каких-то незнакомых красноармейцев в нижних рубашках.

— Никишин! — чуть не срывая голос, крикнул Ягунин. — Бежи к телефону! Вызывай ЧК! Пусть Белову скажут!

Он обернулся к красноармейцам.

— А вы — к часовому, бегом! Никого из госпиталя не выпускать! Никого, даже докторский персонал, никого!

Ягунин подбежал к окну и выглянул во двор. Только у ворот да у подъезда главного корпуса оранжевели фонари. Привидениями мелькнули мимо окна две фигуры: это красноармейцы, сверкая кальсонами, спешили к проходной.

Михаил, скрипя зубами от боли и шепотом матерясь, взобрался на подоконник и спрыгнул во двор.

— Стреляют! Все пропало!—истерически закричала Ольшанская.

Она и без того не находила себе места в ординаторской, все металась, все что-то шептала. Гаюсова бесила ее трусливая суетливость, бессмысленность ее поведения. Сейчас им оставалось одно: ждать, когда в окно ординаторской стукнет подпоручик Першин. Ему и Егору Минакову, бывшему гвардейцу-семеновцу и члену Петербургского атлетического союза, было поручено инсценировать самоубийство раненого чекистского заморыша — повесить его на простынях. Это была, конечно, жестокая и архикрайняя мера, и к тому же небезопасная, но ее продиктовала необходимость. По словам Нины Дмитриевны, этот маленький, уже кем-то подстреленный пролаз нынче утром сунул нос в инфекционный корпус. Вряд ли он успел сообщить об увиденном там кому-либо, кроме следившего за Ольшанской чекиста. Но до завтра оставлять его живым было нельзя: решали уже не месяцы и недели, как раньше, а считанные дни. И неважно, кем считанные: до выступления оставалось, по словам Павловского, двое, от силы — трое суток, и никак не больше.

И вот — пальба! Она могла означать только провал: значит, убрать чекиста без шума не удалось. А коли так, то все случившееся с Минаковым и Першиным Гаюсова уже не могло интересоваться. Взяв со стола свечу, он открыл тумбочку и поставил туда огарок, чтоб свет не был виден из окна. Вынул из кармана револьвер.

— Бежать! — громким шепотом крикнул он. — Выписывайте пропуск на меня, живо!

Ольшанская была невменяема. Зажала ладошками рот, наталкивалась на мебель, глухо стонала. Брызнула осколками банка, свалившаяся с белого шкафчика, задетого ею.

— Дуреха! Истеричка!

Гаюсов схватил Нину Дмитриевну за плечи, встряхнул, отодрал ее ладони от лица и вlepил тяжелую пощечину.

— О-о! — застонала Ольшанская еще громче, оседая на клеенчатую кушетку. — Не могу-у-у...

— Ах ты!.. — Он вскинул револьвер. Сейчас, оскалившийся, он был похож на затравленного волка. — А, черт с тобой, подыхай!

Он схватил со стены белый халат и, опрокинув ногой тумбочку со свечкой, отчего та сразу же погасла, уже в полной темноте бросился к Ольшанской.

— Помните: вы ничего не знаете! Вам угрожали, понятно?! Если мы узнаем о вашем предательстве — задушим! Растопчем, изуродуем, ясно?!

Ольшанская задыхалась от рыданий. Вскочив с кушетки, Гаюсов прислушался, подбежал к окну. В госпитальном дворе слышались крики, метались с фонарями санитары, белели подштанники больных — в общем, творилось бог знает что. Гаюсов, запахнув халат, размахисто перекрестился и скользнул в коридор...

...Спрыгнув с подоконника во двор и взыв от боли, полоснувшей в ключице, Михаил Ягунин сначала было с наганом в руке побегал к инфекционному корпусу, но уже через десяток шагов сообразил, что сейчас до прибытия чекистов нужна вовсе не перепалка. Гораздо важнее было лишить контру всякой возможности прорваться за пределы госпиталя, для чего следовало его оцепить, и в особенности плотно — со стороны Волги, где перелезть через высокую кирпичную стену было проще: там находились сараи и поленницы. Да и потом легче скрыться будет без следа. Поэтому Михаил повернул к воротам: сказать, чтоб послали патруль вдоль стен.

Тогда-то он и увидел Гаюсова.

Сначала, правда, ему и в голову не стукнуло, что человек в докторском халате и с забинтованной головой может быть врагом. Другое дело, если б он крался, пригибаясь и оглядываясь, от инфекционного корпуса, — тогда и сомнений не было б. А этот совсем не таился, бежал в открытую, смело, с револьвером в руке. Явный военврач.

— Эй, товарищ, — окликнул его Михаил, но тот продолжал

бежать, широко раскидывая руки. Что-то очень-очень знакомое почудилось Ягунину в этой его манере.

— Товарищ, держись вдоль ограды! — крикнул он вслед удаляющемуся белому пятну. — Никого не подпускай!

И тут-то в памяти Ягунина и всплыло: пустынный пляж, черная поблескивающая вода и фигура прихрамывающего человека, который убегает от него и вот так же разбрасывает руки.

Нет уж! Теперь Михаил не станет кричать ему «стой!», как в тот раз. Откуда силы только взялись: хоть до конца и не верил он в такое счастье — поймать Гаюсова самолично, Ягунин ринулся вслед прямоком через клумбы и замечательные розовые кусты и, когда впереди засветлела спина, на бегу дважды выстрелил в нее.

Что-то белое — то ли халат, то ли человек в халате — упало под дерево, и тотчас оттуда — вспышка, грохот, и пуля свистнула возле уха. Ягунин присел — и вовремя: через секунду опять полыхнул огонек. Теперь Гаюсов стрелял уже не с земли, а из-за дерева: вспышка была выше, а визжание пули раздалось точнехонько у Михаила над головой.

Брошенный халат лежал на аллее, и Гаюсову, одетому в темное, было куда легче в ночной дуэли с чекистом, гонявшимся за ним в натальном белье. Зато не было у него ягунинской безусловной уверенности в успехе, ягунинского радостного азарта и оптимизма. Затравленный волк бывает страшен, и, огрызаясь, готов на все, но он обречен.

Нервы Гаюсова сдали: он стал стрелять на бегу, посылая пулю за пулей в мелькающего среди кустов и деревьев преследователя, пока, наконец, вместо выстрела не послышался сухой щелчок курка. Ах как проклял он себя в этот миг за то, что для удобства прихватил револьвер, а не маузер! Отшвырнув оружие и уже ни о чем не заботясь,—стреляй, проклятый чекист! — очертя голову Гаюсов бросился к стене. Подпрыгнув, он уцепился за ее верх и стал подтягиваться. Все выше, и вот уже Гаюсов подбородком коснулся края и, закинув руку, обнял ею всю толщу стены...

Пуля, ударившая возле шеи, выбила фонтанчик кирпичных брызг. Гаюсов зажмурился и попытался было занести ногу на стену, как вторая пуля шлепнула с другой стороны — и тоже близко от шеи.

— А ну, слезай к чертовой матери! — услышал он запыхавшийся, почти мальчишеский голос. — А то третью — в башку!

Все еще вися на стене, Гаюсов повернул голову. Света луны и звезд было вполне достаточно, чтобы в босом, щуплом парнишке с забинтованной рукой, в кальсониках и нижней, разорванной до пупка рубаше он узнал ненавистного чекиста, который, словно рок, преследует его. Он разжал пальцы и рухнул на землю, как мешок с тряпьем.

— Ну что, Гаюсов? Свиделись, сволочь?! — с ненавистью и ликованием сказал Михаил Ягунин, не сводя револьвера с переносицы врага.

И почувствовал, что слабеет. Что еще секунда-другая, и ноги его подкосятся, а сознание уйдет. «Надо стрелять, а то опять удерет», — замедленно подумал он, силясь нажать на спусковой крючок, но пальцы уже не подчинялись...

На ходу щелкая затворами, вдоль стены с шумом и хрустом топтали к ним чоновцы. «Вот и ладно», — теряя сознание, еще успел подумать Ягунин.

6

Допрос Ольшанской Белов начал тут же, в госпитале, он не хотел дать ей опомниться и собраться с мыслями. Сейчас, когда за окном ординаторской все еще продолжалась беготня, мелькали огни переносных фонарей и раздавались крики и команды и несколько раз стукнули выстрелы, Нина Дмитриевна готова была положить все, что угодно.

— Жить! — бормотала она, трясясь, как в ознобе. — Хочу жить.. Все равно как, только жить, жить, жить!..

Она хватала мокрыми от слез руками ладонь Белова, сжимала ее, порывалась целовать.

— Спрашивайте... Я скажу все, что знаю. Только, умоляю вас, обещайте мне жизнь! Умоляю!..

— Кто главный?

— Павловский... Александр Владимирович Павловский... Его настоящая фамилия Станкевич...

— Где его сыскать?

— Он живет... Боже мой, забыла... Сейчас, сейчас... Ильинская, двадцать шесть, со двора...

Ольшанская уткнула голову в кулаки, плечи ее содрогались от рыданий. Потом она подняла голову, глаза ее были безумны.

— Я ни при чем! — закричала она пронзительно. — Это они виноваты, они! Я не хотела, я все расскажу... Значит, так, он... Он — это Виктор Русаков.., он втянул меня... Он воспользовался моим чувством... Негодяй! Я не хотела пускать их в госпиталь, я сопротивлялась, клянусь вам! Он заставил... Я любила его...

Вот-вот с ней сызнаова могла начаться истерика, поэтому Белов, человек, в допросах поднатеревший, грубо заорал:

— А ну прекратить слезы!

И подействовало: вздрогнув от неожиданности, Нина Дмитриевна с ужасом, но уже молча смотрела на чекиста.

— Быстро выкладывайте все явки, какие знаете. Диктуйте, я пишу. Быстро!

— Василенко... Казанская, восемь... Бабков, по кличке «Маташ», Самарская сто восемь... Еще в аптеке, на Саратовской...

Белов наскоро, каракулями вносил адреса, фамилии, псевдонимы, клички в подвернувшуюся ему под руку то ли врачебную, то ли канцелярскую книгу. «После сочтемся с врачами, — думал он. — Только бы она не замолчала». Внезапно он вспомнил о смысле загадочного объявления о собаке — не знает ли?

— О собраниях через газету оповещали? — спросил он резко.

— Вы это знали?! — Даже страх не заглушил удивления в голосе Ольшанской.

— А что за объявление о пропавшей собаке? — еще суровее произнес Белов. — О каком таком английском сеттере?

— О, клянусь вам, не знаю... Поверьте... — Ольшанская стиснула пальцы, смотрела умоляюще. — Кажется, есть кто-то оттуда, из-за границы... О нем знают только Гаюсов и Павловский... Если б я знала, поверьте...

Лицо Ивана Степановича стало сосредоточенным и холодным.

— Чурсинов! — позвал он, приоткрыв дверь, а когда послышались шаги Григория, вышел к нему навстречу в коридор.

— Передай товарищу Булису, что я взял машину. Срочная надобность, верну ее через полчаса. А как там?

— Оцепили крепко, — сказал Чурсинов с обычной своей солидностью. — Только что военокруг целую роту нам подослал да еще чоновцы. Крыса не пролезет. Два грузовика дали...

— Дамочку, эту, Гаюсова, конечно, и того раненого, что у Ягунина под окном... И другую контру — только явную, с разбором, понял? — всех везите в губчека к Вирну. Я из редакции тоже прямо туда. Все понял?

— Понял, Иван Степанович. Только тот, который под окном, уже помер. Да, Шабанов куда-то пропал. Как пошел за врачихой, так и каюк, ни слуху ни духу. А может, это Мишка путает...

— Вот и вызнай. Ну, некогда мне, бывай!

И все же у порога задержался, спросил вполголоса:

— Как с Михаилом? В себя пришел?

— Очухался! — Что-то уж очень бодро прозвучал голос Григория, из чего Белов сделал вывод, что с Ягуниным далеко не все в порядке. Он видел, когда его переносили: кровью пропиталась не только повязка, но и рубаха на груди.

Белов вышел из корпуса и направился к воротам. Дважды его останавливали — сначала свои, чекисты, потом особисты Ратнера. У ворот с зажженными фарами, направленными в глубину двора, стояли два грузовика, а чуть позади — губчековский «Русобалт».

— Погоняй, Васильев, — весело сказал Белов шоферу, и тот ничуть не обиделся, зная точно — шутка. — Советская, дом номер сто, редакция «Коммуны», знаешь? Где губком партии, короче.

— Чего-чего, а этот адресочек знаем, — сказал бодро, в тон Белову, Васильев.

Спать Самара всегда ложилась рано — хоть до революции, хоть после, — так что по Ново-Садовой и по Самарской они мчались на бешеной скорости: Белову думалось, что, пожалуй, не меньше сорока километров в час. Ну а если и меньше, то на немножко. Но вот, когда вывернули на Петроградскую, а затем на Советскую, единственную асфальтированную улицу города, пришлось Васильеву умерить пыл. Здесь, в местах общественных увеселений, недолго было сбить пьяного, а то и ненароком столкнуться с пролеткой.

В редакции газеты «Коммуна» не было ни души, чего и следовало ожидать. Газета уже печаталась. Надо было звонить редактору. Хорошо, что у него был домашний телефон.

— Какое объявление? Вы рехнулись?! — взъерился он. — Все уведомления мы принимаем до двух дня, а сейчас сколько? Одинадцать ночи!

Белов пытался вставить словечко, но тот кричал:

— Да что бы там у вас ни было! Задерживать газету нельзя!

Пришлось звонить, и тоже домой, председателю губисполкома. Поскольку он в общих чертах был в курсе событий, то понял с полуслова и посоветовал не медля ехать в типографию.

— Давай дальше, Васильев, — сказал Белов, утирая лоб рукавом. — На угол Заводской, возле Троицкого базара.

— В типографию, знамо дело, — невозмутимо отметил Васильев. Там их ждали: позвонил редактор. Печатные машины остановили, за наборщиком, что жил ближе других, послали кого-то из печатников. После горячего разговора Белова с заведующим типографией было принято компромиссное решение: оставить уже отпечатанный тираж «для периферии», а для горожан Самары оттиснуть с объявлением.

...Не полчаса, а добрых полтора часа ушло у Ивана Степановича на эти издательские передрыги. Когда он, приехав в Самгубчека, вошел в кабинет Вирна, оттуда как раз выводили рослого человека с выпуклым лбом и резко обозначенными скулами.

— Павловский, — сказал Вирн, отвечая на немой вопрос Белова. — Будто бы главарь — он, а все же...

Он покачал головой, прошелся по кабинету.

— Нет, нет... Интеллект у него... не очень. Павловский, пожалуй, у них главный боевик, так сказать, нач. по террору. Как бы нам не упустить другого. Вот узнает он завтра-послезавтра об арестах и нырнет в подполье... Если он есть, конечно.

Белов сказал:

— Ольшанская — это которая из больницы — говорит, что есть кто-то из-за границы... Но выход на него только через Гаюсова и Павловского. А Павловский, конечно, молчит?

— Молчит, — спокойно подтвердил Вирн. — Пока молчит. А время дорого.

— А я, между прочим, из типографии сейчас, — очень буднично обронил Иван Степанович. — Объявленьице дал.

— «Ловите миг удачи»... — губы Альберта Генриховича еле обозначили улыбку. — Поймаем ли?

— Попытка не пытка, — сказал Белов. — А где Гаюсов?

— У Ратнера. Оказывается, у них тоже есть о чем поговорить с ним. Ровно в два совещание в штабе округа, не забудьте. Сегодня ночью будем брать по всей Самаре...

СРЕДА

1

В бедненько обставленной комнате — стол, кровать с железной сеткой, бугристый диван, две табуретки — в полном молчании пребывали два человека. Начальник секретно-оперативного отдела Самгубчека Белов сидел за облупленным круглым столом, уперев подбородок в сцепленные руки, и безучастно разглядывал криво висящую на стене олеографию с занимательным сюжетом: рослая барышня с мечом в неудобной долгополой одежде с доброй улыбочкой рассматривала отрубленную боро-

датую голову, лежащую в луже крови, да еще ногу на нее поставила. Лицо Ивана Белова не отражало по поводу наблюдаемого никаких чувств. Другой человек — начальник контрразведки Самгубчека Ян Арнольдович Булис, бородатый и немного похожий на того, попираемого кровожадной девицей неизвестного, — устроился промеж диванных шишек и, закинув ногу за ногу, еще и еще раз изучал от слов «цена номера 500 рублей» и до слов «опечатана в типографии губполиграфиздата № 1» свежий номер газеты «Коммуна». Ему, человеку разговорчивому, не терпелось поделиться с Беловым своими соображениями о состоявшихся в Самарском госуниверситете выборах ректора, порадоваться с ним открытию на Шестой и Седьмой просеках детского городка и прочитать вслух спорную заметку о встрече с писателями Неверовым, Степным и Яровым, которая состоялась вчера в клубе имени Ленина в 8½ часов вечера. Очень хотелось ему поговорить — Белов-то мужик мозговитый, — однако до поры до времени они должны были молчать.

Булис, скучая, перечитал объявление:

«Пропала годовалая собака породы английский сеттер (лаверак). Нашедшего за умеренную награду просят обратиться в общество «Самарский охотник-спортсмен». Спросить Павловского, до 11 часов дня».

Белов скосил глаза на Яна Арнольдовича.

— Ку-ку! Ку-ку! — раздалось вдруг.

Оба чекиста вздрогнули и дружно посмотрели на часы с кукушкой над диваном. Булис полез в карман брюк, достал серебряную луковницу, щелкнул крышкой.

И тут задребезжал дверной колокольчик.

Белов сделал знак Булису, вынул пистолет и прошел в прихожую. Отпер замок, а сам стал за косяком.

Медленно-медленно, с ужасным скрипом открылась дверь, прикрыв Белова. В прихожую вошел Макс Иванович Гюнтер. Увидев в комнате незнакомого ему Булиса, он заколебался, сделал два нерешительных шага.

— Прошу прощения, — пробормотал он вежливым тенорком. — Я, очевидно, ошибся.

Булис отложил газету.

— Почему же? — приветливо сказал он, вставая с дивана. — Если вы по объявлению...

Бородка Гюнтера дернулась. Быстрый взгляд, который он бросил на чекиста, выдал его беспокойство.

— Нет, нет... — Гюнтер попятился, отступая к двери, но тут из-за его спины показался Белов.

— Макс Иванович! — укоризненно произнес он, придерживая старика за локоть. — Куда же вы?

В глазах у Гюнтера промелькнул страх. Но только на мгновение: в себя он пришел поразительно быстро.

— А-а... Доброе утро!.. — Голос его был почти ласков.

Не выпуская локоть, Белов повел пивовара к столу, приговаривая:

— Вот и выбрал я наконец-то время, Макс Иванович. Помните, у нас с вами интересный разговор начинался, а? Насчет всякого там зла, моря крови и прочих штук...

Пивовар зло щурил глазки и молчал.

— И насчет собачонки побеседуем, — вставил Ян Арнольдович, обрадованный, что можно наконец-то подать голос. — Отыскали мы ее...

— Вот и слава богу, — насмешливо ответил Гюнтер. — Но нужна ли она вам? Это еще есть большой вопрос...

2

В то же утро за подписью начальника особого отдела Заволжского военного округа 3. Ратнера в Москву по прямому проводу ушло зашифрованное сообщение.

Вот его текст:

«Ожидалось послезавтра в 2 часа ночи нападение на губчека, особый отдел, губисполком, губком, электростанцию, водопровод,

элеватор, штаб Заволжского военного округа и др. Совместно с губисполкомом и штабом ЗВО выработан план охраны города.

Ночью арестовали 50 человек. Организация, готовящая восстание, готовила свержение власти. Марка — монархическая. Выявляя связь с Москвой, Омском, Тамбовом и другими городами. Ратнер».

Всю предшествующую ночь в Самгубчека и в особом отделе непрерывно шли допросы, а в городе и на его окраинах продолжались аресты. Начало им положили события в военном госпитале. Под давлением улик «раскалывались» такие матерые контрреволюционеры, как Павловский-Станкевич, адвокат Евельцев, бывший промышленник и торговец Аржогин. Заговорил наконец и крепившийся до сих пор хорунжий Шацкий. Только с Гаюсовым получалось неладно: симулируя психическое потрясение, он только мычал, хрипел и закатывал глаза — в течение двух дней от него не удалось добиться ни слова. Пришлось поместить его в тюремный лазарет, чтобы подвергнуть обследованию.

Молчал и Макс Иванович Гюнтер. Впрочем, он с охотой отвечал на вопросы, связанные с его довольно темным дореволюционным прошлым. В частности, он не отрицал своего соучастия в шпионских деяниях фон Вакано в пользу австро-венгерской разведки.

— Я ненавижу царизм и считал, что Россия достойна лучшей участи, — заявил он Булису, — и потому я, как и большевики, желал ей военного поражения.

Но стоило Яну Арнольдовичу завести разговор о раскрытом заговоре, лицо Гюнтера делалось недоумевающим, и он пожимал плечами. По-видимому, он на что-то надеялся. Но вот на что — оставалось только догадываться.

3

Вечером, часов через восемь-девять после неожиданной для пивовара встречи с Беловым и Булисом на проваленной Ольшанской явке, из здания Самгубчека вышел в сопровождении чекиста Макс Иванович Гюнтер. Следом из подъезда показался Белов. Чекист

открыл заднюю дверцу «Русобалта», пропуская в автомашину Гюнтера. Тот не без усилий — все-таки возраст! — взобрался и, тяжело вздохнув, уселся на кожаное сиденье. Его спутник собрался было сесть рядом, но Иван Степанович легонько отстранил его.

— Садись-ка вперед, — сказал он и сам устроился на заднем сиденье рядом с Гюнтером.

Тот еле заметно усмехнулся:

— С таким почетным эскортом...

Белов, подавшись вперед, сказал Васильеву:

— Сначала в домзак, а потом в Смышляевку. Овса-то хватит?

Водитель — ноль внимания на его шутку: он знал, что чем больше обижаешься, тем охотней дразнят.

«Русобалт» тронулся с места, и некоторое время все в машине молчали. Когда же автомобиль выехал на Самарскую, Белов тронул Гюнтера за плечо и, подмигнув, кивком показал на «Палас», мимо которого они как раз проезжали.

Гюнтер ответил скучающим взглядом.

— Макс Иванович, а не осточертела вам эта волюнка? — добродушно спросил Белов. — Ведь целый день канителемся, то Булис, то я. Может, скажете по секрету, на что вы все-таки рассчитываете?

— Дум спиро спэро, — Гюнтер иронически покосился на Белова и пояснил: — Пока дышу — надеюсь. По латыни.

— А ежели по-простому?

— Я, знаете ли, имею привычку газеты читать. — Тенерок Гюнтера был невозмутим.

— Я тоже. Что с того?

— Не забывайте, что я есть иностранец. Ваше государство ищет контакты... Старается их... мм... завязать. А что тут у вас, в Самаре? Вы уверены, что там, — он поднял палец вверх, — это понравится?

— Ах, вот вы о чем, — скучным голосом протянул Иван Степанович. — Вы случайно не господа бога имеете в виду?

Гюнтер молчал, глядя перед собой.

— Значит, международный конфликт? Так вы не беспокойтесь, не будет. Не нужны вы своим землякам. Макс Иванович!

Не слишком искреннее сочувствие прозвучало в голосе Белова.

— Не верю, — сухо обронил Гюнтер.

— Не верьте. Но вот вам все резоны. Первый: Австро-Венгерской империи больше нет, и чей вы подданный — непонятно. Австрийский? Чехословацкий? Венгерский? Нам стало известно, что вы плясали нынче под Антантину дудку!.. А раньше даже с Локкартом путались. Ну зачем вы им, подмоченный, да еще неизвестно чей?.. Мы-то скрывать ничего не будем.

— Позвольте, — живо перебил Гюнтер, поворачиваясь. — Представьте себе, что... мы с вами поменялись местами. В силу обстоятельств. Вы с этим... Булисом говорите мне: шанс, один шанс... А вы бы за такой шанс ухватились?

Белов внимательно посмотрел на него.

— Тоже мне, сравнили!

— Да, да, понимаю. — В голосе пивовара прозвучала насмешка. — Вы же все негибаемые... Железные... А что же, другим, стало быть, в этом качестве отказано?

Белов поморгал, подумал.

— Нет, почему же, — сказал он серьезно. — Со всякими приходилось встречаться. Только ведь дело не в том, что один очень стойкий, а другой — не шибко. Ну за какие такие идеи вы умирать-то собрались? А? Что у вас за душой, кроме ненависти?

Белов с презрением махнул рукой.

Автомашина пересекла трамвайную линию и остановилась возле проходной дома принудработ. Чекист вышел, отворил перед Гюнтером дверь.

— В общем, прикиньте, Макс Иванович, — сказал Иван Степанович вслед выбирающемуся из машины Гюнтеру.

Тот обернулся.

— Ну вот, опять возвращаемся на круги своя.

Да только не было в его голосе прежней уверенности...

ЭПИЛОГ

Прошло около двух недель.

Вышел до срока из военного госпиталя сотрудник ЧК Михаил Ягунин. Ему не терпелось принять участие в ликвидации контрреволюционного подполья, остатки которого чекисты и помогавшая им милиция методично выковыривали из самых потаенных щелей Самары.

По выходе из госпиталя ждали Михаила радости и огорчения. Очень приятно было ему увидеть на стенке возле кабинета Вирна, где вывешивали извещения и распоряжения по Самгубчека, такую бумагу:

Приказ

За проявленную личную инициативу и особую энергию при раскрытии контрреволюционных элементов в военгоспитале объявить благодарность сотруднику секретно-оперативного отдела товарищу Ягунину М. П. и выдать за ревностную работу 1 (одну) пару тельного белья и полный месячный продпаяк.

Председатель Самгубчека
В и р н.

Наградное бельешко, полученное у Левкина, Михаил незамедлительно сменял на довольно приличную гимнастерку с нагрудными карманами, а продукты — муку, крупу, воблу, сахарин — сложил в солдатский вещмешок и отправился с ним на поиски Нинки, о которой продолжал вспоминать все эти дни. Однако в доме на Уральской он не нашел никого: окна комнаты, где жила Нинка с дядькой, были забиты досками, а соседи знать ничего не знали.

Это было только одно из огорчений Михаила Ягунина, которое он, впрочем, несколько компенсировал, обругав Левкина буржуазным приспособленцем в присутствии нескольких чекистов. Левкин подал на Ягунина рапорт, но это уже было мелочью.

Тяжело переживал Михаил, что из-за слабости, вызванной потерей крови, не смог проводить в безвозвратный, последний путь своего самого близкого друга Ваню Шабанова. Его и стажера Мишу Айзенштата, смертельно раненного Гаусовым возле дома Башкатина и вскоре умершего от ран, хоронили со всеми воинскими почестями. Как рассказывала Ягунину Женя, на многолюдном митинге у их могил выступали даже предгубисполкома Сокольский и командующий округом Краевский.

Тем болезненнее было для Михаила известие, что заклятый враг из врагов Советской власти и личный его, Ягунина, враг, белогвардеец и авантюрист Гаусов сбежал. Да-да! Воспользовавшись беспечностью охраны, и персонала домзаконского лазарета, считавших его тихим идиотом, он удрал — и словно сгинул.

Так что не самыми веселыми были у Ягунина дни после выписки из госпиталя. Не улучшил настроения и категорический отказ Белова взять Михаила с собой на боевую операцию в завожские леса. Белов объяснял свой отказ не совсем зажившей раной Михаила, но тот подозревал, что причина в другом.

...Непоздним вечером на песчаной отмели близ Симбирского спуска варили на костре картошку двое красноармейцев. В нескольких шагах от них лежал, опершись на локоть, Михаил Ягунин. Левая рука у него была все еще перевязана и висела на груди, а в

ладони правой была зажата сухая хворостина, которой он, задумавшись, чертил на песке какую-то ерунду. На другом конце отделились мальчишки тащили бредешок, оттуда доносились звучные всплески и возбужденные возгласы: «Глыбже, Федяка!.. Глыбже, дубина, заходи!..» Красноармейцы переговаривались, а о чем именно, Ягунину не было слышно. Да и неинтересны ему были их речи. Неприятные мысли не отступали от него уже который день.

Отшвырнув прутик, он достал из кармана своей новой гимнастерки листок розовой, истершейся на сгибах бумаги. На самом верху его было напечатано:

«Из памятки сотрудникам ЧК».

Ягунин повернулся как посветлее и стал внимательно перечитывать памятку, обдумывая и примеряя каждый ее пункт на себя. Для этого он и взял ее сегодня у Чурсинова на один день.

«Быть всегда корректным, вежливым, скромным, находчивым». Что такое быть корректным, Михаил не знал. Он подумал, что этого, должно быть, редкого качества у него, конечно, нет. А остальные три? С ними плоховато тоже.

«Прежде чем говорить, нужно подумать». А он? Михаил даже вздохнул. Все наоборот.

«Каждый сотрудник ЧК должен помнить, что он призван охранять советский революционный порядок и не допускать нарушения его, а если сам это делает, то он никуда не годный человек и должен быть исторгнут из рядов Чрезвычайной комиссии».

Ягунин наморщил лоб: можно ли считать все его служебные промахи нарушением революционного порядка? Так и не решил и стал читать дальше.

«Быть чистым и неподкупным, потому что корыстные влечения есть измена Рабоче-Крестьянскому государству и вообще народу».

Он впервые усмехнулся. Ну, об этом даже и размышлять нечего,

«Быть выдержанным, стойким, уметь быстро ориентироваться, принять мудрые меры».

Михаил огорченно тряхнул соломенной шевелюрой, отросшей за время лечения. Да, этот пункт лупит по нему, и не легонько бьет, а кувалдой. Может, дальше будут более подходящие?

«Если ты узнаешь о небрежности и злоупотреблении, не бей во все колокола, так как испортишь дело, а похвально будет, если ты их тихо накроешь с поличным, а затем — к позорному столбу перед всеми».

Он вспомнил, как при помощи Нюси хотел «тихо накрыть» банкетов Стригуна, и на душе стало совсем погано. «Нет уж, — с унынием думал он, — коли нету таланта, а голова звонкая, как спелый арбуз, то старайся не старайся, проку будет мало...»

...Два ярких круглых глаза выплыли из-за штабелей леса, и свет автомобильных фар выхватил из сгустившейся темноты дебаркадер, причал, лодки, красноармейцев возле костра. Фары погасли, но Ягунин уже узнал губчековской «Русобалт» и, поднявшись с песка, быстро пошел навстречу крепкому высокому человеку.

— Ничего не слышно, товарищ председатель? — спросил он, подходя и с надеждой вглядываясь в лицо Вирна. Но ничего, кроме спокойной сосредоточенности, не увидел.

— Покуда нет.

Вирн вынул часы, поднес их к глазам.

— М-да.. Пора бы.

— Может, у них что с мотором... — неуверенно предположил Михаил.

Альберт Генрихович вынул папиросу и подошел к костру. Достал тлеющую головешку.

— Может, и с мотором, — ответил он сквозь зубы.

Красноармейцы отошли — то ли подальше от начальства, то ли решили еще поднабрать сухих корней и веток.

Вполоборота Ягунин смотрел на председателя Самгубчека,

Пламя костра разделяло их, и широкое лицо Вирна казалось выкованным из чистой меди, к тому же надраенной до блеска. Поколебавшись, Михаил сказал:

— Альберт Генрихович, я тут вот что надумал... Не знаю, как посмотрите... Рапорт хочу подать на свое увольнение.

Вирн бросил в костер головешку, затянулся дымом.

— Что так? — спросил он, устраиваясь у костра поудобнее.

— В армию буду проситься, — хмуря белесые брови, сказал Михаил. — В Туркестан.

— М-м-м... — понимающе помычал Вирн. — На басмачей, значит. По сабле соскучился?

— Да не из-за того... Не выходит у меня в Чрезвычайке. Какой из меня чекист?..

— Не выходит? — сочувственно переспросил Вирн.

— Не выходит.

Ягунин не уловил иронии в голосе Вирна — видно, слишком далеко была запрятана.

— Вы только не надсмехайтесь, а только уйти я хочу из-за Белова.

— Вон как! — На этот раз председатель губчека был откровенно удивлен.

— Равняться с ним — кишка тонка, а под ногами путаться — совестно, — решительно закончил Михаил.

Альберт Генрихович внимательно посмотрел на Ягунина.

— Завидуешь?

— А это не важно, — обидчиво вскинулся Михаил. — Я как партиец понимаю, что должности чекиста не соответствую. Вот и все.

Внезапно Вирн высоко поднял голову, обернулся к Волге, прислушался.

— Да нет... Лесопилка, — вполголоса пробормотал Ягунин. Он волновался: как-никак решиться все это высказать было не легко.

— Сотрудник Ягунин, — сказал Вирн будничным тоном, будто

о погоде говорили, а не о судьбе. — Откровенность за откровенность. Не начини ты этого разговора, я бы, может, подписал твой рапорт. Езжай!...

Он выдержал паузу, продолжая смотреть на Михаила, который чувствовал себя явно не в своей тарелке.

— Ты вот недоволен собой. Значит, кое-чему научился. Зачем же тебе уходить? Я вот убежден, что там, где появляется самодовольство, там кончается чекист. И не только чекист. Большевик тоже. А насчет твоего несоответствия... Белов тоже не родился чекистом. Надо соответствовать, Ягунин! Ленин говорил, что социализм нам строить с теми людьми, какие есть. Других взять негде.

— Идет! — раздался голос красноармейца.

Сначала они услышали постукивание мотора, и уже потом стал проявляться на реке кургузый силуэт буксира. Ягунин со всех ног бросился к дебаркадеру, а Вирн, прикурив папиросу от папиросы, остался у костра. Он следил, как разворачивался носом против течения выдававший виды «Богатырь», как суетились на его борту и на дебаркадере неясные фигуры. Но вот донесся голос Белова:

— Остальных в грузовик! Есть грузовик-то, а?

Чувство необычного, огромного облегчения охватило Альберта Генриховича Вирна. Он почувствовал слабость, чуть было не опустился на песок, но пересилил себя, зажмурился, длительно вздохнул. «Вот и все, кажется, — подумал он. — Иван жив и дело сделал, и даже веселый, черт!..»

К костру шли трое — Белов, Яковлев-Семенов и Чурсинов. Когда приблизились, Вирн увидел, что одежда у всех измазана в иле, помята, кое-где разорвана. Щеку усатого красавца Яковлева-Семенова пересекла ярко-розовая царапина.

Белов, подходя к Вирну на шаг ближе остальных, отрапортовал:

— Товарищ председатель губернской чрезвычайной комиссии!

Задание выполнено. Взяли мы, считай, всех, кроме двух, которые в перестрелке... того.. Живых захвачено четырнадцать.

Подошел Ягунин. Он с жадностью слушал.

— Значит, не соврал Гюнтер? — сказал Вирн. — Ну, а с людьми? В порядке?

— Почти, — несколько смущенно сказал Иван Степанович. — Коничева крепко зацепило, еще трех товарищей по мелочи... И все из-за меня. Я на всякий случай подстраховался. А пока остров оцепляли, они учуяли. Ну, и пальба. А там надо было брать их с маху.

Белов оглянулся на Ягунина, блеснул мелкими зубами:

— С маху, как вот Ягунин любит. Ей-ей, позавидовал тебе, Михаил. Брать бы их прямо в сторожке...

Вирн бросил многозначительный взгляд на Ягунина, еле замет-но усмехнулся.

— Ладно, идемте, товарищи, — сказал он негромко. — По дорожке расскажете. Да, вы там Гаюсова, конечно, не накрыли? Иначе сразу выложили бы...

— Еще бы! — фыркнул Яковлев-Семенов.

Они шли тесной кучкой — Вирн, Белов, Яковлев-Семенов и Чурсинов, — шли по песку к темнеющему невдалеке сомнительному красавцу «Русобалту», но о чем спрашивал Вирн и что рассказывали участники операции, Ягунин не слышал, хотя брел он позади них всего в пяти-шести шагах.

«В Туркестан!.. В Дальневосточную Республику!.. К черту на рога!.. — с яростью, тоской и отчаянием думал он, кусая губу и сжимая кулаки. — Проклятый Гаюсов!.. Из-за меня ведь погиб Ванюшка... Все, все из-за меня! Не упустил бы я его тогда...»

Не знал чекист Михаил Ягунин, что пройдут годы, Гаюсов вынырнет на поверхность и снова — уже в который раз! — пути их пересекутся. Знал бы — не убивался, да только откуда ему было это знать?

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Вторник	10
Среда	39
Четверг	77
Пятница	99
Суббота	135
Воскресенье	142
Понедельник	165
Вторник	189
Среда	211
Эпилог	217

ИБ № 310

Эдуард Михайлович Кондратов,

Владимир Александрович Сокольников

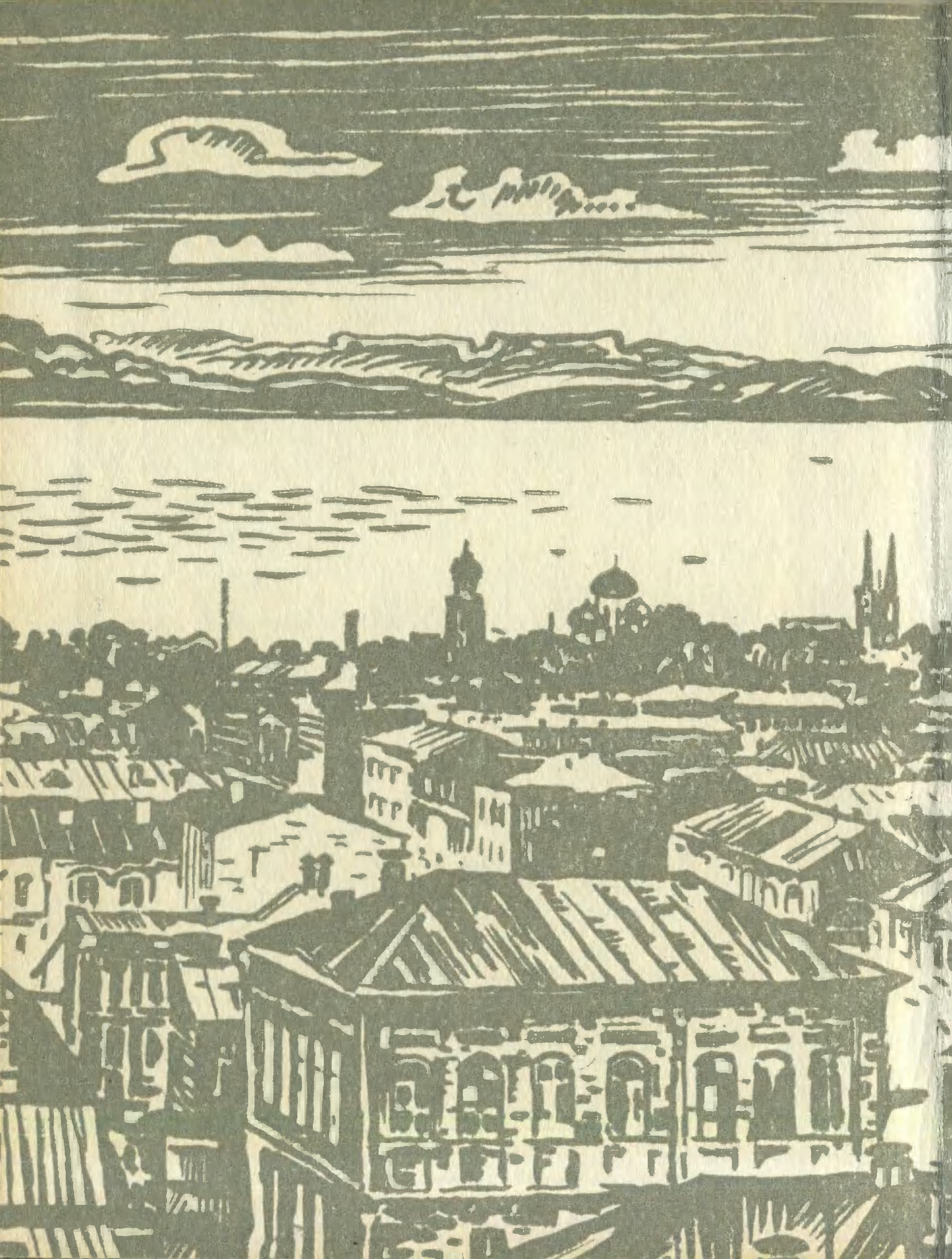
ТРЕВОЖНЫЕ НОЧИ САМАРЫ

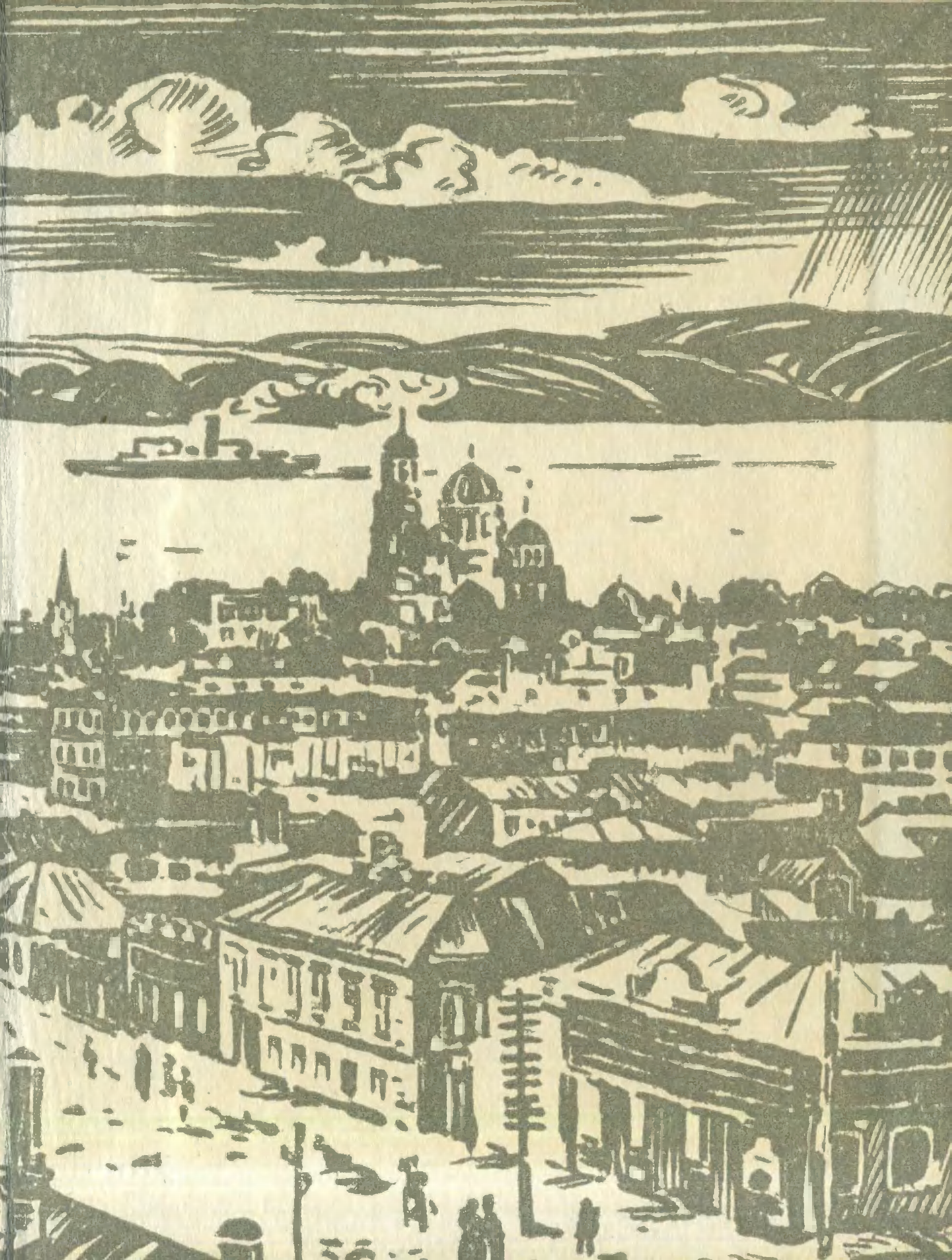
Редактор И. А. Максимов
Художник В. М. Пашкевич
Художественный редактор Е. В. Аль-
бокринов
Технический редактор З. К. Яшина
Корректор Э. И. Щербак ова

Сдано в набор 11.XII.79. Подписано
к печати 16.06.80. ЕО 01362. Формат
70×108¹/₃₂. Бум. № 2 тип. Журнальная
рубл. гарнитура. Печать высокая. Усл.-
печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 11,26. Тираж
50 000 экз. Цена 50 коп. Заказ 7105

Куйбышевское книжное издательство,
г. Куйбышев, ул. Спортивная, 5/27.

Изд-во «Волжская коммуна», г. Куй-
бышев, пр. Карла Маркса, 201.

50 коп.

